

БОЛНГОЛОВ

СЕРГЕЙ ЛЕУС

Магия, разбросанная по миру... Магия, которую может найти кто угодно... Но сумеет ли кто угодно ею воспользоваться?..

Успешная команда охотников на магических монстров живет своей интересной полной приключений жизнью. Веселый тяжеловес, задумчивый маг, молчаливый пращник и очаровательная лучница, бегущая от своих тайн, — у каждого из них не только свои задачи в команде, но и свои цели, свои мечты, свои страхи и свое прошлое.

Компанию охотников сопровождает отсталый в развитии племянник тяжеловеса. Врожденные проблемы с памятью мешают ему жить полной жизнью, но несколько не смущают его странных спутников.

Размеренную жизнь охотников меняет всего одна встреча с магическим животным.

Фэнтезийный мир романа уводит в параллельную вселенную, где время и обстоятельства срывают маски с воинов и бродяг, магов и разбойников... Юмор и интриги, тайны и не имеющие прецедентов в литературе повороты сюжета ждут вас в романе Болиголов.

Глава 1

Здоровяк Джоф стоял по пояс в небольшом озере и намыливался здоровым куском пахучего мыла, который легко помещался в еще большей волосатой руке. Казалось, что ни с одной другой вещью Джоф никогда не был так осторожен, как с этим куском мыла: оно было довольно дорогое и если уронишь в воду, то его придется долго искать, а потом еще и очищать от прилипшего песка, с которым уйдет и часть мыла. Чистить, конечно же, будет оболтус Балда, но это еще хуже. Эти мысли не помешали Джофу кинуть мыло Балде.

— Эй, лови! — рявкнул он, и Балда тут же оторвался от стирки и выхватил из воздуха летящий и блестящий на солнце кусок, который сделал еще две безуспешные попытки ускользнуть. — Не урони, раззява. Он стоит дороже всей твоей одежды. Бросай щетку!

Балда аккуратно положил мыло на грязную одежду и, взяв щетку, пошел к Джофу.

— Вот дурачина! Я же говорю: кидай!

Балда остановился по колено в воде и осторожно бросил щетку Джофу. Джоф начал смеяться своим зычным смехом.

— Ну ты видел, каков дурак? — обратился он к сидящему на берегу Кристофу.

Седеющий маг мирно полусидел-полулежал на горячем камне, подставив лицо теплему весеннему солнцу. Кристоф не думал ни купаться, ни раздеваться, потому что его часть работы не предполагала какого-то особого физического напряжения. Он думал о том, что скоро они выполнят последний заказ, заберут свои деньги и, скорее всего, за всю следующую по возвращении в город неделю даже не увидятся. Слишком долго находиться в этой разношерстной компании, с одной стороны, было здорово, а с другой — слишком невыносимо для раздутого эгоизма каждого из участников.

Джоф усердно тер себе спину и бока. Раньше это делал Балда, но в последнее время Джоф заметил, что начал хрустеть костями и утратил былую молодецкую гибкость от постоянных переездов в повозке. Поэтому он и стал тереть себя сам, воспринимая это как физические упражнения. Он отбросил щетку на берег и несколько раз присел, окунаясь с головой. Мутное мыльное пятно начало расходиться вокруг него. В редкие моменты купания Джоф был максимально беззащитен — все остальное время он ходил, ел и спал в полной экипировке, состоявшей, к слову сказать, из одной кольчуги. Еще у Джофа был шлем, но его он обычно надевал только в схватке с монстрами.

Кристоф поглядывал на него через щели полузакрытых век и думал, что вот сейчас они могли бы сразиться на равных, и у него, Кристофа, были бы все шансы потопить эту бочку в искусственно разведенном им же болоте.

Да, Кристоф владел магией на довольно высоком уровне по меркам их мира, но для здоровяка Джофа все его потуги были не больше комариного писка. Джоф и сам владел магическими азами, которыми умело пользовался в быту: с легкостью брился, проводя ладонью по лицу, и мог забавы ради притянуть кружку с пивом от стойки на стол. Но даже без этой магии, голый и с одним оружием в руках, он мог расправиться с Кристофом в два счета. Тем не менее именно Кристофа, как хорошего друга, Джоф просил постоять на берегу на стреме, пока сам он быстро и радостно купался после очередной бойни.

Хлоя и Роджер суетились у лагеря: искали дрова, готовили ужин, кормили лошадей. Вместе, втроем, они бы точно могли справиться с голым Джофом, продолжал размышлять Кристоф, но даже если и так, то что бы они стали делать дальше? Без Джофа они бы до этих

мест даже не добрались. Маг и два ловких дальнострела могли какое-то время держать дистанцию и отстреливаться, убегая от какой-нибудь превосходящей их числом шайки, но если бы у противника было что-то мало-мальски похожее на магический щит, да еще и быстрые кони, то далеко бы не убежали. И уж тем более они не смогли бы так легко справиться ни с одним заданием по поимке магических зверей.

С виду слегка жирноватая, но сильная и мускулистая туша Джофа выплыла на берег. Он ловко подцепил и подкинул пальцами ноги свою двустороннюю секиру на длинной рукояти, и она, прокрутившись стрелозой в воздухе, легла прямым в его широкую ладонь.

— Сходи покупайся! Я прикрою, можешь быть уверен. — Он с гримасой ярости крест-накрест рассек секирой воздух так, что свист был слышен даже в лагере, местами по складкам кожи здоровяка прошла волна, а сжавшиеся от холодной воды причиндалы дернулись из стороны в сторону. Джоф так шутил. Кристофу всегда нравился этот выпендрож. Массивность Джофа не мешала его рукам носиться из стороны в сторону быстрее ветра. Одной оплеухой он не раз укладывал грубиянов в пьяной потасовке. Разумеется, было бы глупо называть дракой пятисекундную разборку с уснувшим в полете противником. И если скорость оплеухи была велика, то скорость лезвий длинной секиры, находившейся в руке Джофа, была еще больше. Металл и обработанное древо секиры были нечувствительны к магии, то есть магия не могла ее сломать, а топорищем можно было прикрыть свою голову от каких-нибудь летящих магических снарядов — считалось, что такое оружие даже лучше, чем магическое. Чувство опасности Джофа как противника и чувство безопасности рядом с ним периодически сменяли друг друга в мыслях Кристофа.

— Я бы еще мог покупаться в чистом озере в то далекое время, когда ты еще не превратил его в болото. А сейчас мне солнечные ванны милее водных.

Джоф рассмеялся. Он любил глупые и грубые шутки, хотя все почему-то считали, что он довольно умен. Считали так, скорее всего, потому, что он и его компания были наиболее успешными и известными наемниками, а собрать хорошую команду удавалось далеко не всем. Джоф в каком-то смысле и был грубияном, солдафоном и деревенщиной, но это не помешало ему прикинуть, как он может заработать себе на жизнь. Их четверка была настолько средней, что все поражались, как они смогли обскákat те группы, где были ловкие мечники под прикрытием дальнострелов, или группы, состоящие из одних сильных магов. Но Джоф смекнул, что в этом разношерстном мире Средиземнолесогорья, или как бы там его ни называли, у тебя должен быть готов ответ на любой вопрос, а, точнее, должен быть готов отпор на любой наезд. Значит, если твоя команда будет такой же разношерстной, то кто-нибудь обязательно сможет ответить на поставленный жизнью вопрос и временно прикрыть всех остальных. А если группа сможет понять, с чем она столкнулась, и выжить, пусть и отступив на первых порах, то в следующий раз она уже будет подготовлена.

Две тысячи лет назад великий и прекрасный мир магов постигла гибель, причиной которой стали самые обычные человеческие эмоции: глупость, алчность, гордыня, зависть, трусость, ненависть. Никто сейчас не скажет, что тогда произошло, но внезапно вспыхнула война, короткая и жестокая, которая основательно изменила мироустройство. Узнать правду сейчас не представлялось возможным, но было точно известно, что некогда контролируемая магия расплескалась по всему свету. Все вокруг знали, что когда-то давно были какие-то добрые и злые маги. Злые и хитрые хотели победить добрых и честных и отобрать всю их силу, магию, энергию, чтобы подчинить мир своим амбициям. Но эти добрые, проигрывая, пожертвовали собой, создав абсолютно новое и до сих пор необъяснимое явление. Во время

одной-единственной великой битвы это случилось, и все задействованные в ней маги — и добрые, и злые — вдруг исчезли, и мир накрыло очень долгим дождем, который шел несколько месяцев. Где-то дождь шел обычный, а где-то разноцветный, где-то светящийся, где-то искрящийся, а по истечении этого, казалось, вечного водопада мир стал покрыт разными видами магии так, словно художник взял все свои краски и разбрызгал их по холсту. В целом человеческий мир не сильно пострадал, так как людей война почти не коснулась, но после того дождя магия стала доступна каждому, кто ее находил: растениям, насекомым, животным, людям. Кого-то магия могла случайно убить, кому-то подчиниться, кто-то мог родиться уже наделенный магией. Все стало слишком хаотичным и непредсказуемым. Раньше маги были магами, воины воинами, торговцы торговцами, а простые люди простыми людьми. А теперь походи разберись кто есть кто.

— Ты бы прикрылся. Знаешь же, как Хлоя относится к твоей красоте, — Кристоф решил воспользоваться своим не менее опасным, нежели магия, оружием, которым по пьяни спровоцировал не одну драку в дешевых трактирах.

— Ты прав, — снова крякнул от удовольствия Джоф. Он воткнул длинную секиру рукояткой в песок и стал надевать чистый комплект нательного белья и сшитые на заказ непомерные кожаные штаны. — Не для ее глаз расцвела такая роза. Эй, Балда, заканчивай со стиркой, скоро стемнеет.

— А как же кольчуга? Не хочешь, чтобы он подлатал ее? Рог того бычка, к которому ты пристал пьяный, оказался более магическим, чем все встреченные нами монстры. — Кристоф усмехался про себя, точно зная ответ на свои вопросы. Как бы ни казалось здесь безопасно теперь, Джоф не станет расхаживать без кольчуги. За свою жизнь он, разумеется, волновался, но подставить всю команду, выбыв из боя из-за какого-то случайного сгустка магии или незаметной стрелы, было намного хуже.

Последний бой с довольно массивной ящероподобной магической тварью прошел так легко, что Джоф уже возомнил, что достиг каких-то новых вершин в своем искусстве. Ему, как и многим другим в этом магическом мире, продвижение по стезе опыта представлялось ступенчатым и уровневым, хотя ничего подобного не было и в помине. И вот, пока Хлоя, Роджер и Балда аккуратно снимали шкуру с той твари, Джоф на радостях наполовину опустошил один из бурдюков с вином и бродил вокруг места битвы, источая похвалы самому себе, ну и немножко остальным за компанию. И тут на глаза ему попался мирно пасущийся чуть поодаль бык. Захмелевший Джоф, не видя заинтересованности своих спутников, разглядел у быка свободные уши и пошел рассказывать ему о своем героическом, хотя больше коммерческом, подвиге.

Странно, что никто не задумался о том, почему меланхоличного вида бычок так спокойно и уверенно жует травку вблизи пещеры, вокруг которой на десятки километров не видно ни людей, ни зверей. Хлоя и Роджер хотели побыстрее разделаться со шкурой ящерицы, а Кристоф смотрел на то, как Джоф приближался к быку, но в голове у него мелькали монеты, которые им заплатят за десяток с трудом добытых шкур. Больше десяти обычно не таскали, потому что деньги весят легче и не пахнут, а значит, и не притягивают к себе всех любителей легкой наживы. Так и пролетели перед Кристофом картины, как Джоф машет руками перед мордой быка, как он декламирует ему ужасные отрывки песен собственного сочинения, написанных в свою честь, как он берет быка за рог, пытаясь повернуть его морду, водит перед его мордой пальцем и указывает в сторону своих компаньонов, как бык наклоняет свою голову вниз, поддевает рогом Джофа под мышку, и

вот уже сам Джоф пролетает перед задравшим голову Кристофом. Могло показаться, что Джофу вдруг стало тяжело тащиться назад, и он попросил приятеля его подбросить до места недавней битвы, но нет. Туша, сопоставимая по массе с быком, летела по идеальной дуге и мягко приземлилась на воздушной подушке, которую вышедший из ступора Кристоф успел наколдовать. Туша вскочила в пьяной ярости и уже ринулась к быку, но оказалось, что полет успели заметить все, и все бросились удерживать Джофа от необдуманного поступка. Удерживать было сложно, потому что все трое весили примерно столько же, сколько и сам Джоф. Хлоя с Роджером повисли сзади, а Балда спереди уже мог прилечь под этот катившийся пьяный валун. Каким-то чудом Джоф остановился, загнипнотизированный светящимся ярко-синим цветом, которым вдруг засиял красиво изогнутый и довольно длинный рог быка. Роджер отделался случайным ударом локтя в глаз, Хлоя и Балда не пострадали. Кристоф даже не шелохнулся, чтобы помочь: он, как и Джоф, был заморожен светящимся рогом. Бык за все время так и не сдвинулся с места и выражал такую уверенность в своих силах, как будто чувствовал, что один его шаг в сторону людей — и те вмиг подорвутся и побегут, побросав все свое барахло.

— Хм, а может, нам рискнуть и добыть еще одну шкуру и пару волшебных рогов? — Джоф явно успел протрезветь на свежем высотном воздухе, но все еще не до конца.

— Я плохо вижу, — сказал в нос державшийся за глаз Роджер, — и особенно плохо — свое будущее рядом с Джофом.

— Отличная идея, — поддержала Хлоя. — У нашей ящерики шкура вспорота на спине, и сдается мне, что это не от твоей секиры. Но в целом я могу пострелять издали, если ты серьезно настроен. Только сейчас найду какое-нибудь дерево повыше. Нет, лучше скалу, ее сложнее повалить.

Углы губ Джофа чуть съехали вниз от этих слов. Выходит, что это не он такой великий воин, а ящерица была на последнем издыхании.

— Я не очень хорошо разбираюсь в магии, — начинал прибедняться маг Кристоф, когда хотел указать всем на их места, — но, по моему скромному мнению, нам очень повезло, что этот безобидный бычок нашел источник магии раньше этой ящерицы. Так что предлагаю всем подтереть слюни, собрать пожитки и как можно скорее уйти подобру-поздорову.

— Вот почему жители говорили, что давно не видели ящера. Эх, какой красавец! — Джоф с тихой грустью любовался угасающим свечением и спокойным и уверенным взглядом прекрасного животного. Он умел переключаться и взвешивать все за и против, поэтому мысль о том, чтобы раздобыть этот рог, отбросил с той же легкостью, с какой этот рог отбросил его самого.

Пока Кристоф колдовал над глазом Роджера, Хлоя и Балда быстро сняли шкуру ящерицы, и все вместе, изредка оборачиваясь, уносили ноги. У Хлои мелькнула дикая мысль, на которую способна только женщина, — подойти погладить это невероятное создание, но отсутствие кольчуги и присутствие ума не позволили ей этого сделать. Красота она, конечно, красота, но и жизнь тоже хорошая штука.

— Н-да. Везунчики мы, с этим не поспоришь. И ты меня хорошо приземлил, а то бы вы до сих пор от жира не отмылись. — Джоф подошел к Балде и взял у него из рук уже чистую кольчугу. Рваный разрез шел от середины левого бока до подмышки. Несколько разорванных колец упало на землю. Джоф поднял левую руку, задрал рубаху и в очередной раз осмотрел свой бок — по-прежнему ничего серьезного, лишь тонкая красная полоса на коже в том месте, где прошел рог. Удивительно! Можно зашить кольчугу сейчас: у них в повозке должен

быть ремонтный комплект от старой ржавой кольчуги. Можно зайти к кузнецу в поселении и попросить подлатать ее, а пока поносить старую. Но если кольчугу заделают, то будет сложно предъявить претензии к тому старому шарлатану, который продал этот неуязвимый, непробиваемый, дарующий прилив сил, магии и улучшающий потенцию артефакт. Уже на слове потенция должен был возникнуть вопрос: как это должно работать, если кольчуга доходит почти до колен! Да и за тот год, что Джоф ее носил, ни разу она ему ничего не натерла, и в городишках при виде девушек, машущих из окон борделей, желание все бросить и мчаться к ним в эротическом угаре возникало не чаще, чем до появления этой вещицы. Бедные девушки, они еще и помогали снимать ему эту непомерно тяжелую ношу, растрчивая силы, которые могли бы потратить на ласки. Шарлатан, не то слово. Конечно, кольчуга не раз спасала и даже в этот раз спасла ему жизнь, но предъявить претензии и получить скидочку не помешает. Джоф еще раз оглядел свою спасительницу, ткнул в бок Балду, чтобы помог ему облачиться.

— Я бы сказал, что везунчик только ты! — обдумав свой ответ, сказал Кристоф. — Но, с другой стороны, если бы не твой полет, мы могли вдруг решить, что можно вернуть бычка хозяину, и поплатились бы сполна.

— Точно. Этот старикан все ныл, что ящер утащил его любимого бычка, — последние два слова Джоф выдал голосом. — Ну, теперь мы с чистой совестью можем сообщить ему, что бычок его жив-здоров, пусть идет и сам забирает его.

— А если бы не моя неконтролируемая магия воздуха, — продолжал маг, до сих пор не до конца понимающий, как ему удалось так быстро и мягко приземлить Джофа, — то твой второй полет (уже на небеса) мог бы оставить нас беззащитными сиротами.

— Ха-ха. Умеешь ты и похвалить, и обгадить. — Джоф, уже в кольчуге, подвинул Кристофа на камне и выставил мокрую, в мелком песке ногу. Балда быстро дочищал сапоги, хотя Джоф его не торопил. — А всему виной моя доброта. Разбаловал вас, веселю вас, смеюсь с вами, не обижаюсь на ваши колкости. Вон и племянничка-дурачка опекаю, упокой небо душу его бедной матери.

— Ох, где мой платок, сейчас зальюсь слезами. — Маг, придавленный жирным боком, не собирался уступать нагретый камешек и ловил последние лучи уходящего солнца. — Ты даже имени его не знаешь.

— Как не знаю? Балда его имя. Как тебя зовут, мальчуган? — обратился Джоф к двадцатилетнему родственнику. Мальчуган был ростом под два метра, как и сам Джоф, только худощавый, но так как всегда ходил чуть сгорбленный и понурый, то казался даже ниже Кристофа.

— Бал-да! — растягивая слоги, провыл тот.

— Что я тебе говорил — имя такое у него! — Джоф дружески толкнул Кристофа локтем, и тот чуть не упал, съезжая с камня и балансируя руками.

Балда закончил поверхностную чистку сапог и подошел к Джофу.

— Подсоби, Кристоф, — Джоф указал на свою обсыпанную песком ногу. — Ты же знаешь, что этот трюк у меня никак не выходит. С виду кажется, что все чисто, а он просто весь на стопу перемещается.

Кристоф махнул рукой и что-то безмолвно пробормотал губами — весь песок осыпался с ноги Джофа. Балда завороченно смотрел на эту бытовую магию, и Джофу пришлось окликнуть его. Он натянул один сапог, затем трюк повторился со второй ногой.

— Слушай, вот ты песок скидываешь, а можешь лишний жир скинуть, а то у меня

скопилось немного на боках? — Джоф схватил ручищей себя через кольчугу за большую складку и потряс ею.

— Я же тебе говорил, что могу. Здесь недалеко есть ущелье — там мы сможем скинуть весь твой жир одним махом. Возможны сопутствующие потери.

— Чтобы растряссти жир от твоих шуток, мне пришлось бы смеяться десять тысяч лет. Пойдем уже. Балда, иди покупайся, как закончишь стирку. Только мьлься на берегу и три бока хорошенько — так хочется поспать в свежем лесу, ха-ха-ха. — Бережливость Джофа касалась лишь бессмысленной траты вещей, но делиться с окружающими никак ему не мешала.

Джоф взял секиру, и они с Кристофом направились в лагерь, располагавшийся поодаль возле островерхой скалы, на месте более ровном, укромном и безопасном, чем на открытом берегу. Зеленая неприметная повозка сливалась с холмистым сосновым пейзажем, костер потрескивал и выбрасывал в сумерки языки пламени. Пять привязанных гнедых лошадок, поужинав остатками фуража, тихонько фыркали на своем языке, возмущаясь отсутствием свежей травы и наличием иголок. Одна, крайняя, доставала до невзрачного одинокого кустика и отщипывала от него листочки — несправедливость такого обстоятельства вызывала волну ржания и попытки кусаться. Роджер и Хлоя наблюдали эту сценку словно театральное представление — мир людей в исполнении лошадей. После первых укусов, лягания и ржания Роджер взял топор, вырубил куст и бросил его в зону, доступную всем пяти мордам. Лошади успокоились и стали обглаживать куст совместными усилиями — справедливость восторжествовала.

Над костром вертелась подстреленная Хлоей дичь, рядом разогревались остатки вчерашней косули — тонкий слой магического налета на несколько дней спасал мясо от гниения. Можно было хранить мясо и дольше, но съедали его быстрее. Обедать и ужинать всегда садились все вместе, чтобы создать иллюзию семьи, сплоченности и некоторой связи. Балду обычно не ждали, потому что он не считался участником их охотничьей команды, а воспринимался больше как прислуга и лишь по совместительству племянник Джофа. Хлоя, имея более чуткое сердце, всегда с сочувствием смотрела на его лицо, которое при других обстоятельствах могло быть красивым, если бы не глупое выражение, опущенные губы и тусклый, вечно пытающийся что-то вспомнить серый взгляд. Это лицо в ком-то вызывало жалость, в ком-то — неприязнь, а кто-то просто смеялся и хотел поиздеваться над убогим. Хлоя заступалась за Балду при любой активации внутреннего чувства несправедливости, но Балда был тугой на ум и не всегда мог это даже понять.

Обычно Балда ловил и готовил ужин, занимался лошадьми и костром, но в дни после столкновений с магическими тварями Джоф всегда приводил себя в порядок, мылся и одевался в свежее чистое белье. В эти дни Балда занимался стиркой и чисткой одежды Джофа. Остальные к его услугам не прибегали, потому что особо не пачкались и не хотели гневить Джофа, который негласно считал Балду своей родственной собственностью и личной прислугой. Сам Джоф представлял себя благодетелем, который дает племяннику кров и еду, поучения и наставительные пинки, показывает ему свет и выводит в люди. Хлоя часто из-за этого вступала с Джофом в прения, когда Балда отлучался за дровами или дичью: изредка она доводила себя до крика, а Джофа — до колик в боку.

Иногда Балда предлагал ей почистить ее одежду, что трогало ее девичье сердце и вызывало сестринские чувства, но она только благодарила его словами и всегда отказывалась. Балда же думал, что она отказывается из неприязни, но из-за своей глупости

через день об этом забывал и снова оказывал Хлое посылные знаки внимания. Никто не мог подозревать тихого Балду в ушлом намерении, потому что, когда Хлоя отказывала Балде в чистке одежды, в разговор влезал Кристоф, предлагал свои такие же услуги, а за очередным отказом влезал и Джоф. «Сейчас вычистим всю твою одежду, снимай все, не стесняйся». Джофа Хлоя отсылала без стеснения и в грубой форме — он не обидится, ведь сам знал, что заслужил.

Русая длинноволосая Хлоя привлекала не только своей стройной, местами упругой фигурой, но и своей чуткостью. Она обычно собирала волосы в хвост, но иногда на привалах распускала их, и аромат волос начинал конкурировать с дымом костра. Никто не мог понять, откуда она черпала хладнокровие для охоты, обстрела тварей и отпора всем пьяным ухажерам в трактирах. Кристоф подозревал, что она владеет уникальной техникой разделения и переключения сознания, но доказать этого не мог. Хлоя была из хорошей семьи, обладала красивым голосом, была обучена манерам и при своей внешности могла бы найти достойного супруга и жить безбедно, рожая в год по ребенку. Возможно, такие привитые родителями планы и были в ее красивой головке, но с некоторой отсрочкой. Хлоя с детства играла с мальчишками, сама смастерила себе лук и перестреляла кучу дичи в округе. Не желая заниматься свежеванием, она продавала неудачливым, но самовлюбленным охотникам тушки за гроши и к совершеннолетию скопила денег на хорошую походную одежду, уникальный кинжал, раны от которого кровоточили несколько часов, и лук мечты. Лук не был магическим, но был очень удобным и крепким и только что не стрелял сам. Облачившись, взяв оружие и скопленные деньги, Хлоя оставила родителям записку «Скоро буду, не скучайте» и ушла из дома пять лет назад. Тогда Хлоей управляло любопытство, желание увидеть мир и найти нечто более увлекательное, чем сидеть и угадывать: забеременела или разжирела. Сейчас она уже начинала подумывать, что, может, уже и хватит смотреть мир — везде одно и то же.

Джоф взял ее в команду три года назад на вырост, думая, что они узнают друг друга получше и после всех приключений она станет его женой. Но Хлоя сразу дала понять, что она здесь по тем же причинам, что и остальные, и добросовестно выполняла свою часть сделки. Джофа вначале посещали мысли выгнать ее, чтобы не травил душу, но все-таки ее присутствие как-то успокаивало грубые мужские сердца, и при ней никто ни разу не подрался. К тому же Хлоя иногда брала лютню и нежно мурлыкала под музыку струн — ее за нежный взгляд обучали все барды в посещаемых ими тавернах — отчего вечер у костра в непроходимой глуши всем казался слаще, чем ночевка в самой дорогой гостинице.

Роджер и Кристоф также сделали свои попытки очаровать Хлою, но безуспешно: Хлоя мягко и ласково посылала всех, причем так, что они и сами были рады ретироваться. При особо сильном напоре любезностей и обхаживаний она вспоминала им бордель, который, кроме глупого Балды, все они посещали, и уничтожала все их порывы сопутствующими шутками на эту тему. Чувство стыда никак не гасилось жалкими оправданиями, и вскоре все начинали делать вид, что они просто болтали и шутили. Общее мужское горе очень хорошо спланивало команду. Если бы кому-то досталось больше внимания, то качели могли начать свой разбег и привести к конфликту. Хлоя, проводшая все детство в компании мальчишек и повидавшая мужчин, все это понимала и умело и без лишнего напряжения поддерживала равновесие.

В мире силы, который всегда был мужским, девушке нужно было либо смириться со своей второстепенной ролью, либо совмещать, пробивая себе дорогу сквозь высокие туши

острыми локотками и усмиряя оскалы нежной улыбкой. Мужчины любили пробивных девушек, но не понимали, что тем приходится все время сидеть на двух стульях — мужском и женском — и за глаза считали их приспособленками. Но Хлоя не обращала на это внимания — она не собиралась объяснять слепым, что такое радуга. Поэтому поверх штанов она носила юбку до колен: это снижало риски быть убитой на тот случай, когда превосходящие силой и числом внезапно появившиеся головорезы начнут их всех методично вырезать. Женщина сама была хорошей добычей, а это уже отсрочка и возможность договориться и продлить свою жизнь. В общем, или любопытство, подкрепленное прагматизмом, оказалось сильнее страха, или же страх прожить пустую жизнь матроны, либо и то, и другое вместе вынудили ее покинуть родные края и искать счастья с компанией матерых мужиков.

Роджер раскидал вокруг костра несколько старых меховых шкур. Все расселись и разлеглись как кому удобно. Кристоф возлежал на шкуре медведя и поглощал не опознанную им птицу, обильно поливая мех жиром. Джоф, накрытый очередным вечерним припадком по поводу несовершенства своей туши, сел с отрезанным от косули сухим куском мяса в руке на затрепавшее под его натиском бревно. Роджер тоже прилег с каким-то голубем, а Хлоя с бурдюком вина села напротив Джофа на замысловатую кудрявую голову неизвестной твари, которую они возили с собой с начала весеннего сезона: и втюхать никому не могли, и выбрасывать жалко, зато хоть сидеть на ней было удобно.

Тихое чавканье, треск костра и отдаленный плеск воды нарушали сокровенную тишину места. Запах жареного смешивался с не до конца выветрившейся вонью от шкур. Бурдюк с вином пошел по кругу — пить из кружек сейчас было вредно, в темноте можно было пролить вино и испортить себе карму. Балду редко баловали вином, считая, что он и без вина может и забыться, и начудить. Звезды проступили из-за верхушек сосен на темно-синем небе.

— Он там не утонет? — поинтересовался Роджер. Хлоя свела брови и сморщила нос от таких глупых вопросов.

— Да не должен, — раздраженно ответил отвлеченный от умиротворяющего момента Джоф. — Не хотелось бы.

Плеск прекратился. Через минуту все затаили дыхание и перестали чавкать и жевать. Джоф посмотрел на Хлою, застывшую с бурдюком вина у рта, потом на Кристофа, потом на Роджера. Он выбирал, кого бы послать к озеру, но из темноты появилась бесшумная фигура Балды. Он просто осторожно шел босиком по иголкам, но у всех возникло чувство, будто он крадет. Балда начал ходить между людьми и костром: он вытащил веревку из крытой повозки, привязал ее между деревьями и развесил на ней одежду Джофа. Все следили за этими неказистыми перемещениями с разными мыслями. Вот он все сделал и начал оглядываться.

— Принеси мне лютню, — обратилась к нему Хлоя. Он встрепенулся, подбежал и запрыгнул в повозку, в темноте тренькнули струны, и вот уже инструмент в руках Хлои. — А теперь возьми еду и сядь. Напрягаешь.

Без этого «напрягаешь», сказанного для всех остальных, качели могли не вернуться в свое равновесие. Балда смущенно сел между Роджером и Хлоей. Она незаметно для всех, кроме Кристофа, махнула рукой в сторону Балды, и его мокрые волосы тут же высохли. Хлоя умело пользовалась мелкой бытовой магией, которую купила пару лет назад у бродячего пилигрима. Такая мелочь стоила дороже, чем ее лук и кинжал, но она решилась на это, так

как всегда хотела обладать магической силой. Пилигрим не обманул, за эти деньги он не просто продал ей чудо-способность, но и научил, как ею пользоваться, и показал пару фокусов, которые привели Хлою в восторг. Благодаря тончайшему защитному магическому слою, которым она покрыла волосы, зубы, и всю кожу на теле, она всегда выглядела так, будто только что вышла из ванной, и всегда вкусно пахла, чем умело пользовалась в личных целях, а раз уж с ней такая толпа, то и в целях своей группы: всегда свободные комнаты в ночлежках, свежая еда и крепкая выпивка в тавернах, ну и скидки от торговцев и выше награда от зажиточных купцов. Если Джоф, Роджер и Балда постоянно носили с собой запах костра, леса и амбре трактиров, то Хлоя и Кристоф умело обходили эти атрибуты походной жизни. Для Джофа это было еще одной причиной держать Хлою в своей команде.

Хлоя уселась поудобнее на мягкой шевелюре, поджав ноги в коленях и поставив пятки в широкие ноздри головы монстра. Она начала перебирать струны и тихо напевать мамину любимую песню о странствиях. Для неискушенного слушателя, прошедшего последние месяцы в лесу, эта песня была бальзамом для ушей. Она спела еще пару известных песен — одна даже всех развеселила. В этой песне начало куплета было романтическим, а окончание все обращало в шутку.

«К сердцу перепелки мчит стрела любви,
Если любишь кушать — смотри не промахнись»,
«Джон был славный малый, мог бы жить и жить,
Разбитой бочки с пивом никто не смог простить».

На последней песне Хлоя поняла, что расстроена одна из струн, и не попала в такт мелодии, но продолжила тренькать и петь какую-то белиберду. На этом и закончила, отдав лютню Балде.

— Превосходно! Что за голос! — посыпались сотню раз слышанные комплименты. Джоф и Балда захлопали в ладоши. И те же мысли в сотый раз посетили Хлою.

«Вот подхалимы. Или им всем медведь на ухо наступил, или они настолько неприхотливы? Я тут фальшивлю, а они хвалят. Зачем я вообще училась играть — просто лупи по струнам и говори, как младенец. Или опять издеваются?! Слишком темно, чтобы увидеть».

— Спасибо! Я очень старалась... все запороть, но в такой прекрасной компании это невозможно.

— Все, я спать... — Джоф встал с бревна, подхватил свою секиру и направился к фургону. Всем показалось, что бревно издало вздох облегчения. — Говорят, что во сне худеют.

— Что ж ты не говорил, что у тебя бессонница. У Кристофа есть снотворное на свином жиру, — подбодрил его Роджер.

— Хочешь сказать, что он не спит и храпит только назло нам? — поддержал Роджера Кристоф.

— Спокойной ночи, шутники. Я вас всех запомнил. — Джоф забрался на шкуры в повозку. — Хлоя, замерзнешь, приходи. Я согрею для тебя местечко.

— Сладких снов, здоровяк. Будешь сильно храпеть, проснешься в пузе у медведя. Подай мне мое одеяло! — Хлоя выискивала, кто взял ее любимую длинношерстную шкуру, но вроде никто не посмел.

— Не ври. Медведей с таким большим пузом не существует. — Из повозки вылетело сложенное одеяло и сбilo Хлою прямо на мягкую шкуру.

Все улеглись вокруг обложенного камнями костра. Кроме Джофа и лошадей, никто сильно не устал: на последний бой никто почти не затратил никаких внутренних ресурсов. Небо из темно-синего превратилось в черное, звезды стали ярче.

— Кристоф, а что за магия была у того быка? — спросил Балда. Всем было интересно послушать — настало время немного поговорить перед сном.

— Ну вы нашли кого спросить. Я впервые такое чудо видел. — Кристоф всегда приbedнялся в начале разговора, но потом раскачивался и уже мог выдать что-то дельное. К этой манере все уже привыкли. И даже Балда со своей проблемной памятью это запомнил. — В академии меня научили самому важному — тому, что мы о магии в этом мире знаем чуть больше, чем ничего. Этот сияющий голубоватой лазурью рог был великолепен, но я бы ни за какие деньги не подошел к нему так близко, как Джоф, если бы знал заранее. Но цвет магии ни о чем не говорит. Возможно, это была магия холода, но, может быть, и магия синего пламени. Вы же видели кольчугу — прошло как по маслу.

— Но на теле Джофа всего лишь небольшой красный след. Как так получилось? Кольчуга спасла ему жизнь? — спросил Роджер. Вопросы Роджера часто звучали как вопросы учителя, который и так все знает, но хочет понять, знают ли остальные.

— Не уверен. Рог вспорол магического ящера, но не вспорол Джофа. Может, бык просто сделал предупреждение, а может, эта магия контактирует только с магией — кольчуга вроде как заколдованная, хотя я своим магическим зрением этого и не вижу, но видел ее в деле. Короче, у меня нет ответа. Не благодарите.

— От такого предупреждения Джоф мог разбиться в лепешку, — продолжил Роджер.

— Но ведь не разбился же. Да, я вовремя спохватился. Но все равно — очень странная и сильная магия. Она бы нас убила, если бы мы не ретировались. Мне вот интересно: второй рог такого же цвета или нет? Весь бык магический или только рога? В нашем мире с магией одни только вопросы. Но, как ни странно, ни у кого из нас даже не возникло вопроса о том, сколько такой рог может стоить, потому что никто не представляет, ни как его добыть, ни как его взять. Я уже молчу о том, кому его можно было бы продать — из шкур еще как-то научились безопасно снимать магию, но такой видимый глазу, да еще так сияющий концентрат...

— Просто у бычка замерз рог, с кем не бывает, — раздался нежный голос Хлои.

— Думаю, если бы кто-то пустил в быка стрелу, и бык погнался бы за этим кем-то и догнал его, то смог бы согреть свой рог. Уа-ха-ха... — раздался смех из затрясшейся повозки. Все притихли от сортирной ауры этой шутки.

— Джоф, — вдруг протянул Балда, — ска-жи, что чув-вствуют птицы в полете?

Шелест ветра в соснах отделил вопрос от ответа.

— Что? — раздался голос из повозки. — Откуда мне знать, дурачина? Я что похож на селезня или орла...

В тишине раздался звонкий, красивый, нарастающий смех Хлои. Кто-то трясся рядом и тихонько прыскал, закрывая рот. Балда был счастлив — капелька счастья попала от него к Хлое.

— Ах ты гаденыш! Как этот сопляк умнеет в присутствии девушки. Ну, молись, чтобы к завтрашнему утру я все это забыл, иначе будешь тянуть повозку вместо лошадей до самого села.

Смех Хлои стал тише, но еще долго не прекращался. Вскоре раздался храп из повозки. Затем от костра отделились громкое покашливание, свист, улюлюканье, хлопанье, и,

наконец, раздался голос поднявшегося Роджера.

— Ну, будем честны, мы все знали заранее.

— Просто сегодня он уснул на спине, нужно всего лишь перевернуть его на бок, — обнадежила Хлоя.

— Согласен, можем перевернуть даже вместе с повозкой и прямо в озеро. — Кристоф тоже не спал.

— Хватит трепаться, подсвети. — Костер не давал достаточно света, и маг зажег волшебный шадающий сумеречный свет: — Ну что, запрягать будем?

— Да здесь ровное место, думаю, с помощью Балды и сами справимся.

Балда без раздумий взялся за оглоблю, Кристоф и Роджер — за вторую, и вместе они оттащили повозку метров на сто.

— А вдруг бандиты? — с опозданием заволновался Балда.

— Где ты видел глухих бандитов? Пойдемте уже спать, — Кристоф выпустил капельку магии, которая растеклась невидимой широкой сферой вокруг повозки, создавая такой же купол, как и вокруг лагеря, только поменьше — магическая статика отпугивала всю пугливую живность, а если что-то крупное нарушит границу сферы, они об этом узнают. Но зная, что в магических местах обычно мало кто водится, то последнее маловероятно. Главное, чтобы никакой глупый ночной зверь, не восприимчивый к магии, не вздумал здесь шариться, а то они точно не смогут выспаться.

— А есть такой купол, который не пропускает звук? — Балда спрашивал это каждый раз, когда Кристоф ставил защиту на ночь. Он уже устал отвечать одно и то же на этот вопрос. Эх, если бы он владел такой магией, то давно бы уже сотворил вокруг своей головы защиту, чтобы не слышать глупых речей своих спутников или еще лучше, создал бы купол вокруг них — сделал бы благое дело не только для себя, но и для окружающего мира. И он на миг представил, как в момент ругани Джофа с Хлоей в какой-нибудь таверне он накрывает их таким куполом, и все вокруг благодарят его, жмут ему руки и одаривают золотом, а хозяин таверны подносит ему своего самого лучшего пива и идеально приготовленного молочного поросенка. Но он все-таки ответил Балде на вопрос, чтобы тот не подумал, что Кристоф просто не расслышал, и не стал бы нарушать тишину ночи более громким повторением того же вопроса.

Они вернулись на свои места. Издали долетал приглушенный расстоянием храп, но сейчас он уже не мешал и говорил только о том, что с Джофом все в порядке.

Глава 2

Утро оказалось тихим и спокойным — никаких певчих птиц не было слышно. Проснулись все как раз от того, что наступила звенящая тишина. Роджер лежал с закрытыми глазами, Балда напрягал лоб, чтобы понять, что произошло, Кристоф смекнул сразу. Хлоя подорвалась и огляделась.

— Что, уже не можешь спать без этого храпа? — Глаза Кристофа и Хлои встретились.

— Точно. Какие вы все умные... — она легла обратно и потянулась на шкуре. Приятная мысль согрела ее вместе с солнечным лучом: сейчас все встанем, выпьем травяного чая, закидаем шкуры в повозку и уже в обед будем пожинать лавры от селян и сытно обедать свежими продуктами. — Значит здоровяк уже близко.

— Ближе, чем ты думаешь, — босой Джоф по мышинному тихо приблизился к лагерю, таща за собой повозку.

— Ой, прости, дорогой! — рассмеялась Хлоя. — Не знала, что ты услышишь, так бы сказала «толстяк».

— Вы не знаете почему я спал на отшибе так далеко от лагеря? Только не говорите, что мой храп подобен раскатам грома, и все вокруг решили, что идет дождь, и пшеница взошла раньше срока. — Джоф поставил повозку на старое место, под удивленные взгляды лошадей, не понимающих, зачем они вообще нужны, если есть Джоф.

— Разве кто-то храпел вчера? — не открывая глаз спросил Роджер.

— Я ничего не слышала. — пожала плечами Хлоя.

— Кажется вчера поднялся ветер, и ты опять куда-то улетел, на этот раз от нас, — попытожил Кристоф. Никто не засмеялся, хотя Джоф быстрым взглядом прошелся по всем лицам.

— Ох, боюсь, что ближайшие десять лет мне будут напоминать об этом быке каждый день. Спасибо, хоть Балда не такой злой, как вы. — Джоф направился к озеру умыться лицо и ополоснуть рот, потому что сам уже чувствовал свой запах. Остальные в порядке очереди посетили поставленную на отшибе огороженную магическую уборную, которая была защищена даже лучше, чем весь лагерь, потому что умереть застигнутым врасплох ночью было не так зазорно, нежели при других, менее приглядных, обстоятельствах.

Роджер подкинул оставшиеся дрова в костер. Хлоя подожгла магией ветки. Балда сходил с котелками за водой и нарвал на берегу речной мяты. Кристоф еще лежал: ночью ему чудилось, что кто-то проник в лагерь, и он поднимался и сонный бродил вокруг, а потом долго не мог заснуть. Вскоре вода в котелках закипела. Брошенные в один котелок ветки мяты окрасили воду в нежный зеленоватый цвет, сюда же добавили ромашки и чабреца. Кристоф достал из нагрудного кармана маленькую флягу с секретом и капнул в котелок. Самый ходовой и легкодоступный чай разошелся по кружкам, которые нельзя было спутать ни на вид, ни на ощупь, и настал утренний час тишины. Во втором котелке вскоре приготовилась легкая каша для такого же легкого завтрака.

Утром каждый был сам за себя и ждать, пока кто-то там умоется, чтобы вместе начать завтракать, никто не собирался. Хлоя раздала всем покрытые магией тарелочки, которые не нужно было мыть. После завтрака она их собирала и прятала в своем личном походном мешке. Она считала, что магическое покрытие было величайшим изобретением современности, в частности, покрытая магией посуда — мечта любой домохозяйки. Котелок

мыть все равно приходилось, потому что высокие температуры разрушали примитивную бытовую магию, и каша все равно прилипала к поверхности. Так что Балде по утрам было чем заняться.

В это же время Джоф стоял по колено в озере. Нагибаться к воде с берега, стоя в кольчуге, было выше его сил — проще уж махать секирой и валяться в обнимку с монстрами. Он набрал воды в сложенные ладони и с привычным фырканьем растер лицо. Прodelав так несколько раз и напившись воды, он подождал, пока вода успокоится и, глядя на свое отражение, аккуратно удалил магией щетину. Привычка бриться по утрам пришла с годами: никаких бород, усов и бакенбард Джоф терпеть не мог, потому что считал, что бороду и усы надо носить только если у тебя страшенькое лицо, а свое лицо он считал очень даже привлекательным. В более молодом возрасте Джоф придерживался другого мнения и носил густые шикарные усы, которые пленяли многих красавиц, но как только время окрасило их сединой, позиция Джофа изменилась.

Он выбрался на берег, опять собрав на своих мокрых ногах тысячи песчинок. Хотел было стряхнуть их, но махнул рукой и вернулся в лагерь.

— Кто-нибудь мне объяснит, зачем я надеваю сапоги после купания, если через час скидываю их перед сном?

Балда обернулся в сторону Джофа, остальные даже не шелохнулись. Пока кто-то очень долго умывался его соратники уже позавтракали и сидели в медитативных позах вокруг кострища. Джоф сделал удивленные глаза, будто забыл, что по утрам в лагере собирается детский кружок играющих в молчанку.

После завтрака Кристоф, Хлоя и Роджер занимались чем-то вроде медитации, которая наполняла энергией и придавала бодрости на целый день. С одной стороны, это сокращало время, проведенное в пути, а значит, и расстояние за день они могли покрыть меньшее, но с другой стороны, от их физического и эмоционального состояния зависел и их успех в том или ином задании, а с их опытом никакой необходимости в спешке не было. Кристоф обучился медитации в частной академии магии в городе Товерн, который, как следует из названия образовался вокруг одной таверны и за сотню лет разросся на милю в диаметре. Хлоя научилась медитации у Кристофа. Она всегда умудрялась обучаться всему и у всех. Роджер просто сидел с закрытыми глазами, будто отдыхал, но Кристоф несколько не сомневался, что Роджер тоже знает все эти трюки. Балда сидел молча, играл прутиком с углями костра, наблюдал за умиротворенными лицами мужчин и любовался прекрасным лицом Хлои. В такие моменты она казалась ему неземным и воздушным созданием, и сердце его переполнялось всей доступной ему радостью.

Аккуратно, словно на цыпочках, Джоф подошел к своему бревну и уселся рядом с Балдой. Тот налил ему чаю и положил каши. Тишина, изредка нарушаемая сёрбаньем чая и треском бревна под тушей сёрбающего, полностью завладела местом. Поев, Джоф отобрал у Балды прутик и сам стал ворошить угли в тихом костре. Он начал было бубнить что-то музыкальное себе под нос, но его осадил тихий девичий кашель, и он умолк. Настало редкое мгновение спокойствия и умиротворенности, которое не повторится до следующего утра.

Хлоя старалась ни о чем не думать, как и учил ее Кристоф, но получалось это обычно только в первые несколько минут. Потом в ее головку закрадывались сомнения, а правильно ли она медитирует, и она тихонько приоткрывала веки и в эти чуть заметные щелочки мельком оглядывала Кристофа и Роджера, которые, будто статуи, замерли в расслабленных медитативных позах. Хлоя даже сомневалась, дышат ли они в это время, так как даже

движения грудных клеток не было заметно. Убедившись, что она сидит так же, как и они, она делала еще сотню мелких движений плечами, головой и чем только можно, чтобы занять еще более расслабленную позу. Затем вместе с легким дуновением ветра в ее голову начинали залетать разные мысли. Иногда принесенный аромат какого-то знакомого цветка влетал в ноздри, и воспоминания о детстве и доме начинали заполнять весь ее разум. Она вдруг бросала всю эту нудную медитацию и маленькой девочкой бежала в леса и поля с мальчишками, играя в очередную детскую игру. Они лазали на деревья и воровали яйца птиц, чтобы вывести своего личного голубя, обдирали ноги и прятали раны от родителей, чтобы не получить по заднице, плавали в речке голышом, смеясь над различиями в собственной физиологии. Ей вспоминались любимые пирожки, которые пекла мама. Их запах так резко и отчетливо возникал в сознании, что ей вдруг хотелось взять в рот ложку каши, и она точно знала, что у этой каши будет вкус маминых пирожков. Но она никогда не отрывалась от медитации, чтобы такое проделать, боясь вызвать недоумение и смех своих спутников, а просто начинала тихонько пережевывать слюну...

Треск бревна или скрип колычуги переключали ее мысли на Джофа. В нем она часто видела то отца, то личного охранника, но чаще просто постаревшего хулигана. Она привыкла к нему за это время точно так, как он и хотел, но только вот не видела в нем своего будущего мужа. Однажды на пьяном ужине она сказала Джофу, что он ей как отец, и он сильно расстроился, попросил ее никогда ему такого больше не говорить и, выходя освежиться, залепил случайному пьяному посетителю таверны легкую оплеуху для собственного успокоения.

Шуршание углей от перемешивания их веткой наводили ее на размышления о Балде: обычно он любил играть с углями, замороженно наблюдая за игрой огня. Хлоя не знала всей истории Джофа и Балды, но знала, что история это была трагическая. Балда был единственным сыном сестры Джофа, а Джоф был его единственным дядей. Внутри Джофа шла борьба — он обещал сестре заботиться о племяннике, если с ней что-то случится, но не мог простить ему ее смерти. Кристоф знал эту историю, но не хотел рассказывать, считая, что это ни к чему. Джофа Хлоя даже и не думала спрашивать, чтобы не вызвать его гнев. О том, что пора закругляться с медитацией, Кристоф намекал легкими, но ощутимыми магическими сигналами. В эти моменты Хлоя вдруг вспоминала, что она медитирует, и в последние минуты выкидывала все из головы и ни о чем не думала. Это был хитрый ход Кристофа, который догадывался, что никто здесь полностью не освобождает свою голову от посторонних мыслей, так как он и сам не мог этого сделать.

Сам Кристоф старался думать о хорошем. Он думал о том, что у них довольно успешная команда, в частности, благодаря тому, что он всех останавливает, когда действительно надо остановиться, как, например, вчера. Многих охотников сгубила алчность и жажда наживы — они видели много золота там, где Кристоф видел неминуемую смерть. Он думал о том, что у них всех есть большой и просторный общий дом в охотничьем районе Товерна — недвижимостью была неплохим способом хранить свои сбережения. Еще часть денег они вложили в рудники, а часть хранили в хорошо припрятанных драгоценностях. У них был договор, в котором была учтена доля каждого и по которому в конце каждого года можно было выйти из компании со своей долей и отправиться на все четыре стороны. Но вот уже четвертый год все они кочевали неизменным составом, и никто не говорил, что собирается уходить. Им вполне хватало на жизнь, и можно было бы уже успокоиться, но всем им нравилась их работа, и они хотели работать, пока могли это делать. И все они хотели

обеспечить себе не только ближайшее будущее, но и старость. А зная, какие резкие финты может вдруг выкинуть жизнь, как дорога магия, лечение и много еще чего, то позволить себе совсем расслабиться в этом мире не мог никто. Кристоф думал, что прекрасная и загадочная Хлоя, возможно, их лучшее и к тому же бесплатное душевное лекарство в этом безумном мире. И если Джоф все еще лелеял мысль напроситься к Хлое в мужа, то Кристоф уже смотрел на нее добрым отеческим взглядом.

Иногда он вспоминал ту частную академию, куда его отдали в детстве. Бедная сельская семья не могла позволить такую роскошь, как отдать ребенка в академию магии, но Кристоф очень хорошо учился в обычной школе и попал под какую-то щедрую политику для бедняков. Родители были счастливы, что их сынок пробьется в люди, и счастливые отправили его в эту закрытую и в некотором роде уникальную школу, располагавшуюся в городе Мальдуке в нескольких днях пути от их села. Мальдук был назван в честь правителя Мальдука, а точнее, переименован из Рофуса, после того как Рофус умер и правителем стал его сын Мальдук. Магический мир был сложный, но увлекательный, дисциплина в школе была строгой. Вначале Кристоф переписывался с родителями часто, потом все реже. Сначала несколько раз в год приезжал на праздники домой, затем — раз в год...

Окончив школу с отличием, и сдав экзамен, Кристоф остался в школе в качестве учителя, потому что в городе применения всем его знаниям не нашлось. Все должности магов при вельможах были заняты, и толпы учеников с базовыми знаниями бытовой магии не могли найти себе работу, тогда как любой невежда мог купить магический секрет у торговца магией и пуляться опасными огненными шарами, даже не понимая, как это работает.

Десять лет назад Кристоф приехал к родителям уже на похороны матери, а чуть позже схоронил и отца. А еще чуть позже случился военный конфликт, в котором Мальдуку не помогли все его маги, и вскоре город переименовали в Томас, а академию разогнали. Тогда же Кристофа накрыла сильная депрессия и от бесполезности своих знаний, и от того, что он так мало времени посвятил своей семье. Он не знал, куда податься и где применить свои знания и навыки. Кто-то предлагал ему уйти в разбой, грабить поселян или «крышевать» торговцев на рынке, но его тошнило уже только от одной мысли об этом. В одной таверне, надрвавшись с горя, он и познакомился с такими же пьяными Джофом и Роджером. Их заинтересовала история Кристофа, а по дороге из таверны маг продемонстрировал здоровяку и дальнобою свои навыки, назвав их бесполезными. На следующий день Джоф с Роджером пришли к Кристофу и предложили работу.

Вначале Кристоф замечал, что часто думает о том, как можно убить Джофа, и если раньше эти мысли его пугали, то года два назад он понял, что просто ищет слабые места здоровяка, чтобы их залатать, чтобы предупредить возможное поражение. Это он, Кристоф, уговорил Джофа купить эту дороговую кольчугу, и он же теперь волновался о том, что она разорвана и ее срочно нужно чинить.

Часто он думал и об истории Балды и Джофа, и эта история его огорчала. Не сама история, а ее последствия, тянувшиеся до сих пор. Когда-то у Джофа была сестра, кажется, ее звали Марфой. Джоф любил ее, но она втайне от всех вышла замуж за чужестранца и уехала с мужем в другой город. У Марфы родился сын. Через три года родители осознали, насколько у сына серьезные проблемы с головой, — мальчик с трудом запоминал самые обычные вещи, и когда остальные дети уже худо-бедно разговаривали, то их сын еле-еле мог ходить. Муж Марфы, трусливый и высокомерный идеалист, бросил ее, обвинив в болезни

сына, и отправился на поиски новой жены. Марфа ничего не сказала и стала растить сына сама, борясь с его недугом любыми возможными способами. К пяти годам ее ребенка уже знали все колдуны и знахари ближайших городов, но ничем помочь так и не смогли. Благодаря ее усилиям и любви, к десяти годам мальчик смог запомнить небольшой набор слов, научился ходить и бегать, мог кушать, не пронося ложку мимо рта, и сам ходил в туалет. А потом случилось что-то ужасное — то ли местные мальчишки, вечно издевающиеся над ним, спровоцировали его пойти на реку, то ли он увидел какую-то птицу на воде, так или иначе он залез в воду и начал тонуть под смех и гомон собирающейся толпы. Спасать его прибежала мать, и спасла, но через несколько дней сама умерла — то ли от переохлаждения, то ли от стресса, то ли наглотавшись не самой чистой воды городской реки.

Мальчик даже не плакал над телом матери — он просто не понимал, что произошло. Джоф примчался, когда Марфу уже схоронили, и забрал ребенка. «Сынок-то ее дурачок, совсем балда» — последний раз рассмеялся целыми зубами какой-то зевака. Но с тех пор Джоф стал называть мальчика Балдой.

Марфа называла ребенка только нежными эпитетами боясь, что злые духи услышат его имя, придут и заберут его у нее, и люди даже не знали, как его на самом деле зовут; друзей у мальчика, не считая нескольких игрушек не было — в общем спросить было некого. Сам же он ничего не понимал, смотрел диким зверенышем... Джоф мог дать мальчику любое имя, но он этого не сделал. Он не мог принять того, что этот человек виноват в смерти его сестры и что об этом человечке он, Джоф, должен теперь заботиться, как о родном ребенке. Отсутствие имени обезличивало Балду и временно решало, а точнее, просто отдаляло проблемы Джофа. Только вот это «временно» затянулось на десять лет.

Кристоф не видел какого-то правильного выхода из этого положения, потому что не знал всего, что чувствует Джоф. Периодически он напоминал Джофу, что у мальчика нет имени, но тот всегда отшучивался и уходил в глухую защиту. Говорить с Джофом серьезно было невозможно в принципе. Всю эту печальную историю Кристоф узнал не от Джофа и естественно, не от Балды, а совершенно случайно от одной пьяной сплетницы в таверне. И хотя сам он сплетни терпеть не мог, но выбросить все это из головы у него не получалось, и он часто думал, что в этой истории все-таки есть какая-то доля правды.

Иногда Кристоф думал и Роджере. Вот уж кто был для него поистине загадкой. Для Хлои, Джофа и даже для Балды Роджер был хорошим молчаливым и надежным компаньоном. В отношении Джофа и Балды Роджер не влезал — и со стороны казалось, что ему они безразличны. Но мало кто знал, что Роджер делает шаг, только если знает, что ступит на твердую землю, а болезнь Балды и проблемы Джофа были зыбучими песками. Как Роджер попал в команду, знал только Джоф, но никто и не думал об этом спрашивать. Кто оказался в команде раньше всех, о том обычно меньше всех знали. Но если Джоф был треплом, и его история с Балдой была видна как на ладони по их отношениям, то Роджер просто молча делал свое дело, всегда оказывался в нужное время в нужном месте и не вызывал никаких нареканий ни с чьей стороны. Он, как и Хлоя, был в команде дальнобоем, прикрывающим Джофа. Но если Хлоя лупила всех монстров только своими стрелами да в некоторых серьезных случаях одалживала Джофу свой кинжал, чтобы пустить кровь какой-нибудь беспанцирной и выносливой твари, то Роджер мог обстреливать буйных зверушек чем угодно и из чего угодно. Когда в его руках оказывался отобранный у разбойников лук — он стрелял из лука. Когда лук ломался, Роджер выбрасывал его, мастерил из завалившейся в

повозке прочной ткани пращу и после одного пристрелочного броска не понимал, как можно промазать по дальней цели, тогда как Хлоя не понимала, как можно запустить пращой камень так, чтобы он не попал тебе же в глаз. Когда рвалась праща, Роджер брал камни в руки и закидывал противника ими, а если расстояние сокращалось до минимума, то просто ими бил.

В те минуты, когда какой-нибудь монстр, понявший, что Джофа не одолеть, бросал это неблагодарное занятие и устремлялся к стоявшей в сторонке группе из трех человек, Хлоя начинала убегать от него с не меньшей скоростью, отстреливаясь на ходу, маг Кристоф волшебным образом возносился на ближайшую ветку дерева, выступ скалы или убегал в другую от Хлои сторону, и там уже помогал чем мог — заживлял порезы соратников либо дезориентировал тварь магией. Роджер никуда не убегал, и, оставаясь на месте, проявлял чудеса ловкости: уворачивался не только от всех острых массивных и выступающих частей монстра, но и от града хаотично летящих стрел Хлои. Иногда Роджер умудрялся подбить ногой или рукой морду твари так, что она поднималась и глазом аккурат встречала стрелу Хлои. Первые раза два это посчитали случайностью, но сейчас никто так уже не думал. Пока тварь со стрелой в глазу выла, Роджер, пользуясь моментом гасил и второй глаз монстра и обычно тут же отходил, давая возможность закончить начатое подбежавшему к месту Джофу. Иногда, после таких случаев Хлоя спрашивала, зачем они все нужны Роджеру, и он отвечал, что держит их, потому что кто-то же должен делать всю черную работу.

Порой мужчины дружно и с серьезными лицами аплодировали Хлое и наперебой хвалили за убийство очередного матерого зверя, говоря, что убийство бегством — это прорыв и открытие в мире охоты, и проча ей успешную сольную карьеру, на что она обычно довольно мило скалилась, что и было целью шутников.

Кристоф много раз концентрировал свою исследовательскую магию на Роджере, пытаясь обнаружить в нем хоть какое-то присутствие магии, но всегда тщетно. Роджер всегда был чист и опрятен, хотя никто не замечал, что он тратит много сил и времени на мытье лица, тела или чистку зубов. И если в случае с Кристофом и Хлоей это можно было списать на магию, то с Роджером была целая куча вопросов. Но вопросами этими задавался только Кристоф. Он хорошо относился к Роджеру, как и ко всем остальным, но налет неразгаданной тайны не давал ему покоя. Когда-то они присутствовали на казни в одном городе, где местный управитель, внедряя свою экономическую политику, решил избавиться от всех иждивенцев, то есть освободить тюрьмы от всех, кто сидел пожизненно. На казнь выводили стариков, просидевших по сорок лет, для которых смерть была уже не наказанием, а избавлением. И вот, когда стража проводила заключенных мимо толпы зевак, один из стариков остановился, ткнул пальцем в их компанию и завизжал: «Я тебя узнал! Узнал! Из-за тебя мы все здесь. Будь ты трижды проклят!» Но стражник лишь толкнул его в спину, и вскоре этот визжащий и оборачивающийся всю дорогу старик уже болтался с остальными на эшафоте. В толпе стали шутить, что Джоф сражается со стариками, хотя узники более сорока лет не высывались из подземелий. Но Кристоф был уверен, что освобожденный от заточения обреченный указывал на Роджера, который выглядел от силы на те же сорок лет.

Роджер, погруженный в медитацию, единственный, кто не думал ни о чем. Он уже давно передумал все, что хотел, и сейчас действительно вбирал в себя положительные эмоции и энергию и отдавал на сожжение солнцу весь возможный негатив. Он слышал далекое сладкое пение птицы и ощущал прохладную длань ветра на своем лице. В этом и был для него смысл медитации — осознать и принять то, на что в остальное время почти не

обращаешь внимания. Роджер чувствовал себя в безопасности рядом с этими людьми, вокруг этого костра, и чувствовал себя как дома. Этим мыслям ему вполне хватало.

Джоф без слов попросил Балду отрезать ему мяса от остатков козули и старался не сильно чавкать — наесться одной кашей у него не получалось. Он с грустью смотрел на безумно далекую от его мечты Хлою и с радостью на всю свою компанию. К Роджеру и Кристофу он испытывал странную привязанность, для которой у него самого не находилось слов. Он любовался невозмутимым лицом Роджера и со стыдом вспоминал, что недавно в очередной раз случайно подбил ему глаз. Он знал, что Роджер забыл об этом инциденте ровно в тот момент, как Кристоф снял ему боль своей магией, и это отношение Роджера к таким бытовым мелочам вызывало в нем уважение, граничащее с восхищением. Он смотрел на сосредоточенного Кристофа, который был, возможно, слишком ответственным и порой даже дотошным в мелочах, которые казались незначительными, но эта дотошность успокаивала всех остальных разгильдяев их отряда. Не думал он только о Балде, потому что эти мысли причиняли ему если не боль, то необъяснимый дискомфорт, от которого Джоф постоянно бежал.

Еще ему думалось, что день всегда идет по нарастающей вверх: они начинают с чая и медитации, потом кочуют по своему пути, затем сытно и вкусно обедают в знакомых местах либо на привалах, потом следуют дальше и дорастают до битвы с очередным отравленным магией монстром, а затем встречаются с отличным ужином с вином и песнями. Каждый день — это крошечная жизнь. Рожденные утром ложатся умирать вечером, чтобы после черной ночи родиться заново. Тем разительнее контраст вечера и утра. Вчера при свете звезд они наелись дичи и напились вина под песни их очаровательного барда как обыкновенная банда разбойников, а сегодня с утра все постриглись в монахи, блюдут пост и молятся во славу хорошего дня. Но от этой медитации была еще одна значительная польза: кроме прилива сил и энергии она полностью нейтрализовала похмелье после вечерней попойки. Хотя может все дело в том секрете, который бросал Кристоф в котелок с чаем! Такие мысли часто посещали Джофа по утрам и всегда вызывали улыбку на его щекастом гладковыбритом лице.

Балда, насмотревшись на Хлою, перевел взгляд на остывающее кострище и пытался разглядеть в поднимающемся дыме разные образы, но у него плохо получалось. Он пытался вспомнить, что было вчера, где они были, с кем виделись, что ели и пили, но мог вспомнить только звонкий смех Хлои и какую-то связь между своими действиями и этим смехом. Часто он испытывал страх от того, что ничего не может вспомнить, но потом отвлекался и забывал об этом...

Джоф иногда даже завидовал Балде, считая, что забывать — это лучше свойство памяти.

— Кхм, — вышел из медитации Кристоф.

— А! Что? Уже? — пПтичкой встрепенулась закемарившая в последние минуты Хлоя, но продолжила сидеть с закрытыми глазами в ожидании, когда все начнут собираться.

Роджер даже не шелохнулся.

— Кристоф, подсоби, — Джоф указал магу на ноги в песке и свел на ноль все его усилия от медитации. Вместо того, чтобы проигнорировать Джофа или помочь ему, Кристоф вспылел.

— Я вот думаю, что ты будешь делать если, меня убьют? Сотрешь кожу на ступнях и умрешь от потери крови? Нет уж, дорогой, учись стряхивать сам. Ты едешь в повозке, у тебя есть и время, и магия, практикуйся хоть всю дорогу. Ты... — Кристоф вдруг остановил поток

слов, поняв, что сам пустил насмарку всю медитацию. Джоф не был виноват, он был лишь проверкой для Кристофа. Маг очистил магией песок с ног здоровяка и еще на минуту закрыл глаза. Джов благодарно улыбнулся.

— Вы ведь сейчас говорили про песок на ногах Джофа? — Спросила Хлоя все еще не открывая глаз.

— Разумеется. А что не так? — спросил Джоф.

— Да так, ничего, — ответила она, будто ничего и не спрашивала.

— Хлоя хотела сказать: возьмите ветку поострее и выколите нам с ней глаза и уши, — перевел им Роджер.

Девушка засмеялась, встала, хрустя коленками и потянулась с кошачьей грацией. Кристоф улыбнулся, представив себя на их месте.

Наконец, все повставали и засобирались. Роджер закинул в телегу шкуры, Балда пошел мыть котелок из-под каши, Хлоя крепила седла на трех лошадях, а Кристоф запряг двух в телегу. Джоф сказал, что сделает самое ответственное дело и затушит костер. Он уже хотел сдвинуть край кольчужной юбки, но Хлоя бросила на него такой уничтожающий взгляд, что он вылил в костер остатки чая из котелка и разворошил угли веткой. Столб дыма с шипением и стоном высвободился из умирающего костра пыльно-серым демоном и взмыл вверх в тщетной попытке попасть в лучший мир. Джоф развел руки в стороны, как бы обхватывая дым, и произнес какие-то выдуманные на ходу слова, имитируя колдовское действие. Хлоя, периодически наблюдавшая за ним подобное баловство, еще раз подумала, что никаких взрослых мужчин не существует — затянувшееся детство сразу переходит в ранний маразм, и никакой точки перехода из одного в другое нет.

Кристоф уже сидел на лошади и подгонял остальных. Балда вернулся с озера. Все попрятали свои пожитки в повозку.

— Если не будем тупить, то сможем пообедать свежим и горячим. Джоф, ты так и не надел сапоги и твои ноги снова грязные, — глядя на здоровяка сверху вниз учительским голосом сказал Кристоф.

Джоф опустил глаза и пошевелил пальцами ног.

— Так и есть, учитель. Я внял твоему совету и всю дорогу буду тренироваться, чтобы совершенствовать свое магическое искусство очищения ног от песка, пыли или любого другого непотребства. — Джоф накиннул на голову капюшон фуфайки, поверх него — капюшон кольчуги, сложил руки по бокам и сделал смиренный поклон Кристофу. Затем он вытащил воткнутую с утра в дерево секиру, которую никто, кроме него, не смог бы извлечь, и легкими театральными прыжками подбежал к повозке и запрыгнул на место возницы, заставив вздрогнуть и повозку, и лошадей. Рядом с ним уселся Балда и взял в руки вожжи — он на удивление хорошо справлялся с лошадьми и даже находил с ними общий язык. Джоф говорил — это потому, что у Балды и у лошади мозгов поровну.

Повозка хорошо просела под тяжестью всего их добра. Роджер подошел к повозке сбоку, присел на колено и нагнулся посмотреть на оси. Задняя ось выглядела неплохо, а вот передняя уже еле держалась, видно, здоровая шкура ящера была предпоследней каплей. Нужно было дотянуть до селения и сразу же направиться к кузнецу. Сейчас было даже удивительно, как они вчера с таким грузом доехали до места стоянки. Роджер сказал об этом.

— Может Джофу поехать верхом? — пошутила Хлоя. Впряженные лошади занервничали еще больше, не оценив ее шутку.

— Скорее, ему придется идти пешком, но так мы в село и до ужина не доберемся. Можно пару шкур закинуть на лошадей. К запаху они давно привыкли, им только что жарко будет, — предложил Роджер.

Все сочли эту идею хорошей и две мягкие шерстяные шкуры перекочевали на спины запряженных лошадей. Те разумно не сопротивлялись, полагая, что выбор стоит между шкурами и Джофом. Наконец, лагерь остался позади, облегченная повозка весело поскрипывала, а всадники быстрой рысью скакали впереди и сбоку от нее. Джоф оголил голову и, как и обещал едущему сбоку Кристофу, попытался магией очистить от песка вытянутую босую ногу. Когда это получалось, он снова посыпал ее из своего шлема, которым Балда, по его просьбе где-то зачерпнул песка с пылью.

Балда сосредоточенно следил за лошадьми, будто решал какую-то сложную задачу. Он следил за всеми их движениями, за корпусом и за мотанием голов, пытаясь понять, что беспокоит лошадей, удобно ли им, не застрял ли камень в копыте и не подвернула ли одна из них ногу. Порой его взгляд убегал чуть дальше вперед и останавливался на стройной, поднимающейся и опускающейся фигуре Хлои. Она скакала легко, непринужденно и грациозно. Мужским глазам не прикажешь, и они сами приковывались к ее ровной спине, стройным ногам и в меру широким бедрам. Балде становилось стыдно за свои глаза, и он заставлял себя следить за дорогой и лошадьми, но Хлоя все равно маячила на горизонте. Глаза Кристофа и Роджера стыда не испытывали. Хлоя вообще ехала и улыбалась — она точно знала, что на нее смотрят, потому что иногда оглядывалась, заставляла кого-нибудь врасплох и весело грозилась пальцем. Что ж, пусть порадуются: и им хорошо, и ей приятно мужское внимание.

Вечерами Джоф мог обижаться на шутки о своем весе, но по утрам сам себя высмеивал. Когда повозка в очередной раз сильно скрипнула, он спросил:

— О, Хлоя, а есть такой же кинжал как у тебя...

— Ты уже сотню раз это спрашивал, — она ответила, слегка повернув голову вбок и открыв всем прекрасный профиль своего лица. Сразу поняла, о чем он.

— ... ну, которым пырнешь разок, и вместо крови начнет вытекать жир...

— И я тебе уже сотню раз отвечала, что не знаю.

— ... и будет вытекать, пока весь лишний жир не вытечет.

Если Джоф начинал говорить старую шутку, которую знали все, то он все равно обязан был договорить ее до конца, даже если бы все его останавливали и говорили, что знают концовку. Но, кажется, эта беда происходила со всеми натужными шутниками.

— Как только я увижу что-то подобное, то обязательно тебе куплю. Но ты не боишься, что когда из твоего тела и из твоей головы вытечет весь жир, то ты станешь слишком легким и улетишь в небо как воздушный змей? — Джоф не отреагировал на выпад Хлои, видно посчитав, что у него перехватили инициативу и, судя по ее веселому настроению, дальше может быть только хуже. Он что-то спросил у Кристофа и завязал непринужденный бытовой разговор, и Хлоя отстала от него.

Кристоф смотрел на Роджера, пытаясь в очередной раз в чертах его лица найти разгадку своих сомнений. Тот порой замечал взгляд Кристофа, улыбался и дружески подмигивал ему. Вскоре послышалось далекое мычание коров и показались поля с работающими на них людьми. Когда они заметили едущих им навстречу всадника и его пешего спутника, Джоф было по привычке потянулся за секирой, чтобы своим видом показать, что он представляет серьезную опасность для всех, у кого недобрые намерения, но Хлоя обернулась и сказала,

что это сельчане. Действительно, какие тут могли быть разбойники? За последние два дня им не довелось встретить ни одного подозрительного типа. Они спросили, далеко ли еще до села, хотя два дня назад выезжали из него по этой же дороге. Им ответили, что часа через два они уже въедут на выгон перед селом. Джоф взял лютню и хотел что-то на ней изобразить, но Хлоя попросила не трогать ее личный, очень дорогой не только сердцу инструмент. Джоф повиновался.

Вдали, в низине показалось поселение — отсюда оно выглядело намного больше, чем когда они подъезжали к нему с другой стороны два дня назад. Домов было больше сотни, и выглядели они очень прилично. Вся компания быстро проехала выгон и подъехала к конюшне возле двора кузницы, располагавшейся как раз на выезде из поселения. Только Балда успел осадить лошадей, как в резко остановившейся повозке сломалась передняя ось, и Балда с Джофом съехали прямо в задние части коней. Балда успел выставить вперед предплечье и соскочил на землю, а вот Джоф зазевался и поцеловал лошадь в хвост, чертыхнулся и, резким хлопком отстранив от лица круп лошади, тоже слез с телеги. Лошади, к слову сказать, отреагировали на это спокойно, возможно, тяжелые шкуры мешали им лягнуть незадачливых ездоков. А конь Джофа мог даже воспринять случившийся инцидент как благодарность за свои труды.

— Ну, давайте, смейтесь! Всегда же приятно видеть, как ваш друг попадает в глупую ситуацию, — в сердцах выпали Джоф, но никто и не думал смеяться.

— А случилось что-то смешное? — Хлоя развернула лошадь и слезла с нее.

— Да ничего смешного не было. Просто ось сломалась, и Джоф поцеловал лошадь в зад, — со всей возможной серьезностью прокомментировал Кристоф.

— О, силы небесные! — воскликнула раздосадованная Хлоя. — Как я это пропустила? Следующий раз поеду на месте Роджера, и вместе с вами буду любоваться его спиной.

Все мужчины на какое-то мгновение стушевались и растерялись от этого едкого замечания.

— Можете не благодарить меня за то, что мы доехали до самой кузницы, — махнул рукой маг, прервав неловкий момент.

— А за что это нам тебя благодарить? — поинтересовался Джоф.

— Например, за то, что я не сказал вам, что мы забыли на стоянке ту тяжеленную голову монстра, на которой так любила сидеть Хлоя.

— Наконец-то мы начали избавляться от ненужного барахла. Мы ее уже два месяца возим с самого начала весны. Надо было эту тварь напоследок оставить, но Джоф всегда предпочитает начинать с самой трудной работы, чтобы в конце расслабиться и витать в облаках, — поддержал беседу Роджер.

— Что? Моя голова! — воскликнула Хлоя. — На чем же я теперь буду сидеть на привалах?

— Можешь садиться на мою, — предсказуемо для всех ответил Джоф. — Она не такая большая и не такая кудрявая, но тебя выдержит.

— Премного благодарна, но я, скорее, посижу на гвоздях и битом стекле — так будет больше шансов сохранить свое целомудрие. Пойдем, моя ласточка, — обратилась она к лошади, — проверим твои подковки у дяди кузнеца.

— Витать в облаках! Довольно тонко, Роджер. Раньше от тебя я меньше всего ожидал дружеского стеба, но этот дряхлый старикашка с этой разбалованной девчонкой умудрились испортить и твою чувствительную и честную натуру.

— Что я слышу! Как тебе, нашему предводителю, не совестно пенять на возраст нашей драгоценной Хлои и называть Кристофа разбалованным. А ведь ты должен подавать нам всем пример, — парировал Роджер.

— Не хотел никого оскорбить, — вмешался ничуть не тронутый выпадом Роджера Кристоф, — но, господа, давайте вести себя серьезней. Мы на конюшне или где?

Верховые спешились, и Роджер пошел узнавать у кузнеца, сможет ли он починить им ось и как много времени это займет. Кузнец пришел, глянул и сказал, что к завтрашнему утру справиться, если будет работать ночью. Решили не задерживаться здесь, так как Джоф еще хотел заехать в так называемый «Разбойничий стан», который был обычным городком, у которого даже было какое-то официальное название, которое никто почему-то не знал или знал, но не помнил. Разбойничий стан был знаменит своими законами, лояльными ко всякого рода авантюристам, спекулянтам, нелегальным торговцам, а еще больше знаменит своими тавернами, борделями и довольно низкими в сравнении с остальными городами ценами на алкоголь.

С кузнецом договорились о цене и подкатали повозку ближе к кузне. Местный староста был честный малый и вызывал доверие, так что все имущество, кроме денег, оружия и личных пожитков, оставили в повозке. Кузнец, здоровый детина с такими же подмастерьями, сказал, что от шкур повозку можно не разгружать — починят и так. Все удивились, но дело хозяйское — здоровые значит у них ребята, небо им в помощь.

Вскоре показался и сам староста, невысокий седоватый мужчина, добродушный, по-сельски одетый, с ясными глазами и темным от постоянного нахождения на солнце лицом. Он радостно встретил своих недавних гостей. Джоф с Кристофом вытащили из повозки шкуру ящера, демонстрируя результаты работы всей команды, при этом оба улыбались, как дети, выполнившие задание своего учителя.

Староста с кузнецом оглядели ее, заметили рваный порез на шкуре, но все равно предложили купить шкуру по любой цене. Она им нужна была в качестве то ли некоего трофея, то ли доказательства процветания села, в общем, здесь было не совсем понятно. Джоф сказал, по какой цене они собирались продать магическую шкуру в городе, но староста накинул еще четверть от цены, а кузнец возмутился, что в городе скоро наемников будут за еду набирать. Джоф, недолго думая, тут же предложил старосте купить еще пару шкур, но тот сказал, что они ему не нужны. Староста повел их обедать в свой дом. Балда остался посмотреть за работой кузнеца и загнать лошадей в стойла.

— Разве у вас нет обязательства, по которому вы должны поставлять городу определенное количество шкур в сезон или за год? — заметил староста.

— Есть, но обычно мы перевыполняем план, так что себе в убыток не продаем, — Джоф удивился, что староста осведомлен о таких соглашениях. Возможно, здесь уже были другие искатели приключений и охотники за магическим зверьем, и он узнал это от них.

— Вы так радостно нас встречали, будто знали, что мы везем хорошие новости, — сказала Хлоя по дороге.

— Ну так это же видно: все вернулись живые, целехонькие, веселые. Тут и спрашивать ничего не нужно.

Старосте это казалось очевидным, а вот Хлое — нет: может, они просто радовались, что унесли ноги от слишком сильного и хитрого зверя.

— Кстати, бычка вашего видели, — сказал Кристоф. — Живой он, здоровый, только вот привести мы его не смогли: не захотел он с нами. Но, думаю, вы его и сами заберете. Он возле той пещеры так и пасется как ни в чем не бывало.

— Да, за это тоже благодарны. Только бычок еще утром домой вернулся — вот мы сразу и поняли, что у вас там все хорошо. (Как это можно было понять по вернувшемуся домой бычку, кроме старосты, никто не понял. Но сам факт возвращения быка домой друзей удивил и даже насторожил). Вот, кстати, и он!

На поляне за домом старосты истуканом стоял тот самый темный бык: он неспешно жевал траву и молчаливо смотрел на них.

— Ну что, располагайтесь за столом, — староста указал на длинный стол, стоящий в красивом цветущем саду, раскинувшимся перед домом. — Думаю, на улице обедать сейчас приятнее, чем в душной зале. Сейчас распоряжусь, чтоб подавали, а вы располагайтесь, почувствуйте себя как дома.

Староста скрылся за дверью, а они все еще стояли с краю и замороженно смотрели на быка. Всех интересовал один и тот же вопрос: тот ли это бык. С виду вроде и тот, но экспертов по быкам среди них не было.

— Джоф, а Джоф, это тот самый бык или нет? — озвучила общий вопрос Хлоя.

— Ну вот откуда мне знать, тот это бык или не тот? — Не понимал ее вопроса Джоф.

— Ну ты же видел его вблизи, сходи узнай он это или не он, — поддержал еще одну общую мысль Роджер.

— Хорошо, но только ради вас, — буркнул Джоф и направился к выходу из поселения.

— Куда это ты собрался? — хихикнула Хлоя.

— К пещере, конечно. Если там все еще стоит бык, значит, это не тот, а если не стоит, то велика вероятность, что это все-таки он, — ответил Джоф, будто это было что-то само собой разумеющееся.

— Джоф, в логике тебе, конечно, не откажешь, но проще будет, если ты к этому подойдешь и возьмешь его за рог, — и все начали указывать пальцем в сторону быка.

— Издеваетесь над стариком! Что ж... Видно, плохой из меня предводитель, если так ко мне относятся, — посетовал Джоф, качая головой.

— Ты что, испугался? — сделала большие глаза Хлоя. — Не такого Джофа я мечтала полюбить. Вчера ты был лихой и смелый. Куда подевался тот бесстрашный и отважный победитель монстров и просто красавец Джоф?

— Как минимум тот Джоф протрезвел, — шепнул ей Кристоф, и они вместе захихикали.

— Я не из боязливых, — откашлялся Джоф. — Просто люди растут, развиваются, их взгляды на жизнь меняются, вот и мои переменялись за последнее время. Но если вам нужно знать совсем точно, то бык этот очень похож: у него и рога, как у того, и морда такая же, и ног четыре.

Хлоя хотела продолжить спектакль, но в поле ее зрения попал рыжий кот, и со словами «смотрите, какой красавчик» она бросилась его гладить по спинке и за ушком.

— Ладно. Давайте садиться уже, — призвал всех Роджер. — Сейчас сложно сказать что-то определенное про быка. Подождем, когда Джоф напьется — тогда и воссоздадим недавнюю ситуацию в мельчайших подробностях.

— Тогда пусть Кристоф не пьет. Пьяный он меня точно не поймает, — попросил Джоф. Приблизиться к быку он больше не собирался ни трезвый, ни пьяный.

— Да-да, сейчас как раз займу лучшее место за столом, чтобы с наслаждением наблюдать, как вы все пьете, — кивнул несколько раз в знак согласия Кристоф, широко закидывая голову.

На стол стали выносить разные кушанья на удивление гостям: несколько мясных и рыбных блюд, утятина и перепела, салаты, соусы, подливки, овощи и фрукты, пироги и даже десерты из взбитых сливок. На стол поставили настойки, вино и жбан пива. Все было свежее и только что с пылу с жару. Вино и пиво местные и отменного качества.

Позавчера, когда они поздним вечером заехали в поселение, им предложили остатки ужина, но они долго не сидели и быстро уснули в отведенных им гостевых горницах. Уже тогда за два часа до селения в сгущающихся сумерках Кристоф сказал им, что они пересекли сигнальное магическое поле. Это было обычным делом для поселений, которые не могли себе позволить содержать военизированный гарнизон с часовыми. Но как им это помогало, если поле вдруг пересекала большая разбойничья шайка или отряд наемников с плохими намерениями, было не вполне понятно. Давало время собрать пожитки и убежать в леса или подготовиться к посильному сопротивлению? Никаких защитных сооружений вокруг поселения не было. Вечером на подъезде они никого не встретили, но догадывались, что днем здесь люди работали на полях, орали землю и засеивали пшеницу, пасли скот и даже пели во время работы. Когда вымотанные от долгой скачки ездки разбрелись спать,

староста рассказал отоспавшемуся в повозке Джофу о своем деле.

Рано утром их покормили завтраком и дали с собой в дорогу пирогов и вина, так что осмотреться у них времени не было. По дороге, которая была довольно приличной и вела чуть ли не до той самой пещеры убитого ими магического ящера, они беседовали об этом селе и о селах в принципе. Хлоя с Джофом сошлись на мыслях, что село находится в подчинении ближайшего города, которым был Разбойничий стан, что город дает селу свою защиту, а также скупает избыток всех продуктов хозяйства по выгодным для себя ценам. Хотя красивые и просторные дома селения немного противоречили мысли, что поселяне работают чуть ли не за еду. Днем они проезжали поля и пастбища, на которых видели довольно много людей и скота. Но ближе к озеру, холмам и до самой пещеры уже никого не встретили.

Сейчас, сидя за ломившимся от деликатесов столом они начали потихоньку сомневаться в своих предположениях. Отличная еда, богатые дома, спокойные и добродушные люди, переплата за шкуру — совсем не похоже на бедных и приниженных городом поселенцев. Из дому вышел староста, окинул их добрым взглядом и спросил, где еще один их спутник. Ему ответили, что он ставит лошадей в стойло и ухаживает за ними. Староста покивал головой и сказал, что нехорошо так: у них дома за стол садятся все вместе, и надо бы подождать. Но Джоф уверил его, что волноваться не о чем, что скоро их спутник придет и присоединиться к трапезе.

За столом, кроме гостей и старосты, были его жена, женщина добрая и дородная, два довольно рослых сына и хрупкая и прекрасная, с красивыми длинными рыжими волосами дочь старосты. Рыжеволосая красавица поочередно обошла гостей и с приветливой улыбкой налила каждому кто чего хотел, а после села с краю стола. Гости расположились с одной стороны стола, семья старосты — напротив них. Староста уговорил Джофа сесть во главу стола, а сам сел по другую сторону. Получилось так, что никто не оказался в обиде: и Джоф, и староста сидели во главе — один как хозяин, другой как почетный гость.

Еда была вкусная и изысканная, гости хвалили хозяйку и благодарили хозяина за гостеприимство. Кристоф заметил, что никогда раньше не пил такого вкусного вина, а Хлоя поняла, что не видела жизни, после того как попробовала десерт из свежайших взбитых сливок. Они за долгие годы своих походов часто останавливались в разных пригородах и перевалочных пунктах, но в селе оказались впервые, и сейчас при свете дня за обедом были приятно удивлены.

Сыновья старосты с восторгом поглядывали на Хлою, но блюли рамки приличия. Их сестра строила глазки Роджеру, но мать периодически пощипывала ее, чтобы она вела себя хорошо. Вскоре Роджер, знавший, что ходить вокруг да около можно вечно, нарушил хвалебную традицию и спросил старосту напрямую, как они здесь справляются с разбойниками, которых пруд пруди вокруг Разбойничьего стана. Есть ли у поселения с городом какой-то союз или договоренность, потому что никаких оборонительных ограждений и военных гарнизонов они не заметили, не считая магической сигнальной сети вокруг села. Младший сын усмехнулся, но староста пресек его смех отеческим взглядом.

— Вот вы видели мир, были в разных городах, скажите, везде вас встречали так, как у нас? — спросил староста.

— Ни разу в жизни не ела такого вкусного десерта, — по-детски честно выпалила Хлоя. — И вино у вас просто превосходное.

— Да, есть у нас и виноградники. Вы, может, до них не доехали — там за пещерой

дорога уходит вправо и приводит в еще одно поселение, чуть меньше этого. Вот мы этот месяц и не могли пользоваться основной связующей дорогой из-за ящера, приходилось напрямик по тропам ездить. А с телегами по тропам не наездишься. — Староста улыбнулся Роджеру и Кристофу. — А что до Разбойничьего стана, то, думаю, вы и сами могли догадаться, что в наше время городов-государств не очень приходится полагаться на разного рода союзы и договоры. И если какое-то поселение, пригород или город существуют, то они могут себя защитить от других таких же городов-государств, а также от бродячих разбойников. Есть и у нас свои способы. И как видно из отсутствия военных гарнизонов и оборонных сооружений, которыми никакие поля и пастбища не огородишь, мы пользуемся благами магической силы. Все подробности и особенности нашей магии я вам открывать не стану, но то, что магия помогает нам, — это не секрет. Странно, что вы не знаете нашей истории, если бывали в Разбойничьем стане. Правда, и там не все знают, а кто знает, стараются не рассказывать, потому что славы им эта история не прибавляет...

Не буду вас утомлять долгой историей, но если коротко, то некогда Разбойничий стан пытался навязать нам свою политику и взять наше поселение, так сказать, под свое крыло. Но нас не совсем устроили их условия, и тогда они собрали у себя отряд далеко не честных людей и пообещали им горы золота, если они захватят нашу общину. Те несчастные и нечестные люди пришли к нам и начали вести себя грубо и воинственно. У них было магическое оружие, которым они сотрясали воздух, и с ними было три мага, которые показывали нам свои фокусы и чуть не спалили мой дом, который, к слову, я построил своими руками. Ну а мы в ответ показали им свои фокусы. Большую часть того отряда уже никогда не сыщут, но в некоторых из этих незваных гостей наша дочь смогла увидеть что-то хорошее, и с ними мы сумели договориться. Один из тех магов сейчас живет с нами и работает с нашими волшебниками, помогает улучшать условия посевных работ и занимается защитой поселения, а некоторых воинов из того отряда вы могли видеть в кузнице — тоже, как видите, заняты делом и рады, что остались с нами, хотя все те, с кем мы договаривались, могли и уйти: мы никого не принуждали.

Других попыток навязать нам свою политику Разбойничий стан больше не делал. Я сам с несколькими умными людьми посетил Разбойничий стан, пришел лично к их удивленному управителю, и мы смогли найти компромисс. Сейчас мы с ними находимся, я бы сказал, в нейтральных отношениях и в целом неплохо торгуем. То магическое поле, что вы пересекали два дня назад, — самое ближайшее к поселению. Есть еще два поля дальше — их вы могли и не заметить. Когда вы пересекли второе поле, мы уже знали, что к нам едут пять человек и пять лошадей, а на ближайшем уточнили, что один из пяти владеет магией, а двое — с магическими артефактами. Как-то так.

Староста замолчал и налил себя вина. Все были слегка удивлены, даже Роджер изобразил мимикой «не дурно, не дурно». Одни вопросы отпали, но появились другие.

— Это точно тот бык! — нарочито громко шепнул Джоф Хлое.

— Скажите, — спросил Кристоф, — а зачем вам тогда понадобилась наша помощь с этим гигантским ящером? Если вы смогли, кхм, договориться с бандой разбойников с помощью магии, то почему не смогли сами справиться с магической тварью?

— Я был бы разочарован, если бы вы не спросили, — староста отер губы белоснежной салфеткой, подав пример остальным. — Мы еще не город, но уже и не село. Я бы даже сказал, мы что-то совершенно новое в этом мире, ну да ладно. Мы общаемся и торгуем с другими городами, знаем, как и чем они живут, и знаем, что все они растут и расширяются.

Вот и мы стараемся развиваться и привлекать на свою сторону союзников. Магический ящер появился возле наших виноградников совсем недавно и уже успел навести шуму и заставить наших людей и скот временно покинуть ту территорию. Его звенящая магическая аура совершенно не понравилась нашей провидице, и она отговорила нас от скорых решений. Все наши люди заняты своими делами, и все их жизни нам одинаковы дороги и ценны. Пока мы долго обдумывали, кого послать и как справиться с этим непрошеным гостем, на горизонте появились вы. Ваша аура понравилась нашей провидице, и мы решили попробовать поиметь с вами общее дело.

— И если бы ящер нас выпотрошил, то никому не пришлось бы горевать, — продолжил его мысль Джоф.

— Разве не в этом и заключается ваша работа — рисковать жизнью и сражаться с теми, с кем обычные люди не справятся? — возразил староста. — Еще одной нашей целью было показать вам, кто мы такие, как и чем мы живем и как относимся к людям. Возможно, это поможет вам сделать тот или иной выбор, если когда-нибудь случится что-то, что нарушит мирное существование нашего поселения и наших добрых соседей на виноградниках. Когда погибает никому неизвестный город на другом конце земли, никому нет никакого дела до этого. Когда беда приходит в место, с которым у тебя связаны приятные воспоминания, — все воспринимается совершенно по-другому.

— Очень прямая и мудрая мысль! — заметил Роджер. — Но вы даже не спросили, как нам удалось убить магического ящера.

— Судя по увиденной мною шкуре, все оказалась легче, чем вы себе представляли. Кто-то вспорол ящера еще до вашего прихода. Предположу, что он, уже раненный, сидел в спячке в пещере в ожидании легкой добычи и вышел, когда почувствовал ваше приближение. Но любая работа есть работа. Вы рисковали, вы шли на бой, не зная, что вас ждет, и вы выжили и получили свою награду — и за это можно выпить, — все с удовольствием подняли чаши: кто с вином, кто с пивом.

— А кто же этот кто-то, кто вспорол ящера? — невинно спросил Джоф.

— А кто его знает, мало ли кто там ходит в этих разношерстных краях. Мы за холмы сами-то не заходили ни разу.

Значит, это точно был бык старосты, подумали все, но раз он не хочет говорить в открытую, то это его дело.

— Мы почему спрашиваем, — вклинился Кристоф, — ваш бык, если там действительно был он, вспорол нашему другу Джофу кольчугу и подбросил его на убийственную высоту. И если бы не стечение обстоятельств, то наш друг мог бы и умереть. Джоф, покажи им.

Джоф поднял левую руку и показал разрез от подмышки до живота. Староста бросил взгляд на кольчугу и сказал:

— Это очень странно, но объяснимо. Наши животные никогда не причинят вреда тем, кто не собирается причинить вреда им. Но они могут предупреждать об опасности. У нас уже были случаи, когда быки подбрасывали пару напившихся ребят, но та магия, что отправляет их в воздух, она же и приземляет их, оставляя легкий испуг, чтобы впредь не повадно было. Я сожалею, что не предупредил вас, так как не думал, что вы встретите нашего гулящего бычка. Но я готов взять все расходы по починке вашей кольчуги на себя. Работа тонкая, но, думаю, наши кузнецы могут залатать ее за несколько дней, а маги восстановят ее магическую защиту.

Джоф переглянулся с Роджером. Принять извинения было намного выгоднее, чем

затевать ссору с теми, кто владеет явным магическим превосходством. Но оставить кольчугу Джоф не мог, а оставаться на несколько дней тоже не было желания. К тому же мысль стясти хорошую компенсацию с того торговца не отпускала Джофа, а порванная кольчуга была нужна в качестве доказательства.

— Я принимаю ваши извинения и ваше желание помочь. Предъявлять претензии к тому, что могло бы случиться, если бы то-то и то-то, — это слишком мелко и глупо. Так низко пасть я не могу. Но я бы хотел попробовать получить компенсацию от того, кто мне эту кольчугу продал, поэтому от вашего предложения починить ее тоже временно откажусь. Завтра утром мы отправимся в Разбойничий стан.

Как пожелаете. Мое предложение будет в силе, если вы захотите вернуться. — Старосте понравился ответ Джофа, и он немного расслабился.

— А откуда у вас магия? — спросила любопытная девочка Хлоя.

— Да откуда же, откуда и у всех. Ее везде много, нужно только побродить по лесам да по холмам и поискать хорошенько. Уверен, что вы тоже могли ее увидеть в своих странствиях, — как что-то само собой разумеющееся сказал староста.

— Но это дикая бесхозная магия, она ведь и убить может! — посмотрел на старосту Кристоф.

— Может и убить, — закончил беседу староста и поднялся из-за стола. — Сидите, кушайте, у меня еще дела есть. Располагайтесь, отдыхайте, комнаты те же, вы их уже знаете. До утра вам повозку не починят, так что почувствуйте себя как дома. Здесь недалеко река, можно искупаться сходить, Анна вам покажет. Ну а вечером прошу к нам на небольшой праздник по поводу победы над почти что драконом.

Хозяйские сыновья тоже резво поднялись и ушли вслед за отцом. Хозяйка несколько раз выходила в дом за вином и следила, чтобы Анна не пялилась на Роджера. Из кузницы вернулся Балда, и дочь старосты усадила его на освободившееся место и принесла свежих яств и вина. Хлоя как раз в это время поднималась и, глядя себя по округлившемуся животу, еще раз благодарила хозяйку за замечательный обед.

— Вы как хотите, а у меня дневной сон. Потом можем пойти в поле потренироваться в стрельбе, Джоф может поупражняться со своей секирой, Кристоф — с магией, а Роджеру дадим камнями покидаться. Согласны?

— Да мне собственно нечего тренировать, я и так в идеальной форме, — сказал с набитым ртом Роджер, уплетая нежную золотистую курочку и запивая темным сладким пивом.

— А я и так все время тренируюсь: для магических тренировок не нужно бегать по полям, лазать по деревьям и крутить кульбиты, — оторвался от красной рыбы Кристоф.

— Я так вообще не вижу смысла в тренировках, — поддержал их Джоф. — Каким бы натренированным не было мое тело, мне за виляние бедрами в таверне еще никто никогда скидку не сделал. Так что я тоже пас. Но ты тренируйся, скидку-то дают на компанию.

— Ну какие же вы нудные. Балда, ты хоть пойдешь со мной? (Балда согласно кивнул с набитым ртом). Ну, тогда здесь через час.

— Так ты что, даже не посмотришь, как Джоф пойдет извиняться перед быком за свою пьяную выходку? — улыбнулся Роджер, но Хлоя вяло махнула рукой и скрылась в доме.

Вскоре Балда догнал остальных, и все закончили сытую трапезу с чувством легкого переедания. Анна с не сходящей с лица улыбкой убрала со стола и вынесла ручной работы чайник с ароматным чаем. Она сказала, что чай по старинному семейному рецепту позволит

снять тяжесть в желудке после хорошего обеда. Роджер с удовольствием принял чашку из ее белых красивых рук. Кристофа вдруг посетили параноидальные мысли о том, что их могут отравить, но потом он понял, что такие мысли должны были посетить его до обеда. Остальные тоже с удовольствием выпили чаю. Джоф приглядел себе отличный стог, отделенный от быка оградой, и вместе со своей секирой пошел устраивать себе дневной сон — он все еще был без сапог. Роджер с Кристофом и Балдой пошли гулять по селению, подсчитывая дома и разглядывая архитектурные решения. Маг и дальнобой шли бок о бок и указывали друг другу на те или иные особенности строений. Балда шел за ними, периодически останавливался, разглядывая то место, о котором говорил и на которое указывал один из его спутников, а когда голоса начинали отдаляться, снова нагонял их.

Навстречу им шли местные жители и приветствовали их, кто-то махал из окон домов. Собаки играли, бегали за ними от дома к дому, дружелюбно махали хвостами и даже ни разу не залаяли. Коты, совсем не интересующие собак, сидели на изгородях и смотрели с подозрением, но некоторые все же подходили и терлись о ноги.

Все дома были похожи, если смотреть на них вечером издали: все они были каменные, довольно широкие, все — с одинаковой рыжеватой-красной черепичной крышей и большими окнами и стояли примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Вокруг каждого дома был свой участок, но заборы между участками были, скорее, условными и, судя по всему, больше защищали от всеядной домашней живности, нежели от людей.

Вблизи же и при свете дня отличия строений сразу бросались в глаза. Дома были окрашены в разные пастельные цвета, отличались резьбой по ставням, формой и отделкой крыльца, некоторые имели по два этажа. Этаж достраивали позже, но этого было почти не заметно. Ворота и калитки были, но не запирались, и к любому дому можно было свободно подойти. Изгородь отделяла участки от выложенной брусчаткой центральной улицы, чтобы лошади или другие животные случайно не вытоптали цветы и растения, которыми были покрыты большинство из этих участков.

Единственными деревянными домами в селении были дом старосты и некоторые дома вокруг него. Как позже выяснилось, это были первые дома поселения, когда все строилось из подручных материалов. Потом началась торговля, и появилась возможность строить из кирпича.

— Красиво живут, — заметил Кристоф. — Ни одного убогого домишки, все ухоженные, все со своим вкусом. Есть здесь какая-то особенная свобода, которую в городе не всегда можно почувствовать. Правда, о равенстве не скажу: у кого-то большой дом в два этажа, у кого-то — небольшой домик.

— Кажется, размер домика зависит от семьи, которая в нем живет. В двухэтажных живут большие семьи с уже взрослыми детьми, в маленьком живет один человек, который здесь недавно и еще семьей не обзавелся. Уверен, что строятся они здесь из соображений необходимости, а не из желания отгрохать себе дворец. Посмотри, даже маленькие дома будут побольше, чем в тех городах, что мы повидали.

— Думаю, ты прав. Так, может, они здесь и деньгами вообще не пользуются и у них все общее? Я что-то слышал про такое, но не могу себе представить, какой должен быть уровень доверия между этими людьми, если все так.

— Я слышал про такие формы ведения хозяйства, о которых ты говоришь, — погладил бороду Роджер, — но они давно показали свою несостоятельность. Уверен, что деньги здесь в ходу, вряд ли они смогли бы привлечь людей одними условиями и этой относительной

свободой. Староста — человек мудрый, но, как я узнал еще позавчера из беседы с одним местным пастухом, он не единоличный управитель: есть еще несколько десятков человек, которые общими силами принимают важные для селения решения. Думаю, что поселение это довольно молодое, и пока староста и его сопративители живы, оно будет процветать и развиваться, но смогут ли они организовать такую политику, чтобы после их смерти все не развалилось?

— Ты намекаешь на города, которые кочуют из рук в руки и в которых мера золота при нашей жизни не раз скакала от мешка картошки до небольшого домика и обратно? — уточнил Кристоф.

— И это тоже. Но даже эта проблема мне кажется не такой серьезной. Оглянись вокруг — здесь красиво и чисто, люди улыбаются, общаются и работают. За два дня на землях этого поселения мы не встретили ни одной банды, ни одного разбойника, ни одной подозрительной личности. Все довольны жизнью, и я не побоюсь этого слова — счастливы. А счастье всегда вызывает зависть. В Разбойничьем стане знают про это поселение, его посещали разные люди с разными характерами и разным отношением к жизни. Староста по своей наивности думает, что хорошие люди будут помнить об этом поселении и вернуться сюда, и помогут его поднимать и превращать их общину в полноценный город, — может, все и так. Но и плохие люди тоже будут помнить об этом месте, они унесут отсюда затаенную зависть и воспоминания о счастье и богатстве местных жителей.

— Ты, кажется, забыл, что нас сюда пустили и все нам показали только потому, что местной провидице понравилась наша аура, — парировал Кристоф. — Уверен, что плохих людей здесь не жалуют, им не показывают и не рассказывают все то, что показали и рассказали нам, и уж тем более им не предлагают здесь остаться жить и работать. А значит, и риск, что какой-то завистник затаит злобу на это место и соберется на него напасть, сводится к минимуму. И даже если мы начнем всем подряд в городе расписывать, как здесь хорошо и здорово, то никто нас не будет слушать, потому что в любом городе все приезжие всегда сначала будут рассказывать тебе, как в твоём городе хорошо, а, столкнувшись с первыми проблемами, начнут вспоминать, как было хорошо там, откуда они приехали.

Роджер долго и задумчиво молчал, разглядывая красивую мостовую. Кажется, когда староста оговаривал упомянутый Кристофом момент за обедом, Роджер так уплетал салат, что у него закладывало уши, и он все пропустил. И сейчас Кристоф легко разнес его версию плохого будущего в пух и прах. Но все же лучше быть пессимистом и ошибиться, чем быть оптимистом и тоже ошибиться.

— Я бы уточнил, что проблемы начнутся, если они вдруг потеряют свою провидицу, или если она потеряет свой дар. Вот тогда уже всякий сброд, польстившись хорошей жизнью и выдавая себя за хороших людей, просочится в этот маленький мир и потихоньку начнет подгонять его под себя, — теперь уже Кристоф выдал усовершенствованную негативную версию идеи Роджера.

— Как я понял, провидица — это Анна, дочь старосты, — высказал свое предположение Роджер.

— Да. Я тоже об этом подумал. Может, вся идея этого поселения вертится вокруг одной хорошей семьи, — Кристоф остановился и обернулся на собачий лай. Отставший от них шагов на тридцать, Балда стоял возле изгороди одного из домов и играл с собаками. Он гладил их по головам и бросал им палку в глубь двора. Собаки бежали наперегонки, возились с палкой, не могли поделить и, держась за нее вдвоем, несли к Балде. Третья

собачка поменьше, скорее всего, щенок, семенил за большими в обе стороны. Балда перегибался и гладил мелкого, потому что до края изгороди тот не доставал.

Роджер и Кристоф смотрели на эту игру со странным, но понятным им обоим чувством.

— Мы так и не дали ему имя и не настояли, чтобы Джоф дал ему имя, — Кристоф уже давно не страдал от этой мысли, смирился с ней и сейчас просто констатировал факт.

— Я бы давно мог пристыдить Джофа, надавить на него и даже сам дать имя мальчику, но у меня есть теория, о которой я, может, уже рассказывал, — начал излагать свою мысль Роджер. — Теория о том, что имя дается нам не просто так, Кристоф, совсем не просто так. Сейчас имя Балде не нужно — он не поймет и не оценит, и не познает радости его наличия. Его имя не нужно Джофу, который обманывает сам себя, отодвигая все решения за линию горизонта. Без имени человек не может умереть, то есть смерть Балды не принесет Джофу серьезной травмы, если вдруг Балда случайно утонет или с ним что-либо случится. Его имя не нужно и нам, охотникам на монстров, охотникам, которые живут и копят денежки, при том, что сами не особенно уверены в своем будущем. Сейчас его имя не нужно никому на свете — возможно, никому, кроме нашей чувствительной Хлои, которая, уверен, зовет его про себя как-то по-особенному, но нам не говорит. Его имя могло бы помочь нам показать свою человеческую сущность перед соседями, но у нас нет соседей. Имя нужно человеку, когда он осознает себя полноценным человеком, когда люди рядом с ним осознают его полноценным человеком.

Роджер закончил. Кристоф был очень удивлен, но не столько этой, давно уж понятой им самим теорией. Он был удивлен тем, что они с Роджером очень похожи, но он никогда этого даже не замечал. Они давно так не беседовали и не раскрывались друг перед другом. Всегда они были в одной большой компании, которая, с одной стороны, довольно дружная и веселая, а с другой — все-таки довольно большая, чтобы можно было вот так поговорить и раскрыться.

Кристоф вдруг понял, что ему есть о чем поговорить с каждым из них. Вот приоткрылся Роджер, вчера они сидели с Джофом на камне и вели что-то похожее на беседу, хотя Джоф уходил от его вопросов, как скользкий уж, жирный скользкий уж. Кристоф усмехнулся про себя, и Джоф бы тоже засмеялся этому сравнению. Ему было о чем поговорить с Хлоей, если отбросить и забыть все глупые попытки ее охмурить. Он часто подсказывал ей, как еще можно воспользоваться бытовой магией и как усовершенствовать свою медитацию. А когда они вернулись в город после их первого совместного сезона, он даже умудрился преодолеть весь свой стыд и намекнуть Хлое, что магия может решить и некоторые женские вопросы, которые, как он понял, доставляли ей дискомфорт на протяжении всего маршрута. Он посоветовал Хлое посетить одну свою знакомую волшебницу, которая может всему научить. За этот совет Хлоя была ему так признательна, что потратилась и подарила ему магическую мантию, которую он носит и по сей день, а его знакомой волшебнице подарила один редкий для того города, но довольно распространенный недорогой артефакт, который купила в Разбойничьем стане. Н-да... Хорошее здесь место — наводит на положительные мысли и воспоминания.

— Пойдем назад. Там кажется кто-то хотел поплавать, — они двинулись назад, отобраз палку у Балды, а Балду у собак.

— Тебя там Хлоя ждет, помнишь? Уже пора вернуться, — сказал Балде Кристоф, и тот, кивнув, пошел с ними. Но Кристоф не сказал, что час уже давно прошел, чтобы Балда не рванул и часом не расшиб себе лоб, где-нибудь споткнувшись. Если уж опаздывать, то на

десять минут или полчаса — разницы никакой.

Хлоя проснулась ровно через час, — она попросила хозяйку дома ее разбудить, а жена старосты оказалась человеком не только добрым, но исполнительным и точным. Она предложила Хлое что-нибудь перекусить, но та, все еще чувствуя тяжесть от сытного обеда, вежливо отказалась. Теперь она понимала, почему у старосты и его сыновей во время обеда появлялись незаконченные дела. Если бы не эта отмазка, то они бы уже давно не влезали ни в одну дверь их просторного дома. Благо еда, если ее оказывалось приготовлено чересчур много, не пропадала, так как хозяйка обычно заранее приглашала всех ближайших соседей. Если никого вдруг не оказывалось рядом, то вместе они с Анной разносили еду соседям и тем, кто работал в поле. На крайний случай, когда большая часть еды была съедена и роздана, но все равно еще оставалось, ее покрывали магической оболочкой и на следующий день не готовили вовсе. Некоторые близкие соседи уже и не помнили, когда последний раз готовили сами, поскольку не всегда могли съесть все принесенное в дар. В ответ на щедрое угощение они спешили оказать старосте и его семье любые посильные услуги, чтобы хоть как-то отблагодарить за такое радушие.

К счастью, Анна была очень чуткой девушкой и умела остановить мать, когда понимала, что сегодня можно бы сделать и перерыв и устроить разгрузочный день, а то мама и сама скоро не пролезет в дверь. На такое замечание от мужа или сыновей в ответ могло прилететь что-нибудь не очень лестное, а то и вовсе тяжелое, но Анну мать безумно любила и очень часто с ней соглашалась, внимая ее доводам. Видимо, в этой семье все было не как у людей: мать, которая любит дочь и потворствует ей, и отец, который больше времени и заботы уделял сыновьям.

Хлоя потянулась в качестве разминки и подошла к окну — солнышко уже потихоньку скатывалось вниз за холмы. Она схватила лук и колчан и спустилась во двор, но никого там не застала. Она поискала глазами Балду, зашла в дом и спросила Анну. Та ответила, что трое стройных мужчин ушли гулять по поселению, а крупный мужчина в кольчуге решил вздремнуть в одном из стогов за домом. Если Хлоя зайдет за дом и пойдет на звук храпа, то легко найдет его.

Хлоя рассердилась: она думала, что сейчас немного постреляет по тонким веткам деревьев или поиграет с Балдой на щелбаны в игру «кто попадет ближе к цели». Хлоя ни разу не получила ни одного щелбана, а Балда ни разу не отказался с ней играть — идеальный друг для девушки. Она давала ему стрелять из лука, уже не боясь, что тот его сломает. Первый раз такие страхи посещали ее, но Балда держал лук как хрустальную вазу, оттягивал тетиву, как будто это были волосы красавицы, и Хлоя, не выдержав, сама начала говорить ему, что неплохо бы держать лук пожестче и увереннее отводить руку подальше. Лук — это не девчонка на первом свидании, с ним можно не цацкаться. На третьей их совместной практике Балда даже куда-то попал, хотя она была уверена, что он все забыл, и думал, что они тренируются впервые. Но если сознательная память и сильно шалила, то подсознание где-то что-то записывало, руки запоминали движения. И это наводило Хлою на мысль, что, возможно, когда-нибудь ей прилетит первый щелбан и что похож он будет на касание лепестка, упавшего с самой нежной розы от легкого ветерка, и гнев ее за такое снисходительное отношение будет страшен. Еще Балда всегда бегал за стрелами, что делало его еще более бесценным партнером.

И вот сейчас она стояла и смотрела на уходящую в глубь села дорогу, и ждала появления из-за поворота этой жалкой троицы, чтобы запустить в них свой великодушный и вполне уравновешенный привет. Анна вышла из дома и, почувствовав детскую досаду Хлои, рассмеялась и предложила поиграть с ней. Хлоя поинтересовалась, умеет ли Анна стрелять из лука, но та только повертела головой. Она сказала, что будет запускать в небо «светлячка», и если гостя попадет в него, то он вернет ей стрелу. Хлоя выслушала эту дичь настороженно, но согласилась, чтобы лишний раз не переспрашивать, потому что лучше один раз увидеть. Анна стала спиной к солнцу, чтобы их не слепило, и из руки ее вырвался пучок света и быстро направился ввысь. Хлоя молниеносно отреагировала и на небольшой высоте сбила неторопливого «светлячка». Стрела засияла звездой и по широкой дуге вернулась прямиком в руку Хлои, а сгусток света отпустил стрелу и перенесся в руку Анны.

— Ну как, продолжим? — Анна улыбнулась Хлое, и та улыбнулась ей в ответ. Следующий пучок света полетел с той же скоростью, но плавно качаясь в разные стороны. Он вернул стрелу, как и предыдущий. Дальше скорость и колебания только увеличивались, но Хлоя опережала не только своей реакцией, но и точностью и быстротой расчета места встречи стрелы и «светлячка». Седьмой «светлячок» замелькал с переменной скоростью и частотой, и Хлоя промазала. Анна запрыгала на месте и радостно захлопала в ладоши. Хлоя огорчилась, но в то же время не могла налюбоваться на этот эмоциональный всплеск Анны. Кого-то она ей напомнила, какую-то далекую и давнюю знакомую. В ее руку вернулась стрела, на этот раз пойманная «светлячком».

Анну позвала мама, и она, извинившись, убежала в дом. Вся игра заняла от силы минут десять, но Хлоя почувствовала, что таких тренировок и по десять минут в день хватит, чтобы держать себя в отличной форме. Никогда еще ей не доводилось стрелять по такой странной, хаотично двигающейся цели, и тем приятнее ей было осознавать, что она способна попадать в нее. Но последняя цель была пока еще недоступна Хлое, а раз такая магия существует, значит, и цель эта вполне реальна — стало быть, ей есть куда расти.

Хлоя забежала в свою комнату, скинула лук, колчан, сапоги, штаны и верхнюю куртку. На ней осталась юбка и плотная просторная белая блуза. Она выбежала так из дому и пошла на звук храпа. Из-за изгороди на нее смотрел все тот же красивый и спокойный бык. Он словно вкопанный как стоял на том самом месте, так и не сдвинулся с него. Бык был бы вылитая статуя из черного агата, если бы не мелкие монотонные движения челюстей и повороты головы. Хлоя подумала, что если кто-нибудь увидит его в движении, то это можно будет считать за знамение.

Из стога торчали две знакомые ноги и рукоять секиры, а из центра доносился чуть приглушенный сеном храп. Хлоя пощекотала ногу, но нога только поводила пальцами. Хлоя подергала ногу за палец, но безрезультатно. Тогда она сорвала жесткий длинный стебель травы и начала хлестать прямо по стопе. Нога задергалась, и храп прекратился.

— Что за бессовестный человек решил поквитаться со своей жизнью самым жестоким в этом мире способом? — раздался голос из стога.

— Это я, твоя несбывшаяся мечта. Хватит дрыхнуть, — Хлоя еще раз хлестанула по грубой коже пятки. Сено разверзлось, из него показалась кольчуга, руки и голова сгибающегося пополам Джофа. Он сладко потянулся, но так и замер, увидев Хлою в ее наряде.

— Так моя мечта все-таки решила сбыться. Благослови небо эти прекрасные белые ноги. Милости прошу, — он уже повернулся боком к стогу, но Хлоя лягнула его травинкой

по руке.

— Мы купаться идем или нет? У меня возникло странное чувство, что следующий раз такое прекрасное и спокойное место мы посетим очень нескоро, и будет глупо упускать такую возможность, — она воткнула другой конец прутка себе в рот и начала его жевать как в детстве.

— Кажется, не далее, как вчера вечером, у нас такая возможность была, но не все ею воспользовались, — заметил Джоф, отряхивая сено с кольчуги и доставая его из волос.

— Вчера не у всех была такая возможность и настроение, а сегодня есть и то, и другое, — поправила его Хлоя.

Она побежала вприпрыжку к дому, по дороге сделала акробатическое колесо, сверкнув белыми ногами в воздухе, и скрылась за стеной. Собираясь войти в дом, чтобы просить Анну проводить их к реке, она заметила вдали три неспешащих фигуры. Мысль о том, чтобы отчитать Балду за то, что он ее бросил, уступила место радостной мысли, что сейчас они все вместе пойдут к реке купаться, и никому не придется стоять на страже. Хлоя с трудом могла отдать себе отчет в том, что с ней происходит, но она просто на какое-то время стала той самой милой юной девушкой, которая хотела носиться с мальчишками, лазать по деревьям и разорять птичьи гнезда. Что способствовало такой смене поведения она не знала, но смутно подозревала, что это все Анна и ее смех, которые, словно отражение в зеркале, показали ей ее саму каких-нибудь семь-десять лет назад.

Она шмыгнула в дом и отыскивала Анну. Та сказала, что можно пойти сейчас на реку, а можно чуть позже сходить в баню, которая тоже на берегу и устраивается каждые три-четыре дня. «Отец совсем забыл, что вы не местные и про баню даже не слышали». Хлоя поняла, что Анна имела в виду конкретно местную баню, а не то, что они о банях слыхом не слыхивали. Она сказала, что они успеют и покупаться, и помыться. Анна рассмеялась этому желанию ухватиться за все сразу.

Девушки вышли во двор, на котором уже ожидал их Джоф. Вскоре подошли остальные и тоже удивились, и порадовались тому, как легко одета Хлоя. В городе им доводилось видеть ее и в летних платьях, и в обличьях сумасбродного ребенка, но в походе они ее такой видели впервые. Кристоф шепнул Роджеру, что все-таки здесь место «не чистое», а, точнее, наоборот, слишком чистое и располагает к освобождению головы от всяческих насущных проблем. Роджер кивнул в знак согласия. Они сказали, что конечно же пойдут на речку вместе, чтобы порадовать Хлою и продолжить осмотр поселения, которое в общем и стояло на реке, просто до моста они не успели дойти.

Анна повела их короткой дорогой мимо стога и быка. Когда показался стог, Хлоя обернулась и радостно указала всем на него: «Здесь спал здоровяк Джоф» — и засмеялась. Джоф улыбнулся во все щеки: здоровяк явно не то же самое, что толстяк — по этим эпитетам он мог видеть настроение Хлои, и сейчас оно было очень даже солнечное. Роджер шепнул Кристофу, что воздух отравлен и скоро они тоже начнут чувствовать себя моложе и, возможно, даже станут резвиться, как дети. Скорее бы, подумал Кристоф, который пока еще ощущал себя старше, чем выглядел. Буквально в сотне метров от дома открывался вид и на извилистую реку, и на еще одно скопление домиков на том берегу. Через реку было перекинуто два моста. Один был прямо перед ними, а другой — намного левее и ближе к дальнему краю селения. Возле мостов расположились два небольших домика. Анна сказала, что это бани. Раньше была одна, и мужчины и женщины ходили в них по разным дням. А потом, когда по вечерам на танцах одни оказывались чистыми, а другие не очень, то решили

построить вторую баню. Анна вывела их к одному из меандров реки, образовывавшему небольшой песчаный пляж, и предупредила, что глубина на этом повороте приличная и течение очень быстрое, так что если кто не умеет плавать, то далеко лучше не заходить. Ширина реки в этом месте была метров тридцать, не больше. Оказалось, что хорошо плавать не умеет никто, кроме Хлои, которая за свое детство проплыла все ближайшие реки вдоль и поперек. Ну, поперек точно.

— Снимите со здоровяка кольчугу, а то если он потонет, то может перекрыть реку и затопить всю низину, — рассмеялась своей шутке Хлоя.

— Неужели ты не бросишься спасать меня, если я начну тонуть? — с наигранной грустью упрекнул ее Джоф.

— Твоя кольчуга весит больше меня, так что я ограничусь предусмотрительным советом.

Роджер сказал, что два раза мокнуть не в его принципах, поэтому он подождет баню и уже там накупается, а пока может только покидать камнями в тех, кто будет плохо грести. Анна сказала, что нужно помочь матери, и убежала домой. Балда помог Джофу скинуть кольчугу и сорочку, сбросил свою, и вместе они вошли в воду. Хлоя уже была на середине реки.

— Кто это плавает в одежде? Да еще и в юбке! — бросил ей Джоф.

— Берегу твое сердечко, толстяк. Если доплывешь и достанешь до меня, потреплю тебя за щеку! — Хлоя отплыла подальше, дразня его. Она легла на спину и тихонько плыла по течению, разглядывая плывущие над ней облака.

— Нет, спасибо, такие радости мертвому Джофу ни к чему, — грустно вздохнул Джоф.

Балда зашел в воду по пояс, плашмя лег на воду и попытался плыть, но у него плохо получалось. Балда не боялся воды, несмотря на случай из детства, — он про него почти ничего не помнил. Джоф никогда не задумывался о том, чтобы обучить его плавать, поскольку и сам не умел.

Как-то пару раз Балда с Хлоей были на реке за стенами их родного города, и она пыталась научить его, но пока что безрезультатно. Роджер стоял с закрытыми глазами, подставив лицо спустившемуся еще ниже солнцу. Он замер в том медитативном состоянии, в которое мог входить практически в любое время: он слышал плеск воды, ветер в ветвях редких деревьев и шелест луговой травы, жужжание насекомых и далекое мычание коров, — все здесь было совершенно. Кристоф же был задумчив и стоял в нерешительности. Возможно, воспоминания детства охватили его так же, как и Хлою, но если так, то мужчина обернулся нерешительным мальчиком, который почему-то боялся сам примкнуть к играм старших.

— Кристоф! — позвал его плюхавшийся в трех метрах от берега Джоф. — Хватит там торчать. Спускайся поплавай.

Кристоф как будто только и ждал приглашения, без которого почему-то не решался на такой шаг. Он скинул подаренную Хлоей мантию и в одном исподнем спустился к воде и зашел сразу по шею. Вода была по-весеннему холодной, но никого это не смутило и не остановило. Кристоф окунулся с головой, с фырканьем выпрыгнул, засмеялся дрожащими губами и начал брызгаться на Джофа, а Джоф в ответ рукой начал гнать волну, которая могла унести мага чуть ли не против течения. К ним подключился Балда, которого притянула игра двух возрастных детей. Хлоя слушала их игру, улыбалась и продолжала плыть и смотреть на причудливо меняющие форму облака: бесформенные туши отращивали

лапы и превращались в котов, которые, медленно вытягивая шею, становились драконами. Прекрасное чувство было атрибутом всего этого места и отражалось на всех, кто здесь бывал.

Когда сумерки сгустились уже не на шутку, все вылезли на берег. На берегу Кристоф помог всем подсушить одежду, а с Хлои все сошло как с гуся вода, — спасибо бытовой магии. Джоф нес кольчугу в руках, поддавшись уговорам Роджера оставить ее до утра в доме. Возможно, что это было рискованно, потому что, какой бы спокойной, прекрасной и безопасной не казалась обстановка, ошибка Джофа могла стоить жизни им всем. Но Роджер сказал, что беспокоиться нужно было чуть раньше, а сейчас не стоит вносить смуту, поскольку ни лошади, ни повозка им не доступны. Роджеру Джоф верил так, как никому другому. Они перешутивались до самого дома и уже по дороге увидели, что все дома начали освещаться, но не огнем свечей и ламп, а магическим светом, совсем как в городах. Возле бани уже старались банщики, они приветливо помахали руками гостям. В доме их встретил вернувшийся староста и спросил, пойдут ли они париться в баню. Все без лишних раздумий согласились. Джоф оставил кольчугу и секиру в своих покоях, но попросил Кристофа наложить на них временный магический замок, чтобы успокоить себя.

После бани собирались идти в центральную часть поселения, где планировались музыка и танцы, а также вино и легкие закуски. Хлоя взяла с собой все что нужно, чтобышний раз не возвращаться, и пошла вместе с Анной и ее матерью. Они вышли раньше, потому что идти им было дальше. По дороге к ним присоединились соседки, и у Хлои появилась возможность познакомиться с разговорчивыми жительницами поселения.

Уже возле дома старосты все заметили, что изгородь, ставни и некоторые части дома светятся ярким голубоватым свечением. Вся дорога был освещена светом изгородей, а вверху местами летали «светлячки». Хлое довелось увидеть поселение таким, каким его не видели ее спутники при свете дня. Два дня назад они въехали в уже спящее темное место, а утром уехали рано, поэтому сейчас для них было время новых открытий. Дома, изгороди, садовые деревья светились разноцветной магией так, как не освещались те города, которые они периодически посещали в своих странствиях. Даже ставший им родным город Товерн не светился так по вечерам — это было слишком затратное дело. Потому что магическая сила хоть и приобреталась одновременно, но требовала ресурсов мага на ее использование. Здесь же магии было столько, и владели ей, как они поняли, так много людей, что освещение поселения не требовало каких-то невероятных затрат: каждый отдавал освещению своего участка собственные силы.

Хлоя слушала болтовню женщин, которые о магии говорили, как о самых обыденных вещах, что в этом месте так и было. В ее родном пригороде магия была редким явлением, и до своего бегства в город Хлоя с ней практически не сталкивалась, зато слышала о ней много раз и всегда мечтала приобрести и научиться ею пользоваться. Она, как и Анна, не вступала в разговор, но часто переглядывалась с ней так, будто они давние подружки. И это странное чувство невидимого другим тайного притяжения сближало и радовало обеих девушек. Они пересекли освещенную, покрытую по периметру столами площадь, на которой планировалось торжество, и спустились к реке, освещая дорогу «светлячками».

— Неужели ради одного только нашего возвращения с этой, как сказал твой отец, легкой победой вы решили устроить такой праздник? — с сомнением вопрошала Хлоя.

— Нет, конечно, — засмеялась Анна. — Мы устраиваем здесь танцы с музыкой каждый банный день. А сейчас просто есть чуть более существенный повод для веселья.

Хлоя немного успокоилась. Ей не нравилась мысль, что им уделяют слишком много внимания, хотя они не сделали ничего особенного, — просто выполнили свою работу. Но сама мысль, что у людей праздник каждые три-четыре дня, вызывала у нее легкую зависть и желание, чтобы и в их городе тоже ввели такую традицию. И обязательно после бани — ей уже доводилось танцевать с мужчинами, которые не утруждали себя мытьем. Да, ей бы это все быстро приелось, потому что уже потихоньку начинало отпускать все это веселье, спокойствие и чувство безопасности с непривычки отдающее приторностью. Но, когда ты не в настроении, а где-то на площади веселье, то ты можешь просто не пойти и остаться дома и упиваться своей хандрой, но если вдруг ты в настроении веселиться, а в ближайшие месяцы никаких увеселительных мероприятий не предвидится, то тут уже ничего не поделаешь — хоть ты седлай лошадей и скачи три дня напролет в соседний городишко, где все веселятся по поводу рождения очередного наследника местного управителя. Поэтому с большего Хлоя радовалась за этих людей.

Балда сбегал на кузню забрать сапоги Джофа и свои, которые последний раз надевал месяц тому назад, когда шли дожди, а заодно и отыскал парадную куртку Джофа. Роджер сказал, что босиком их обоих на праздник не возьмет. Дорога в баню уже была освещена голубоватой магией на деревьях и желтыми и красными «светлячками». Все обратили внимание на быка, который так и не сдвинулся с места. Его рога в темноте начали светиться легким синим свечением, а на боках горели белые с голубым точки, словно звезды на черном небе. Выглядел он еще более впечатляюще, чем в прошлую их встречу возле пещеры. Староста сказал, что бык обозначает себя с несколькими целями: чтобы все проходящие поселенцы могли видеть, что он здесь и все хорошо, чтобы все люди и животные видели, что он здесь и не лезли к нему. Но все равно находятся некоторые любопытные, которые как мотыльки летят на его чарующий свет и натываются на обычно спокойный, но местами взрывной характер быка. Роджер, Кристоф и Балда подумали, что последнее — это про них. Даже Джофу, недавно познавшему всю радость взлета и падения, хотелось подойти поближе, чтобы полюбоваться этим чудом природы. Но староста, угадав их мысли, сказал, что подойти можно, но не слишком близко, и трогать быка не нужно, особенно за рога.

Баня была такой отменной, что Джоф после первого захода ощутил себя похudevшим на треть, поэтому далее сидел в бане до победного и выбегал лишь на минутку окунуться и подышать ночной свежестью. Когда начали хлестать друг друга вениками, он упросил Кристофа и Роджера пройти по нему как по заклятому врагу. Те сначала не соглашались, но долго их уговаривать не пришлось. Джоф напомнил им, как несколько раз подбивал Роджеру глаз, а Кристофа бывало незаслуженно задевал своими пьяными колкостями, так что это их шанс за все рассчитаться. Друзья согласились и отхлестали Джофа за все неприятности на пару лет вперед. Когда они устали, Джоф передал веники Балде и что-то шепнул ему на ухо. Балда не заставил себя ждать и обработал Джофа еще хлеще.

Кристоф заметил, что никогда не участвовавший в боях Балда ничуть не уступал мускулами Джофу, только жира на нем было гораздо меньше, а вот Роджер вообще поражал своим стройным, атлетическим, хоть и довольно жилистым телом. Кристоф и сам не был рохлей, все-таки кочевая жизнь давала свои результаты, несмотря на то, что оседлые зимы и старались все испортить, но до сложения Роджера ему было очень далеко.

Мужчины периодически заходили и выходили. Банщиком был знатный колдун, — камни раскалялись с завидной периодичностью и давали такой жар, что никто не мог высидеть и пяти минут. К концу бани о Джофе уже начали слагать легенды, но Кристоф

побаивался, что сердце здоровяка не железное и заходил проверить Джофа, говоря, что для первой такой бани может и достаточно.

— Если ты скажешь мне, когда у нас будет вторая такая баня, то я подумаю!

Но этого Кристоф не знал. В целом все остались довольны. Кристоф одевался быстрее всех, потому что накинуть портки и мантию было секундным делом. Роджер одевался дольше всех, застегивая всякие пуговицы и ремешки, которые у него были и на рукавах, и на штанах.

— Никак не возьму в толк, почему наш Кристоф так часто ходит с грустным лицом. Если бы я ходил дома, на рынок, на танцы и на охоту в одном и том же халате, с моего лица никогда бы не сходила улыбка блаженного, — заметил Роджер.

— Все люди разные, и у каждого своя судьба. А представь, что было бы, если бы мне приходилось носить все эти одежды на застежках, как у тебя? Я бы тогда вообще из уныния не выходил, — ответил Кристоф. А Роджер подумал, что самоирония помогает Кристофу намного больше, чем его легкая волшебная мантия.

Они вернулись в дом переодеться. Балда надел сапоги и уже хотел помочь Джофу, но тот сказал, что и сам справится, и действительно, согнулся почти пополам и надел сапоги. Вместо кольчуги Джоф надел свою парадную куртку и подпоясался так туго, что его было и не узнать. Балда тоже надел пояс, и если бы не его блуждающие по сторонам глаза, глуповатое выражение лица и постоянная сутулость, то он мог бы сойти за красавца. Кристоф и Роджер были одеты как обычно, потому что, несмотря на все свои замечания по поводу мантии мага, Роджер также в одном и том же ходил и дома, и на рынок, и на танцы, и на охоту.

Вместе со старостой и его сыновьями они пошли догонять остальных мужчин. Они разглядывали светящиеся легким магическим светом дома и деревья, которые незадолго до них успела рассмотреть Хлоя. Все выглядело так, будто самые настоящие светлячки летали в воздухе, словно созревшие магические одуванчики отпустили на волю ветра свои маленькие светящиеся семена. Они свернули и пошли на звуки приближающейся музыки и вскоре вышли на небольшую, но вместительную площадку, выложенную брусчаткой. Во время своей дневной прогулки Роджер с Кристофом прошли вдоль всего поселения, но за разговорами умудрились пропустить этот поворот.

На площадке их встретили Хлоя и Анна. Анна была в красивом, белом, со светящимися магическими узорами платье. Многие женщины и девушки тоже использовали в своих нарядах магию. Мужчины были в этом плане проще: они были одеты в более темные одежды, лишённые магического эффекта. Анна нашла для Хлои красивую верхнюю курточку и длинную, просторную, узорчатую белую юбку. И юбка, и куртка были красиво расшиты магической светящейся нитью. Волосы Хлои по-прежнему были распущены, но теперь в них были вплетены мерцающие ленты.

Хлоя приподняла юбку и с полуулыбкой покрутилась перед своими мужчинами, которые чуть не потеряли дар речи, но каждому хватило ума сказать ей приятный комплимент без лишней иронии. На площадке уже танцевали какой-то групповой танец, а стоявшие вокруг люди хлопали, смеялись и подпевали. За столами сидели люди в возрасте и те, кто сначала решил перекусить и выпить. Кто-то подходил и садился, кто-то вставал и шел на площадку. Квартет музыкантов из местных жителей: лютнист, флейтист, скрипач и мужчина с пузатым барабаном — играли знакомые всем бодрящие напевы, которые можно было услышать и в городе, и в пригороде и даже на перевалочных станциях. Музыканты и

барды всего средиземнолесогорья знали друг друга, пели свои и чужие песни, не забывая по правилам хорошего тона называть и прославлять авторов, зная, что когда-нибудь и они напишут что-то стоящее, и их песни будут кочевать из города в город, из поселения в поселение, прославляя своих творцов.

Староста пригласил их попробовать вина, которое готовили в поселении за рекой и которого они еще не пили. Он же предложил всем сесть и перекусить. Джоф отказался: после бани и без кольчуги он чувствовал себя легким, словно кузнечик, который при любом резком шаге мог оторваться от земли и взмыть вверх, и он не хотел, чтобы еда перебила это пусть и временное, но все равно прекрасное чувство. Впрочем, никто из его компании садиться не хотел. Все взяли по чаше с вином, наблюдали за танцами и вели бессмысленные и непринужденные беседы. Кристоф о чем-то шептался с Роджером, а Джоф периодически слал Хлое вновь придуманные комплименты, чем ее даже немного смущал.

После общего танца повели хоровод, в который Анна затащила и Хлою, и Роджера, и Балду. Кристофу пришлось отпустить уши Роджера и присесть на уши Джофа. Благо его хмельные речи были по большей части одобрительные и ненавязчивые.

Староста рассказал, что все танцы начинаются и заканчиваются обычно одинаково. В начале вечера все смущаются, будто пришли сюда впервые, кто-то садится поужинать, потому что дома не успел, кто-то — выпить вина и расслабить голову после трудового дня, поэтому музыканты сразу играют что-то более общее, вовлекая людей в хороводы и в непарные танцы, к которым может присоединиться любой желающий. Потом звучит несколько известных баллад, чтобы дать людям передохнуть и поразмыслить над подвигами, а уже потом начинаются настоящие танцы. Староста не сказал им ничего нового, потому что по этому плану были устроены все танцы во всех городах, и людей это устраивало, а те, кому это не нравилось, обычно сидели дома и нудили.

Через час-полтора музыканты заметили, что народ уже разогрелся, и тогда на импровизированную невысокую сцену на краю площади пригласили Анну, которая спела знаменитую любовную балладу о рыцаре-воине, спасающем от крылатого дракона принцессу древнего государства. Авторства у песни не было, но упоминали имя давно почившего барда, благодаря усилиям которого эта песня дошла до современных слушателей. Исполняемый красивым девичьим голосом монотонный речитатив постепенно становился более волнующим и набрал свою силу как раз к концу произведения. Песня и волшебный голос держали слушателей до самого конца и отпустили только с последним ударом в барабан. Все рукоплескали Анне, нахваливая ее голос. Музыкантам поднесли вина за прекрасное сопровождение. Анна всех поблагодарила и подошла к своим гостям и к отцу с братьями, которые пили за ее здоровье и талант.

Затем вышел подмастерье кузнеца и исполнил задорную песню об одном бродячем торговце, который путешествовал по свету и однажды зашел в дивные края, в которых было тепло и солнечно, цвели фруктовые сады, бежали горные реки и которые у него не было сил покинуть. Но герой все же покинул это место, нашел желающих пойти с ним и возвел в том месте прекрасный город, который рос не по дням, а по часам и стал крупнейшим и красивейшим городом своей эпохи и простоял тысячу лет до самой великой битвы, окончившейся великим магическим дождем. И с тех пор все правители ходят и ищут тот город, чтобы взять из останков его стен счастливый камень и положить в основу своего города, чтобы тот так же процветал и становился красивее и богаче день ото дня. Анна шепнула всей компании, что эта песня очень нравится ее отцу и старейшинам поселения,

только они не верит ни в какие волшебные камни, а считают, что все дело в волшебных людях — отнюдь не магах, а тех, кто отважен и честен, тех, чьи сердца чисты.

Кристоф поинтересовался у старосты, успеют ли починить их повозку, если подмастерье кузнеца поет, а остальные подмастерья и сам кузнец танцуют. Староста ответил, что потому они и собирались заняться повозкой ночью, чтобы не пропустить танцы. У подмастерьев есть подруги и своя жизнь, но пить им сегодня кузнец запретил. Так что не стоит переживать — к утру все будет сделано. Кристоф не представлял, как уставшие кузнецы будут работать ночью, но пересказал это Джофу. Тот предположил, что, возможно, не спать им поможет очередная магия.

— Ну что, есть еще желающие спеть балладу? — спросил лютнист. Но тишина была ему ответом. Баллады — это, конечно, хорошо, но так и до танцев дело не дойдет.

— Может, наши гости привезли нам какую-нибудь новую песню? — поинтересовался староста. — Кузнецы заметили у вас лютню в повозке.

— Это наша красавица Хлоя радует нас в дороге, чтобы мы совсем в тоску не впадали от монотонных переездов, — ответил Джоф и повернулся к девушке: — Хлоя? Не хочешь спеть им свою веселую дорожную? Или какую-нибудь из баллад, которым тебя барды в городах научили?

— Да все эти баллады старые, все их здесь знают. А дорожная наша — там только пара веселых куплетиков, это даже не песня вовсе. Да и за лютней идти надо, — Хлоя могла просто сказать «нет», но почему-то сказала очень много слов. И только Анна услышала настоящий ответ.

— Спой им... спой... — лицо Балды вдруг исказилось гримасой боли и страха. Он рылся в глубинах памяти в поисках слова, но потерялся.

— Успокойся, Балда, — Джоф хлопнул его по плечу. — Наша девочка не хочет петь.

Хлоя отвернулась и пошла к столу за вином. Но Анна успела заметить и эту неуверенность, и сомнение, будто прекрасное мгновение времени вдруг выскользнуло из пальцев судьбы, оставив лишь пыль разочарования. Анна подошла к Балде и коснулась его виска своими волшебными пальцами. Его лицо вдруг расслабилось, словно от озарения. Он обернулся к Хлое, которая уже налила вино и собиралась выпить.

— Хлоя! Спой им «Стрелу»! — Балда крикнул громче, чем хотел, но он просто боялся, что Хлоя не услышит. Джоф промолчал, заметив, что Хлоя поставила вино назад.

— Что за «Стрела»? В городе появилась новая баллада? — спросил один из музыкантов.

— Не помню в нашей программе такой песни! — воскликнул уже хорошо подвыпивший Кристоф. — Но я с удовольствием послушаю голос нашей прекрасной лучницы.

— Хлоя! Я тоже хочу услышать, — сказал Роджер. Он всегда знал, что нужно сказать.

Хлоя обернулась к ним и молча кивнула. Она подошла к музыкантам и минуты две-три объясняла лютнисту, какой мотив у ее песни, какие аккорды, какое вступление и как нужно играть куплеты и припевы, пояснила переходы и немного напела под его игру. Лютнист задал пару уточняющих вопросов и сказал, что все понял, и они могут попробовать. Хлоя стала чуть впереди музыкантов и ощутила на себе все взгляды сразу. Ей стало ужасно страшно от такого внимания неизвестных ей людей и захотелось убежать, но она вдруг поняла, что сейчас бегство со сцены будет позорным для нее самой, даже если никто другой ее не осудит и не попрекнет. Она старалась не смотреть на своих друзей, но все-таки нашла улыбчивое лицо Анны, — ее глаза успокоили Хлою добрым магическим светом. Хлоя повернулась к лютнисту и кивнула, он с добродушным от выпитого вина лицом начал играть

вступление. Хлоя откашлялась и по привычке чуть не сплюнула на землю, но вовремя спохватилась и проглотила слюну. Первые строки пошли с отступом.

Я не умею петь,
Я не умею пить. (знакомый смешок в толпе)
Я не боюсь сгореть.
Я не боюсь любить.
Я не могу заснуть.
Я выхожу во тьму.
Я все могу вернуть
К истоку своему.

Она посмотрела на лютниста, кивнула ему, что все хорошо, и он кивнул в ответ, что все хорошо. Дальше музыка ускорилаь.

На небе россыпь звезд,
Но вдалеке одна
Зовет меня к себе,
А вдруг я ей нужна?
Я поднимаю лук,
Кладу в него стрелу,
И легким взмахом рук
Спускаю тетиву.

Лютнист замолк и отпустил струну так, словно это была настоящая тетива.

Летí, стрелá, дава́й, летí, дава́й,
Напéрегонкí с вéтрóм.
Летí, стрелá, за кра́й, летí за кра́й
Прямó за самый кра́й свéта.
Нé отставай, нé отступай, нé опускай
Свои́ вéки.
Сча́стье пойма́й и нé отпуска́й
Его́ во вéки. Хмммм...

Весéлый смéх, боси́е но́жки мча́тся по́ травé.
То озорна́я де́вушка с искри́нкой в го́ловé.
Семья, мальчишки, игры и без счета добрых дней.
Чего же не хватило в этой славной жиизни ей?
Нельзя измерить цель ее монетой золотой,
Нельзя найти замену цели непонятной той.
Умеет танцевать она, смеяться, петь и пить.
Боится признаваться, но ведь не боится жить. (дзынь)
Лети, стрела, давай, лети, давай...

Здесь к лютнисту присоединились флейтист и скрипач, уже понявшие мелодию припева и решившие подыграть. Даже барабанщик несколько раз попал в такт.

Хлоя повторяла припев уже более уверенным голосом, и всю песню пропела в едином эмоциональном порыве, вложив в нее много душевных сил. Джоф отошел в сторону, чтобы никто не заметил его слез, которые непонятно отчего хлынули у него из глаз и которые он тайком вытер, но никому и дела не было до чего-то за пределами импровизированной сцены

и вдали от Хлои и ее песни. Кристоф свои пьяные слезы не скрывал, потому что сам не замечал, настолько он был поглощен и ошарашен душевной силой и голосом Хлои. Роджер и Балда с восторгом слушали: один впервые, другой — снова, но как будто в первый раз. Все присутствующие слушали с неподдельным интересом уже с первого припева, — это была такая песня, а, скорее, даже ее исполнение, подобного которому им еще слышать не доводилось. Но больше всех была поражена Анна: ее тело пронизывал такой душераздирающий трепет, что волосы ее начали светиться магическим светом, а лицо сияло от переживаний и восторга.

Когда песня закончилась, все заплодировали, и женщины начали подходить к Хлое поближе, чтобы прикоснуться к ее руке и сказать теплые слова, мужчины, как более скромные в таких делах, ограничились рукоплесканиями. Хлоя пробралась к своим, по дороге отвечая на благодарность благодарностью. Маленький квартет музыкантов был рад записать в свой репертуар еще одно произведение, хотя они еще не представляли, кто мог бы исполнить его подобным образом, но так или иначе они воспользовались образовавшимся перерывом, чтобы выпить по стаканчику вина, а заодно обсудить музыку и песню. Лютнист считал, что песня была очень удачной, а исполнительница достойна комплиментов и нежного ухаживания, но, взглянув на ее друзей, решил воздержаться от последнего. Хлоя стала маленькой звездой вечера. Она подошла к своим спутникам и начала говорить извиняющимся голосом.

— Вы уж простите. Наверное, я должна была сначала спеть ее вам, но я все не знала, как вы отнесетесь, может быть, даже боялась ваших шуточек, мы же всегда шутим друг с другом, а мне так не хотелось и... Вот Балда слышал один раз припев, еще зимой, но...

Джоф подошел и со всей своей нежностью обнял Хлою.

— Все замечательно! Теперь ты самый настоящий бард, и песня твоя превосходна. Что бы ни думали все остальные, а я никогда не слышал ничего подобного.

— Уверен, что такого чуда не исполняли последние три тысячи лет, — сказал Роджер и тоже обнял Хлою в свою очередь. Она поблагодарила за лестные отзывы, потому что сама не была уверена, что так хорошо получится исполнить. Она подошла к Кристофу и тоже обняла его, и он тоже сказал ей на ухо много теплых слов. Она нашла взглядом Балду и подошла к нему.

— Спасибо, что напомнил и заставил меня спеть. Не знаю, как ты вспомнил, но спасибо! Мне было очень хорошо, — и она прижала его к себе сильно, не боясь его недопонимания.

— Я не заставлял, просто песня красивая. Благодарю Анну: ее магия вытянула из меня название, — он аккуратно положил ладони на лопатки Хлои и был готов убрать руки, как только она отстранится. Хлоя отпустила его, а со сцены уже зазвучало что-то веселое и бойкое, и народ потянулся танцевать парами. Хлоя заметила подошедшую Анну. Анна ничего не сказала, а ей ничего и не нужно было говорить, все и так было написано на ее лице. Она взяла Хлою за руку и тихонько сказала «спасибо!», и Хлоя обняла ее и прижала к себе, как самое дорогое и бесценное, как сестру или как маму, она не могла сейчас объяснить.

— Идите танцевать, — позвала Анна, когда они разомкнули свои объятия. — Музыканты выпили вина, так что ближайший час-два будет очень весело.

Роджер не стал тупить больше, чем этого требовали приличия и пригласил Анну на танец, увлекая ее на площадку. Какая-то девушка подскочила к Балде и взяла его за руку, и

он, виновато поглядывая на Хлою, последовал за ней в середину танцующих.

— Ну что, здоровяк, тебе выпал шанс поплясать со звездой! — Хлоя со своей самой очаровательной улыбкой подошла к Джофу и Кристофу.

— К сожалению, я не такой неблагодарный, чтобы отдавить ножки той, кто заставил меня рыдать от радости. И этой детской площадки мне точно не хватит, чтобы разойтись, — отказал ей Джоф. — Но я с удовольствием полюбуюсь твоим танцем с Кристофом.

— С удовольствием!

Она подхватила Кристофа, который танцевать не собирался, но сопротивляться ей не мог.

Но долго Джофу стоять не пришлось. Одна бойкая женщина, не признающая возражений и отказов, вытянула Джофа в самый центр, подвинула всех по широкой окружности и начала с ним отплясывать. Сначала Джоф стеснялся и просто подергивал плечами в такт музыке, но женщине это не понравилось, и она посмотрела на Джофа таким взглядом, что земля под его ногами начала жечь ему пятки, и ему пришлось пуститься в пляс. К концу вечера все перетанцевали со всеми, и Джофу тоже посчастливилось покрутиться в танце с самой яркой звездочкой вечера.

К полуночи все вернулись домой. Хлоя уже легла, но неожиданно в дверь постучали. Это была Анна, которая попросила позволения войти на минутку. Хлоя не возражала, и девушка, присев на край постели, начала расспрашивать Хлою обо всем, что ей пришлось увидеть и пережить, о городах, о походах, о песнях... Прекрасная лучница была рада поговорить, у нее никогда раньше не было подруги, с которой вот так запросто можно было бы поболтать, и сейчас она заметила, что может говорить то, чего никогда бы не рассказала ни мальчишкам, ни мужчинам, ни даже родным матери с отцом. У Анны было похожее чувство. В поселении было много девушек, и Анна с ними довольно хорошо общалась, но вот этого ощущения, что перед тобой тот самый твой человек, которому ты хочешь все-все рассказать, у нее тоже раньше никогда не возникало. Возможно, что особенность статуса провидицы и вместе с тем дочери старосты сыграли в этом не последнюю роль. А сейчас все было иначе...

В момент, когда девушки еще только пытались привыкнуть друг к другу, а чувство неуверенности и неловкости мешало сближению, зазвучал храп Джофа, и они обе рассмеялись, и этот смех разрушил все мнимые преграды. Анна спросила, как они спят в походах под такой храп, и Хлоя рассказала ей про разные способы борьбы с этим рыком, чем еще больше рассмешила Анну.

Хлоя рассказывала о городах, о высоких стенах, башнях, плотной застройке домов, о трущобах, гостиницах, тавернах. Упомянула о борделях и притонах, вызвав смущение на лице подруги. Анна спросила, бывала ли там Хлоя, и та ответила, что ей доводилось забирать из притона одного человека, к которому у нее было срочное дело, ну и в бордель заходила по той же причине. Анна спросила, ходят ли в бордель ее друзья, имея в виду, разумеется, лишь одного человека. Хлоя уклончиво ответила, что в городе за ними не следит. Она тут же переключилась и сказала, что по качеству жизни все эти города не идут ни в какое сравнение с их прекрасным поселением.

Хлоя рассказала о стрельбе и немного о своем детстве, показала магию и рассказала, как ей пользуется, показала свой кинжал «кровопускатель». Хлоя говорила обо всем, даже не думая что-то скрывать. И Анна ответила ей тем же: рассказала свою историю, которая с чуть большими подробностями повторяла историю, рассказанную за столом ее отцом. Она

сказала, что тоже немножко играет на лютне, но больше поет.

Хлоя научила Анну своим бытовым магическим секретам: некоторые Анна знала, но что-то ее приятно удивило, и она подарила Хлое магическое кольцо со «светлячком», чтобы та могла освещать себе путь без лишних затрат энергии и возвращать свои стрелы, если те прошли мимо цели, легко находить их, если они где-то застрянут или потеряются в высокой траве. Хлоя не знала даже, как отблагодарить подругу за такой подарок, и Анна попросила разрешения петь ее песню на танцевальных вечерах. Эта просьба была лучше всех похвал, которые сегодня слышала Хлоя. Она сказала, что сейчас же сядет и запишет ей текст, но Анна остановила ее, потому что в этом не было никакой необходимости — она запомнила все: слова, интонацию и музыку.

За дверью раздался кашель матери Анны: девушкам намекали, что пора спать. Они сожалели, что так мало друг другу рассказали, так немногим поделились... Напоследок Анна спросила о Балде, чье имя показалось ей очень странным. Но Хлоя лишь пожала плечами с грустью во взгляде. Они пожелали друг другу сладких снов и расстались.

Все остальные по возвращении сразу заснули как убитые. Даже храп Джофа не смог никому помешать, разве что ранним пташкам, которые битый час надрывали свои маленькие горлышки в надежде перекричать его, но в итоге плюнули на этот беспредел и улетели петь свои серенады на другой конец поселения.

Утро выдалось прекрасным: все проснулись с приятными воспоминаниями о хорошо проведенном вечере.

Хлое всю ночь снилось продолжение вчерашних событий: ее выступления и разговора с Анной. Во сне они болтали и гуляли по самому яркому и красивому городу, как подружки детства, а в итоге вышли на городскую площадь, где проходили выступления бардов. Анна вышла на сцену и спела ее песню, а после к ней поднялась Хлоя и стала петь все новые и новые песни, но к утру от этих песен остались только невнятный лепет, перебор звенящих струн и ликующие возгласы толпы.

Хлоя счастливо рассмеялась своим наивным звездным сном и вышла из комнаты в прекрасном настроении. Когда она спустилась вниз, оказалось, что все уже поднялись, позавтракали и собрались, а во дворе стояла их отремонтированная повозка. Кристоф сказал ей, что уговорил остальных дать ей подольше отдохнуть, потому что вчера она потратила много эмоциональной энергии, но если она сейчас быстро позавтракает, то они еще смогут немного помедитировать перед отъездом. «Это вы еще не знаете, во сколько я легла», — подумала Хлоя и принялась за завтрак. В окно она заметила, что во дворе староста, Роджер и Джоф о чем-то договаривались.

— Если вы планируете провести в Разбойничьем Стане одну ночь, то вам нет смысла тащиться туда с повозкой. Этот город не самое безопасное место, чтобы оставлять там ценный магический груз. Обратное вы все равно будете проезжать недалеко от нас, так что можете оставить все вещи здесь на сохранение, заберете на обратном пути, — староста не уговаривал, а, скорее, предлагал очень удобный для них вариант. Он прервался, давая обдумать сказанное, окликнул кузнеца и отошел с ним в сторону.

— Хорошее предложение! — сказал Роджер Джофу, пока их не слышали. — Оставлять шкуры придется в любом случае, с собой не потаскаешь. А вероятность быть ограбленными в Разбойничьем Стане хоть и не сильно велика, но какая-никакая все-таки есть: магические монстры не бегают стадами, просто так во сне не умирают, и их шкуры на дороге не валяются, а значит, мы будем волноваться за свое добро и не сможем расслабиться и хорошо отдохнуть. И за сохранность вещей там еще придется доплатить. Думаю, мы можем довериться местному старосте.

— Хм. Предложение выглядит неплохим. Шкуры, конечно, не то, о чем я буду сильно плакать, если у кого-то хватит ума меня обворовать, но не ты ли всегда твердил мне, что никому нельзя доверять? — Джоф готов был согласиться, но хотел, чтобы его еще немножко поугваривали.

— Все верно, Джоф, никому нельзя доверять, — можешь мне поверить! — Роджер с улыбкой ввел смуту в беседу.

— Ты мне мозг хочешь сломать? — Джоф нахмурил брови. — Ладно, оставим все здесь, хоть и чувствую, что этот риск сбережет нам одни нервишки, но потреплет другие.

Староста оставил кузнеца и вернулся к беседе.

— Кузнец говорит, что ни одна из ваших лошадок не будет рада везти вас в полном облачении. Поэтому мы дадим вам одного нашего магического жеребца на замену. Он хоть и с норовом, но такому богатырю в самый раз

Эта новость приятно удивила и порадовала Джофа, который уже обдумывал, как весело

будет ему скакать на своей лошаденке.

— У нас в Разбойничьем Стане есть свои люди, у них вы и лошадей оставите и сможете заночевать, если захотите. Я дам вам провожатого, он отведет вас короткой горной дорогой, где ни повозка, ни телега не проедут, — доберетесь на целый день быстрее, возможно, прибудете сегодня еще до темноты.

Такие новости порадовали еще больше. С повозкой по обычной дороге до Разбойничьего стана ехать два дня. Они даже не знали, как благодарить старосту, если все будет так, как он сказал. Джоф не знал, стоит ли предлагать деньги (не обидеть бы!), но и оставаться в долгу тоже не хотел.

— Наш человек все равно должен ехать в город по делам, так что, если вас мучает совесть, просто заплатите на месте за уход за лошадьми. Ну а здесь за шкуру и за поручение мы с вами уже вроде как рассчитались. Мы вас приютили, а вы нас порадовали песней и хорошей компанией.

— Ох, еще скажите, что вы хорошо приготовили, а мы хорошо покушали!

Староста искренне рассмеялся доброй шутке, а Джоф протянул руку с монетами:

— Вот деньги за починку повозки и за приют, ничего сверх. Прошу вас принять! — Джоф не ждал возражений.

— Ну что же, не в наших правилах обижать гостей, возьму, если просите, только жене не говорите, — тихо сказал староста, прикрыв рот ладонью. — На обратном пути ждем вас, а пока попостимся, чтобы потом не теряться за столом и уважить дорогих гостей.

Теперь рассмеялись и Джоф, и Роджер. Джоф и Кристоф еще вечером после танцев лежали в спальне и недоумевали, почему им уделяют столько внимания, но Роджер с видом опытного в этих делах человека доходчиво им все разъяснил. Команду Джофа хорошо знали не только в ближайшей округе, но и гораздо дальше, а раз в городах и в самом Разбойничьем стане с ними водят дружбу, то и поселению это не повредит.

Хотя им самим казалось, что они ничего особенного и не делают: просто убивают себе монстров, которым совершенно случайно доставшаяся магия снесла крышу и наделила манией величия... Местные же видели в них победителей драконов, уже и легенды о них слагали. Потом провидица Анна что-то в них такое заметила, какую-то особую ауру, что добавило им некоторый вес в глазах старосты и старейшин поселения. Ну, а после того, как Хлоя им раскрыла свою душу и растревожила прекрасным голосом, все звезды для них сошлись. Слова Роджера звучали так просто и так логично, что могли заставить чувствовать себя недалекими даже умных и сведущих людей, но не Джофа и Кристофа. Они не стали разбираться в правдоподобности его доводов, сразу успокоились, перестали болтать и вскоре заснули, на что Роджер и рассчитывал.

Сейчас же, на рассвете, у Роджера самого появились вопросы. Правда, он не был уверен, будет ли уместно его любопытство.

— Хотите что-то узнать еще о нашем поселении? О его местоположении и безопасности? — староста сам начал разговор, прочитав вопросы на лице Роджера. — Спрашивайте, не стесняйтесь, ваше любопытство понятно. Нам скрывать нечего, мы довольно сильны и радушны, и хотим, чтобы люди знали, что вести с нами дела выгодней, чем враждовать. А ваши вопросы могут нам помочь увидеть слабые места, если они есть, и залатать их.

— А как вы продукты поставляете в Разбойничий Стан? По обычной дороге, с ночевкой в небезопасном лесу? — когда же еще и поговорить о таких вещах, как не перед самым

отъездом.

— Конечно, нет. Зачем людей тревожить, магические щиты в лесу ставить, охрану? Мы по речке сплавливаем все: сыры, мясо, хлеб, вино, шерсть. Есть у нас лодок с десятков и умелые гребцы. Если что другое закажут, тоже можем: вон кузница без передыха работает, наши ребята у городских заказы порой перебивают, если где тонкая работа нужна. Река здесь не судоходная, но для нашего поселения так даже лучше. Ну, и если на заре выехать, то к вечеру уже в городе будут. Назад против течения пустые лодки с помощью магии вернутся за то же время.

— Значит, со стороны реки вы открыты для Разбойничьего Стана? — не унимался Роджер.

— Река на пути к Разбойничьему Стану проходит через длинное ущелье, там и остановиться-то негде, кроме того, река пересекает три наших магических щита, и на самом дальнем мы уже будем знать, сколько людей и лодок хотят пройти вверх по течению. С другой стороны, со стороны холмов, где вы были, река также минует три наших щита. Щиты окружают поселение кольцами, так что нам всегда известно, кто, и откуда, и с благой ли целью к нам хочет прийти.

Роджер задумался.

— Вы говорили, что к вам приходила группа разбойников из Разбойничьего Стана. Значит, вы их впустили к себе сознательно?

— В то далекое время у нас был только один щит, но уже тогда мы могли перебить всех разбойников, не позволив им войти к нам. Но наша провидица, а, как вы уже поняли, это моя дочь, тогда совсем маленькая, сказала, что там есть и сомневающиеся, и нельзя всех мерять одной мерой. И мы пустили их к себе и говорили с ними, и те, кто согласился с нами и понял, как мы живем, тот ушел подобру или остался с нами жить, а остальные сами решили свою судьбу.

Вскоре Хлоя и Кристоф закончили свою медитацию и вышли к остальным, распрощались с хозяйкой и все вместе со старостой пошли к кузничным конюшням. Анна пошла их проводить. Балда уже запряг и вывел лошадей, проверил, все ли у них в порядке. Кузнец привел черного молодого жеребца, который был в холке выше остальных.

— Он меня не отправит в полет, как ваш бычок? — на всякий случай спросил Джоф.

— Нет. Магия этого коня только добавляет ему выносливости, но на силу никак не влияет, иначе он нам давно бы всю конюшню разнес, — уверил кузнец. — Если ваша кольчуга та самая, что я думаю, то вы в ней даже удара его копыт не почувствуете. Но, будем надеяться, что до такого не дойдет.

Конь прядал ушами, фыркал, громко выдыхая воздух, и мотал головой, но не мог вырваться из сильных рук кузнеца, который держал его под уздцы. Жеребец показывал свой характер пока к нему не подошел здоровяк Джоф. Животное внутренним чутьем определило, что подошедший человек не только выше, но и сильнее кузнеца, и, видимо, поэтому решило не искушать свою судьбу. Балда, не долго думая, быстро оседлал притихшего коня. Джоф лихо для своей комплекции запрыгнул в седло. Жеребец почувствовал, что его обманули, и сделал безуспешную попытку встать на дыбы, чтобы скинуть седока, но Джоф вспомнил былую удаль и удержался, немного придавив коню бока. Здоровяк проехался вперед и назад, еще минуту обождал, будут ли от жеребца новые выкрутасы, но конь больше не делал попыток высвободиться и стоял спокойно. Компаньоны и племянник Джофа тоже сели на своих лошадей.

— Ну, доброй вам дороги! — попрощался староста.

— Вы все не те, кем кажетесь! И очень скоро вы все это поймете! — сказала Анна, и тут же закрыла рот рукой, с трудом сдерживая смех. Староста только покачал головой.

— Это было предсказание? — спросил Роджер.

— Не слушайте ее, — ответил староста. — А то сейчас чего доброго начнете в себе копать. Что за девчонка, только людей в заблуждение вводит. Хорошо же предсказание — кому угодно подходит.

Анна заулыбалась совсем как маленькая и помахала всем обеими руками на прощанье. Проводник потрусил вперед, а за ним и остальные. Хлоя обернулась и еще раз помахала Анне.

— Она что, хотела сказать, что Роджер только притворяется стройным и красивым? — не удержался от колкости Кристоф.

— Нет, она имела в виду, что это ты притворяешься умным и смешным, — не растерявшись, ответил ему веселый Роджер.

— Скорее, вы оба притворяетесь едкими старикашками, но мы то все видели, как вы ходили по поселку парочкой и шептались обо всем на свете, — сказала Хлоя. Не успели они отъехать, как походное настроение вернулось в свое обычное русло. — И я не слышу ничего в сторону Джофа.

— Это бесполезно, — сейчас он притворяется глухим и целомудренным мыслителем, — тонко заметил Роджер.

Джоф же просто был сосредоточен на налаживании более прочной связи со своим жеребцом и поэтому не отвлекался.

Вскоре дорога начал уходить в гору, и до самого обеда они плавно, но ощутимо двигались вверх: то шли по узким тропкам между уходящими ввысь вершинами, то выходили на узкий серпантин. И все это время лошади шли друг за другом, места для двоих не было, и если бы какой-нибудь всадник повстречался им на пути, то кому-то пришлось бы двигаться задом до более широкого места, чтобы разъехаться. Но за все время пути им никто так и не повстречался. Не удивительно, что староста дал им проводника: без него они бы заблудились как слепые котята. С виду высокогорное пространство казалось совершенно открытым, и если осмотреться, то где-нибудь обязательно можно было увидеть дорожку или тропинку. Но эти мелькающие повсюду тропки лишь уменьшали бдительность и успокаивали наивного путника, а на самом деле — вводили в заблуждение.

Хлоя напевала что-то себе под нос, видно, сочиняя очередную песню на волне вчерашнего успеха. Джоф радовался уверенному бегу своей неутомимой лошади и свысока поглядывал на не слишком довольных лошадей своих путников. Кристоф наслаждался горным воздухом, Балда радовался извилистым тропам и бегу лошадей. А вот Роджер поглядывал на их проводника, боясь, как бы тот где случайно не свалился с серпантина, не попал под скатившийся с горы камень или не встретился лицом к лицу с горным зверем. Роджер когда-то давно много времени провел в горах и точно знал, что без проводника они здесь быстро заплутают и долго не протянут. Это были не такие уж большие и высокие горы, раз от поселения до города можно было добраться за день перехода, но без хорошего проводника, и тем более без лошадей они могли бы добираться и неделю, что было даже дольше, чем по дороге. Роджер вскоре погрузился в память о своем прошлом пребывании в горах и стал умиляться своему пустому беспокойству, потому что вспомнил, что переживать за проводника нужно было меньше всего.

Как только солнце оказалось в зените и начало нещадно жечь макушки, проводник увел их в сторону под наклонный камень, в прохладную спасительную тень. Все уже отвыкли от такого зноя, потому что чаще всего их дорога проходила через добротные высокие леса, которые даже в самый солнцепек давали живительную прохладу. Староста снабдил их хорошим обедом и флягами с водой, так что все быстро восстановили свои силы. Проводник предложил показать им место, откуда хорошо просматривалось поселение, и вся его долина. Все пошли за ним, чтобы посмотреть на этот пейзаж.

— Лучшего расположения и не придумаешь, — сказал Джоф, и все с ним согласились.

Вся долина, от самого селения до виноградников, до которых они так и не дошли, расположилась в кольце невысоких, но широких и густых гор. Горы ближе к поселению были более скалистыми и острыми, а чуть дальше — округлыми и покрытыми зеленью, поэтому староста и называл их холмами. Выход из этого кольца был только возле самого поселения, так что всем жителям виноградников, если бы они захотели посетить город, пришлось бы сначала пройти мимо дома старосты. Хотя, скорее всего, и у них там были более прямые ходы, о которых Джофу и его спутникам не рассказывали. Далеко внизу голубой лентой петляла река и уходила в ущелье, значит, она была где-то рядом. Проводник сказал, что до ущелья здесь с час езды, но не стоит тратить время: они и так придут в Разбойничий Стан не раньше полуночи.

Он достал подзорную трубу и предложил желающим посмотреть. Он объяснил, что, аккуратно оттягивая трубку, можно увеличить дальность обзора, а повернув край, — стабилизировать изображение даже в дрожащих руках, четкость же подстроится сама.

С таким чудом инженерной и магической мысли все столкнулись впервые. Они слышали про стеклянные подзорные трубы, но у тех была ограниченная дальность, и без устойчивого штатива четкость оставляла желать лучшего. Здесь же, кроме необычных стеклянных линз, была еще и плотная воздушная среда, которая, благодаря магии, сжималась и разжималась в разы сильнее, чем при обычном вытягивании составных частей. Для уплотнения воздух дополнительно втягивался снаружи и так же свободно покидал трубу, но без магии такого эффекта достичь было бы невозможно. Хлоя взяла трубу и быстро нашла дом старосты: он с домочадцами сейчас как раз обедал во дворе. Растянув трубу, она смогла найти пещеру, возле которой они поймали ящера, и Джофа, и даже увидела дальние дома возле виноградников. Труба пошла по рукам, и все успели посмотреть в нее и подивиться.

Роджер сказал, что им не помешало бы приобрести такую игрушку. Проводник ответил, что вещь не дешевая, делалась их магами на заказ, и ждать изготовления придется долго. Саму трубу можно взять почти любую — дорогим будет ее магическое усовершенствование. Его спросили, не опасно ли брать такую вещь в город разбойников: там ведь всегда найдется кому позариться на хороший артефакт. Проводник уверил, что в их долине такие вещицы есть еще в селении и на виноградниках, а на случай, если его захотят ограбить, то он легко превратит артефакт в обычную трубу, — магия-то своя, распознает своих и чужих при необходимости. Последние его слова были не совсем понятны, но явно указывали, что есть способ обезопасить попадание дорогого артефакта в чужие руки.

Джоф спросил, можно ли смотреть в нее ночью, как днем, и видно ли женскую баню из мужской. Хлоя тут же высказалась о мыслях Джофа и о самом Джофе в очень грубых выражениях, добавив, что вчера вечером он ей нравился куда больше. Проводник усмехнулся и ответил, что до таких экспериментов у них в поселении еще никто не додумался.

После обеда они двинулись дальше и до самого Разбойничьего Стана сделали лишь одну

небольшую остановку, чтобы размять кости и напиться воды. После обеда Хлоя, Джоф и Балда поехали сзади, пропустив любопытных ближе к проводнику, которого маг после рассказа о подозрительной трубе начал спрашивать о разных разностях. Кристоф заметил, что они недавно пересекли магическое поле города. Проводник подтвердил и добавил, что маг почувствовал только ближайшее поле. Остальные два, которые они пересекли раньше, такие же, как и вокруг селения, в одиночку и без дополнительных магических приспособлений не каждый маг был способен заметить. Дальние магические поля поселения и города располагались как раз недалеко от места, где они обедали. Эти искусственно созданные поля вызвали разного рода аномалии, и порой там можно было встретить чувствительных к магии зверей. Это, скорее, было редким исключением, потому как, понежившись в этой притягательной зоне, животные покидали ее: жить в этой, практически лишенной растительности скалистой местности было невозможно, а одной магией сыт не будешь.

Кристоф добавил, что, когда они раньше посещали Разбойничий Стан, он не заметил вообще ни одного поля, и радостно предположил, что, возможно, его магические навыки приобрели с тех пор повышенную чуткость. Но проводник охладил его радость, объяснив, что по главной дороге, ведущей в замок, ходит так много людей и ходят они так часто, что следы магии от каждого носителя наводят сильные шумы на всех проходящих магов, и из-за этих шумов они совершенно не замечают магические поля. Самим же полям, которые, кстати говоря, всегда двойные, все эти помехи не мешают, потому как они фиксируют магию лишь в точках пересечения. Благодаря своему двойному слою, поле позволяет фиксировать скорость его пересечения, то есть дает возможность примерно рассчитать время прибытия в город, считая, что зафиксированная скорость средняя. В поселении такие поля появились раньше всего, а Разбойничий Стан позаимствовал идею, так как старается не отставать в развитии магических инноваций. Кристоф удивился таким интересным особенностям, потому что его родной Товерн окружало всего два одиночных поля. Он вкратце пересказал разговор едущему позади Роджеру, который сделал одобрительную гримасу.

Ближе к вечеру перед ними открылся вид на Разбойничий стан. Это был обыкновенный замкового типа город, заключенный в высокие каменные стены с башнями. Сколько Джоф себя помнил, управителем этого города был король, канцлер, его величество, его высочество, достопочтимый и неподражаемый, великодушный и щедрый, бесстрашный воин, маг и волшебник Соларус. Нет, он не страдал манией величия, просто все эти эпитеты в разных комбинациях компания Джофа слышала в тавернах, гостиницах, пабах, борделях, оружейных, кузнях, лавках и рынках разных городов, пригородов, селах и перевалочных станциях. Соларус правил очень долго, не то что правители всяких там Мальдуков, но и на публике он не светился, так как все городские праздники проводились без лишнего пафоса и церемоний, как-то более простонародно. Поэтому и официального статуса Соларуса никто не знал, а его самого простые люди видели очень редко. Иногда Соларус выезжал в другие города на разного рода собрания глав городов, но там его объявляли просто как управителя города Соларсбурга. Ходили слухи, что название городу дали не в честь Соларуса, а чтобы не выделяться на общем фоне и не вызывать осуждения и лишних воинственных мыслей у правителей других городов.

Раз лет в тридцать официально сообщали, что правитель Соларсбурга, какой-нибудь Соларус IV, серьезно заболел, а через месяц добавляли, что управитель умер, и теперь новым управителем города стал Соларус V. Только в эти редкие дни всем доводилось услышать,

какой номер у того Соларуса, который управляет городом.

Законы в Соларсбурге были странные, условные и могли трактоваться по-разному, поэтому у всех желающих обойти эти законы часто случались проблемы. Все остальные, кто смог приспособиться к тому, что не нужно пытаться обмануть управителя, чувствовали себя довольно комфортно. Несмотря на простонародное название Разбойничий Стан и на то, что все, кто был вне закона в других городах, здесь могли жить спокойно, в городе было довольно безопасно. Это гарантировал сам управитель. Воровство и убийство были вне закона и карались даже жестче, чем в других городах. Такая политика была одобряема остальными городами, и они закрывали глаза на то, что некоторые их преступники сбегали в Соларсбург. Для этих людей, обреченных на казнь или заточение в других городах, Соларсбург был своеобразной тюрьмой, за пределами которой если их кто узнавал, то мог вздернуть на первом же дереве, и никто из Соларсбурга не стал бы этим возмущаться. Эта система давала свободу и второй шанс тем, кому в других местах никакого шанса уже никто бы не дал, но за эту свободу нужно было платить принятием и соблюдением всем местных гласных и негласных законов, а также налогами. Третьего шанса уже никто не давал. Далеко не все понимали, зачем Соларусу нужен этот сброд, пока не попадали в город и не видели, что он в общем-то живет и не бедствует: бывшие преступники и разбойники научились уживаться друг с другом, вести торговлю, производить товары и услуги. Многие жители были навсегда привязаны к Соларсбургу, если, конечно, не хотели закончить жизнь, показывая направление ветра за пределами города. Для любого человека за пределами этой системы все это выглядело парадоксально, но если во всем разобраться, то никакого парадокса не было.

Уже в темноте при рассеянном свете «светлячка» они аккуратно спустились на равнину недалеко от замка. Хлоя осваивалась со своей новой игрушкой, подарком Анны. Она сразу заметила удивительную особенность «светлячка» менять виды освещенности: он мог выступать как в роли точечного яркого источника света, чтобы подавать сигналы, так и служить подобием фонаря, излучая направленный и рассеянный свет. Возле замка ходили караулы и была выставлена некоторая охрана, но никто даже не обратил на путников внимания. Проводник рассказал то, что они уже узнали, когда бывали здесь раньше: все их передвижения были известны по сигналам магических полей, и если никакой опасности в путниках не видели, то охрану просто уведомяли, кто, откуда и с какой магией идет в город.

Они въехали в Соларсбург через одни-единственные главные ворота. Их называли главными, потому что были и другие входы-выходы, но не для всех. И даже лодки из поселения причаливали на отдаленной пристани, и поселенцы уже телегами ввозили товары через главные ворота. Город был освещен почти так же, как поселение, и это бросалось в глаза. Все заметили разницу: в прошлый их приезд год назад освещения было хоть и много, но оно было похуже, а нынче многие магические фонари были заменены современными и уже известными им «светлячками», которых раньше здесь не было. Видно, здесь в последнее время бытовой магический прогресс набирал свои обороты. К слову сказать, хорошо освещенные улицы были еще одним гарантом безопасности, так как даже самые отпетые злоумышленники боялись совершать свои злодеяния при ярком свете. А магические фонари — это не масляные, их просто так не погасишь, а если и умудришься, то хозяин магии сразу это почувствует, и к тебе придут с вопросами, которые будут задавать без слов.

Они сразу свернули за проводником в боковую улицу и долго ехали не сворачивая. На улице, как и везде, было светло и довольно много людей. Разбойничий Стан вообще никогда

не спал. Очень много путников были здесь проездом: кто-то приезжал покутить на ночь, чтобы, отоспавшись к обеду, снова двинуться в путь, а кто и просто заезжал на ночевку. Некоторые люди, выросшие среди ужасных слухов и сплетен, и ночевать-то в разбойничьем городе не хотели, думая, что на перевалочных станциях или в лесах вокруг замка безопаснее.

Всем приезжим было несподручно ждать открытия лавок до утра, а некоторых и до обеда, поэтому под них и подстраивались содержатели лавок, таверн, пабов и борделей. Даже рынки умудрялись работать ночью, выставляя не всегда свежие овощи и фрукты в магическом свете так аппетитно, как самые свежие не выглядели днем при свете солнечном. Хоть город и называли неспящим, но подавляющее большинство жителей и приезжих отсыпались с утра и до обеда. Расчет был простой: раньше обеда от ближайшей перевалочной станции до города не добраться, конечно, это с учетом того, что нормальный человек в путь отправится утром после завтрака. А если он не совсем нормальный и готов скакать по лесу ночью, то, если он доберется до города живым, ему придется немного подождать, пока все остальные нормальные люди отоспятся.

Вскоре они заехали на территорию добротного двухэтажного дома. В городе все дома стояли плотненько друг к другу и ни о каком дополнительном участке жители и мечтать не могли. Однако у этого дома был свой небольшой участок, где размещались несколько телег и небольшая конюшня.

— Можете считать, что это посольство поселения в Соларсбурге, — сказал им проводник, помогая заводить лошадей в стойла.

— Значит и в поселении есть посольство Соларсбурга? — спросил Джоф.

— Вроде бы и есть, но только все послы от города обосновались в поселении, обзавелись семьями и живут у нас как свои. Как только Соларус с опозданием понял, что все его послы пустили корни в поселении и начали ратовать за позиции поселения, сначала он так разгневался, что хотел их казнить, но, немного успокоившись и не желая вступать в противостояние, которое ему не по силам, просто отказался от них, закрыл свое посольство в поселении и отрекся от него. Он мог бы разогнать и наше посольство в своем городе, но основная функция посольства оказалась не столько политической, сколько экономической. Без нас ему пришлось бы самому заниматься вывозом наших товаров через леса, потому что давать ему дорогу через реку мы бы не стали из соображений безопасности, не столько нашей, сколько безопасности перемещения товаров, так как у города нет ни лодок, ни умелых гребцов. Вывоз же товаров через лес предполагает содержание целого отряда рабочих и охраны. С одной стороны, можно было сказать, что это наша маленькая победа. Но с другой, — это и мудрость Соларуса, который мог бы из вредности вставить палки в колеса и нам, и себе, но не стал этого делать.

— А как же эта история, когда Разбойничий Стан направил в ваше поселение разбойников с целью захвата? — спросил Роджер.

— Ну, здесь мнения расходятся. Староста рассказал вам очевидную и бросающуюся в глаза версию. Но если смотреть на это с другой стороны, то никаких доказательств того, что разбойников послал Соларус, нет. Соларсбург открытый город, здесь люди встречаются, общаются, торгуют, заключают сделки и набирают охотников и воинов в свои отряды. И если кто-то сам по себе собрал группу и решил позариться на поселение, то управляющий города за то не в ответе. Уверен, что если бы кто-то вернулся из того похода в Соларсбург, а наш староста уведомил бы Соларуса о случившемся, то всех вернувшихся могли бы вздернуть в знак доброй воли управителя и ради поддержания хороших отношений. Ведь никаких

претензий к поселению Соларус не выставил: он даже вида не подал, что знает о произошедшем.

— Вы так хорошо осведомлены об отношениях поселения и города. Неужели у вас обучают всему этому с малолетства? — полюбопытствовал Кристоф.

— Если вы про историю, то и здесь, и у нас детям рассказывают и общую историю, и ближайшую, и историю магии тоже. Но новейшая история, как вы понимаете, у нас и в городе отличается. Ну, а я сам некогда жил в Разбойничьем Стане и по глупости был в том злосчастном походе. Но все для меня закончилось счастливо, хвала небесам и тогда еще совсем маленькой дочери старосты, которая увидела во мне то, чего я и сам не мог в себе разглядеть... Поселение стало мне родным домом. И сейчас я даже не могу представить, как можно жить в городе: он ведь совсем не предназначен для жизни. Дома насаждают друг на друга, людей много, зелени мало, а дышать свежим воздухом могут себе позволить только те, кто живет наверху в башнях, но таких счастливчиков очень немного. Но Разбойничий Стан так до конца и не отпустил меня, и люблю я его закоулки и таверны... Вот и нашлась для меня подходящая работа, от которой и мне хорошо, и поселению польза.

— Что-то я не помню детей в поселении, ни на танцах, ни в бане, — заметила Хлоя. — Если не считать довольно взрослых детей старосты.

— У малых детей днем школа на другом краю поселения, там и обучаются: и ведению хозяйства, и физическому воспитанию, и разные знания необходимые приобретают — и магические, и другие, в жизни незаменимые. По вечерам малых спать кладут рано под присмотром стариков, чтобы высыпались и сил набирались, на танцы их не берут, песен они и в школе наслушаются. И мыться они отдельно ходят, баня малым не в пользу будет, так что они с няньками в другие дни плескаются. Вообще странно, что вы их не видели: я как ни пойду днем домой обедать, так чуть не на каждом втором шаге какого-нибудь малого пну и не замечу.

— Мы после обеда гулять ходили, возможно, поэтому так никого и не пнули, — заметил Роджер.

Все в очередной раз подивились этому разговору с проводником, так как за пределами поселения узнали о нем больше, чем из разговора со старостой. Проводник, имя которого, как и имя старосты, так никто и не спросил, предложил им поужинать в доме и отдохнуть с дороги. Правда, комната для гостей была только одна, но им, кажется, не привыкать.

За легким ужином из свежих сельских продуктов обсудили планы дальнейших действий. Кристоф предложил использовать время рационально, то есть лечь спать, когда спать будет весь Разбойничий Стан. И раз сейчас поздний вечер, а лавка магических артефактов, которую Роджер всегда называл лавкой бесполезного магического барахла, закроется утром, то до утра им нужно ее посетить и посмотреть представление, на котором Джоф будет выбивать из хитрого, но уважаемого спекулянта возмещение ущерба за свою порванную кольчугу. Потом до обеда можно будет поспать и затем сходить в их любимый кабачок, единственный во всей округе, где было вкусно и уютно, хоть и дорого, а выпивка была просто отменная. Ну, а дальше можно будет возвращаться: собственно, никаких других дел, кроме кольчуги и гулянки, у них здесь нет.

Все сочли этот план довольно разумным. Хлоя сказала, что обязательно пойдет в лавочку с ними: ей нужно присмотреть какой-нибудь ответный подарок для Анны, но прямо сейчас ей нужно срочно поспать часика два, поэтому все могут поиграть в шахматы или почитать, а часа в два ночи можно сходить. Никто не рвался с дороги бежать к баракольщику

на спектакль Джофа, поэтому решили посидеть у камина и почитать — в гостиной как раз оказалась винная книга всех заведений Соларсбурга. Роджер отыскал какого-то мальчугана и отправил его в «Синюю Лошадь» сказать хозяину, что завтра обедать придет Джоф с друзьями, так что пусть зарезервирует их столик и достанет специальный дубовый стул для Джофа, и пусть спросит, что там есть нового в меню.

Не сказать, что они знали все кабаки в городе и могли сравнивать, но когда они в первый раз после борделя зашли в находящийся напротив «Бард-Эль», то все остальные кабаки сразу перешли в разряд рыгаловок. Потом они рассказали об этом месте Хлое, которая, естественно, с ними в тот раз не ходила, и сильно расхвалили кухню, эль и вина. Когда она спросила, как называется кабак, где находится и как они его нашли, никто не смог ответить ничего внятного, потому что не всем пристало думать наперед.

Пришлось в следующий раз просто отвести ее туда, чтобы избежать неловких разговоров, как мужчины в ее окружении всегда и поступали. Хлоя все поняла на месте и пошутила что-то вроде «девочки налево, мальчики направо», но ей пошутили в ответ, что в бордель ее не пустят, потому что как у клиента у нее нет необходимого инструментария, а красивых туда работать не берут. Поэтому пришлось наслаждаться музыкой и выпивкой.

Название «Бард-Эль» всем бардам резало ухо своей примитивной и пошлой игрой слов, что сказывалось на качестве исполнения. А когда у некоторых клиентов дома случились конфузы из-за схожести названий соседствующих заведений, то стало ясно, что одному из них придется менять название. Бордель был единственным уважаемым борделем в городе, поэтому и назывался просто бордель, без лишних эпитетов и вычурных названий. Его никто переименовать не позволил, так как название и значение было описано еще в древних магических книгах в разделах о расслаблении и медитации. Поэтому переименовали кабак, и дали уникальное, но вместе с тем простое и запоминающееся название «Синяя лошадь». Хозяин даже придумал одноименный коктейль, который заказывали обычно в конце пьянки, либо приносили бесплатно тем, кто уже не мог сформулировать свой заказ. Говорили, что к тому, кто выпивал коктейль, подходила синяя лошадь, клала копыто на плечо и говорила человеческим голосом: «Мужик, тебе уже хватит». После этого коктейля посетитель резко собирался домой и выходил из бара, как будто всадник, из-под которого украли лошадь. В общем, веселья посетителям кабака хватало.

Через три часа захмелевшие от долгого отдыха читатели разбудили Хлою и все вместе отправились в магическую лавку. Располагалась она не в самом людном месте, потому что, в отличие от кабаков, таверн и борделя, не являлась местом паломничества. Лавка нашла свой уют в тихом удаленном районе, где ее хозяин давно и долго наращивал свой капитал, перепродавая то, что ему приносили искатели магии и артефактов, не способные самостоятельно определить ценность той или иной вещицы. Ту же уникальную кольчугу Джофа старик торговец сумел приобрести задешево, сказав притащившим ее простакам, что она просто отличная, но совсем не магическая. А между тем хитрый торговец Хаман разглядел в кольчуге тонкую магию, проявляющуюся только при попытке разорвать металлические кольца. Эту магию не мог увидеть даже Кристоф, но, так или иначе, встречи с синим рогом быка кольчуга не выдержала.

Лавка эта была известна и за пределами города, и приезжали в нее целенаправленно: кто-то искал магическое оружие, кто-то — магическую защиту, кто-то не знал толком, чего он хочет, и радовался возможности выбрать что-нибудь необычное из широкого ассортимента товаров, а кто-то просто присматривал себе магические сувениры. Были и те,

кто точно знал, что им нужно, но хотел сэкономить время и даже выиграть в цене. Частный заказ вещей у кузнецов и ювелиров, с последующим их улучшением у магов, был очень дорогим и предполагал недели, а то и месяцы ожидания. Для магического улучшения вещи магу нужно было обучаться отдельно, и необходимо было соответствующее оборудование и помещение. Поэтому странствующий маг Кристоф никак не мог помочь своим компаньонам, а лавочник пользовался людскими амбициями и их нетерпением.

Магическая оружейная лавка не имела никакой охраны. Безопасность ей обеспечивали суровые законы Соларсбурга и сам хозяин лавки, старый и опытный маг. Ходили слухи, что его пытались обокрасть один лишь раз: какие-то два бугая присмотрели себе мечи и топорики, и, уходя, бросили со смешком, что расплатятся в следующий раз. Никакого следующего раза, конечно же, не было, так как далеко они не ушли. Воры предпочли бы сдаться и сесть в тюрьму, если бы знали, что хозяин не любитель оставлять такие дела на суд города. По словам очевидцев, бугаи вдруг начали драку друг с другом — один набросился на другого с мечом, а тот в ответ — с топором. И кромсали они один другого так долго, что только после того, как у одного снесло голову, зеваки поняли, что рубятся уже два абсолютно мертвых тела. Все это считали местной легендой и детской страшилкой, но эта страшилка быстро облетела всю округу, и с тех пор большинство покупателей заходили в лавку, как в некий магический храм, и не забывали уважительно и демонстративно приветствовать его хозяина.

Но Джоф был не из этой лебезящей гвардии. Он приходил покупать дорогую вещь за приемлемую цену, а не принимать снисхождение от великого мага и известного спекулянта, и сейчас он пришел спрашивать за слова, которыми старик-ловкач уверял его в несокрушимости его кольчуги перед магическими заклинаниями. Свою секиру, с которой он старался не расставаться даже в городе, он повесил на свободный от товаров крючок у входа, чтобы она не слишком смущала старика и не мешала их деловой беседе.

Роджер, Кристоф и Балда никакого оружия не носили, если не считать за оружие магию Кристофа и пращу Роджера. Хлоя в городе лук с собой не таскала, так как в тесных городских переулочках смысла в нем не было, и в случае какой опасности от небольшого незаметного кинжала было больше проку. В одиночку гулять с луком в толпе народа было не удобно и рискованно: луком можно было зацепиться за что-нибудь или кого-нибудь, потом долго извиняться, не дай небо порвать тетиву или обнаружить, что у тебя украли пару хороших стрел. Когда же они ходили вместе и впереди шел Джоф со своей секирой в здоровенных ручищах, то мудрая толпа сама их обтекала, потому что Джоф, когда что-то хотел сказать, мог без задней мысли жестикулировать, забывая, что держит в них оружие.

— Кого я вижу! — воскликнул торговец с притворной улыбкой, вызванной скорее намечающейся сделкой, нежели радостью от встречи со старыми знакомыми. — Знаменитая команда Джофа вместе со своим несокрушимым предводителем. Рады видеть вас снова живыми и здоровыми в нашей скромной лавке. Так и думали, что вы оцените качество наших товаров и снова захотите что-нибудь приобрести.

Так как никто не собирался уточнять, что это было: мания величия или раздвоение личности, то Хаман продолжил, и стандартный, чуть видоизмененный под ситуацию набор слов начал обдавать путников непрерывным потоком, в котором проскальзывали названия новых поступлений с уникальными свойствами, которых не встретишь ни в одном уголке всего средиземнолесогорья, да еще и по таким смехотворным ценам.

— Здорово, Хаман, — Джоф безразлично зевнул, и, пока Хаман нахваливал все, что давно залежалось, сделал вид, что разглядывает висящие по стенам и свисающие над головой блестящие секиры, мечи, кинжалы, топоры и прочее странного вида колюще-режущее оружие, название которого его никогда не интересовало, а также разнообразные щиты,

балахоны, кольчуги и доспехи, в которых в магическом мире хорошо только запекаться до хрустящей корочки. Джоф никуда не торопился, — он давал Хаману время выговориться и подготовиться к душевному разговору. Сейчас перебивать уважаемого мага было бы верхом невежества. И как только Хаман наконец-то решил спросить, чем он может быть полезен, Джоф, продолжая разглядывать товары на стенах, повернулся к старику левым боком, поднял руку и начал чесывать затылок будто в раздумьях: что бы это ему такое выбрать.

Хаман сразу же увидел разрез в кольчуге и магический налет на целых кольцах, и сразу как-то немного побледнел. Джоф загляделся на какой-то красивый двуручный меч и даже присвистнул.

— Отличная вещица даже без магии. Какие, интересно, у нее магические свойства?

Старик Хаман уже понял, что ничего покупать Джоф не собирается, но какая-то его внутренняя маленькая хитрая частичка все еще пыталась это отрицать, и некоторая надежда все-таки теплилась в сердце старика.

— О, этот уникальный меч наносит ожоги при соприкосновении с кожей, а при свете солнца может ослепить противника. Плюс ко всему он притягивает удачу и с ним можно получить хорошую скидку в ночлежках и тавернах, — отчеканил выдуманную заранее характеристику Хаман.

— То есть этот меч прижигает раны, которые наносит, сверкает на солнце, как и любой другой меч, и если им угрожать хозяину таверны, то можно получить скидку? Я все правильно понял? — спросил Роджер. Он стоял рядом с Хлоей у витрины с магическими кольцами, амулетами и наручами.

— Ты все верно понял, Роджер. Тебе же сказали, что меч уникальный, — ответил за Хамана Джоф. — Кстати, уважаемый маг, вы не подскажете, почему у вас в лавке так холодно? Что-то мне в бок сильно дует. Сквозняка вроде бы нет, да и на улице тепло. Ничего не понимаю.

— Чего ты хочешь, Джоф? — Хаман отпустил последнюю надежду и спросил напрямик.

— Я? Хочу? Да что я могу хотеть? — удивленно произнес Джоф довольно спокойным тоном, который сразу же перешел в агрессивный. — Разве только чтобы люди начали отвечать за свои слова и поступки!

Джоф хотел стукнуть кулаком по деревянному прилавку, но вовремя остановился, чтобы ничего не сломать и не превращать разговор в нечто большее. Он, как ему казалось, аккуратно опустил кулак на прилавок, но этого хватило, чтобы витрины задрожали. Хаман сделал вид, что ничего не заметил.

— Видимо, твою кольчугу разорвало очень сильной магией, которой люди еще не научились управлять. В моей лавке нет такого магического оружия, которое могло бы навредить этой кольчуге. Думаю, ты столкнулся с неким животным, влезшим в магические залежи и сумевшим адаптироваться. Я обещал, что кольчуга выдержит магию, но я имел в виду магию, которой способны управлять маги, — Хаман, как ему казалось, очень логично оправдывался. Увидев, что Джоф его внимательно слушает, и решив, что тот согласен с его доводами, он продолжил более уверенно. — Но даже несмотря на это, я готов взять твою кольчугу в починку. Если ты ее оставишь месяца на два, то мои знакомые кузнецы ее отремонтируют, а я лично восстановлю ее магические свойства, хотя это принесет мне одни убытки и ударит по моему карману.

Хлоя меряла перед зеркалом какой-то амулетик. Кристоф щупал одну из мантий,

сравнивая ее со своей. Балда искал глазами сбрую для лошадей или какие волшебные подковы, а Роджер просто ждал, когда они свалят с этой барахолки, в которой он в очередной раз думал найти что-то особенное, но снова безуспешно. Кристоф не понимал, как Роджер может что-то выбрать, если даже он сам не видит всех свойств предметов и амулетов, поэтому думал, что Роджер ищет надежную пращу, которую не придется менять каждый месяц. Джоф больше не улыбался.

— Ну, действительно, кто бы мог подумать, что охотник на монстров покупает кольчугу, чтобы защитить себя от монстров! Все же покупают броню для пьяных драк в трактирах. И ты предлагаешь мне отдать тебе дорогую кольчугу в починку и на два месяца остаться в моей старой ржавой броне, при этом зная, что я здесь проездом и следующий раз буду очень нескоро? Или, может быть, у тебя есть еще одна такая уникальная кольчуга на подмену, пока будут чинить мою, или даже что-нибудь лучше? — несмотря на веселые замечания, от игривого настроения Джофа не осталось и следа.

Хаман покачал головой. Были у него кольчуги и дороже этой, но все их магические свойства Джофу были не нужны, да и ладно бы магия, так ведь кольчуг такого размера в принципе не сыскать. Но даже если бы и была абсолютно такая же «уникальная» вещь, Хаман не стал бы ее показывать, чтобы не работать себе в убыток. Если бы он и мог предположить, что Джоф как честный малый вернет ему подмену, то мысль, что Джоф может просто не дожить до того времени и тем самым закрыть весь их спор, не позволила бы ему пойти на такие уступки. Хаман понял, что Джоф пришел не затем, чтобы вернуть товар, который он бы и не принял, и не затем, чтобы его починить здесь, а лишь для того, чтобы выбить хоть какую-то компенсацию. А значит, сейчас начнется торг.

— Джоф, раз ты не хочешь воспользоваться моей добротой и отдать вещь в починку, а я, так сказать, не смогу принять назад вещь, которая уже отслужила добрый год и, как видно, все-таки спасла тебе жизнь, то могу предложить тебе выбрать себе какой-нибудь товар в пределах, скажем так, десяти монет, в знак моего к тебе доброго отношения.

Джоф рассмеялся. Вот во сколько старый скупердьяй оценивает его жизнь. Видно, придется стукнуть по прилавку сильнее.

— Роджер, Кристоф, во сколько вы оцениваете мою жизнь? — спросил здоровяк своих друзей.

— Не, Джоф, с такими вопросами сюда можно было и не ходить, — ответил Роджер

— Да, старик, мы сюда пришли за компенсацией, а не доплачивать, — присоединился к ответу Кристоф. — Но если ты про кольчугу, то, думаю, за двести золотых сможем в Товерне найти умельцев и восстановить ее первоначальный вид, а моральный ущерб, так и быть, простим: мы же честные люди, а не какие-нибудь грабители.

— Двести золотых? — ахнул побелевший торговец. — Как же после этого называть грабителей? Честными людьми? Да я за месяц столько не зарабатываю. Пятьдесят! — этого хватит вам, чтобы месяц не вылезать из кабака или из борделя, здесь уж как пожелаете.

— Может, в месяц ты двести и не зарабатываешь, однако тысячу заработал за один день, когда втюхал мне эту рванину, — Джоф не считал свою кольчугу такой уже рваниной, но раз Хаман перевел торговлю в режим «Берсерк», то было бы невежливо его не поддержать. — Сто восемьдесят золотых, и пусть меня поразит молнией, если я пожадничал.

Молния Джофа не поразила, но Кристоф недвусмысленно кашлянул в кулак, намекая, что не стоит делать таких заявлений в магической лавке опытного колдуна, а то потом никому ничего не докажешь.

— Ну что же, вижу — торг сводится к сотне золотых, как раз посередине. Давайте на ней и сойдемся, — дружески улыбнулся Хаман, но ответная улыбка Джофа не была такой же радушной, потому что он знал еще одну слабость старого торговца.

— Так доставай золото, старик, посмотрим на его качество!

Преждевременная улыбка снова покинула лицо Хамана, и радость его маленькой победы развеялась как дым. И даже не мысль о том, что они могут придрататься к его истершимся монетам и запросить новенькие и целехонькие, но сам факт того, что придется расставаться с деньгами, заставлял старика нервно трепетать.

— К сожалению, сейчас у меня нет таких крупных сумм, но если вы придете через недели две, то... — он снова попытался отдалить решение дела, но уже безо всякой надежды.

— Если мы придем через недельку, то тебе придется выплатить нам неустойку за опоздание в выполнении нашей почетной миссии, ну и естественно оплатить проживание и питание в городе. Ну, что скажете, компаньоны, покутим хорошенько еще недельки две? — спросил Джоф своих. — Наш друг Хаман платит!

— Неожиданная щедрость от такого известного и уважаемого мага. Мы прослышем неблагодарными невежами, если откажемся от такого предложения, — согласилась за всех подключившаяся к диалогу Хлоя.

— Так, — выдохнул подуставший и обозленный чародей. Сейчас он был бы рад, чтобы они что-нибудь украли, чтобы без зазрения совести выпустить на них пару своих магических «секретиков». Но, кажется, таких дураков, чтоб у него воровать, в этом городе больше не осталось. — Выбирайте что хотите на сто монет, даже на сто двадцать, и будем в расчете.

— Хм! — промычал Джоф. — Не хотелось бы нелестно отзываться о твоей лавочке, но даже не представляю, что ты можешь нам такое предложить? Оружие у меня и у Хлои первоклассное, Кристоф — в великолепной и уникальной мантии, которая, может, и получше твоей. Разве вдруг Роджеру что-нибудь приглянется! Поспрашивай! Предложи!

— Если боевая экипировка и оружие вам ни к чему, то взгляните, что есть в витринах: кольца-фонарики, диадемы-фонарики, амулеты-фонарики, светящиеся браслеты и ожерелья, кольца и амулеты, повышающие выносливость, ловкость, силу, отвагу, уверенность в себе, кольца, обжигающие холодом, огнем, отравляющие кольца, кольца, повышающие иммунитет к огню, холоду, ядам и даже магии, парные амулеты, кружки с подогревом, кинжалы с ядом, с огнем и холодом. Есть и более серьезные и полезные вещи — вот магический амулет прибыли, который приносит огромную выгоду при совершении сделок. Он как раз и стоит сто двадцать золотых, но он того стоит.

— Что же ты сам не носишь этот амулет, если он приносит такую огромную выгоду от сделок? — спросил Кристоф старика. Тот пропустил замечание мимо ушей, но сделал кислую мину.

— Ты не понял. Амулет принесет огромную выгоду, если его продать за сто двадцать монет, — пояснил ему Роджер. Все дружно засмеялись.

— О! — воскликнул Джоф. — Кружки с подогревом? Я зимой весь наш рынок облазил, чтобы раздобыть нам такие для глинтвейна и эля. Можно взять парочку в наш дом на случай долгих холодных вечеров.

— Я тебе такую из любой площадки сделаю! — сказал ему Кристоф. Но, посмотрев на качество кружки, добавил: — А, впрочем, можно взять. Надо же с чего-то начинать.

— Что за парные амулеты? — спросила Хлоя.

— Один амулет оставляешь себе, а другой отдаешь своему другу, который уезжает в далекие края. И когда ты думаешь о нем и берешь в руки свой амулет, то амулет твоего друга начинает светиться красным светом. А если он берет свой амулет в руки, то светится твой, — объяснил ей Хаман.

— Здорово! Вот что я подарю Анне в ответ на ее подарок! — обрадовалась Хлоя. Теперь они смогут чувствовать друг друга даже на расстоянии.

— Ну вот, три монеты уже отбили, — порадовался вместе с ней Джоф.

— Какие три? Кружки по пять золотых, амулет — десять, — не выдержал такой наглости Хаман.

— Ну, тогда оставшиеся сто монет давай золотом и прямо сейчас, — огрызнулся Джоф. — Не хватало еще нам забивать повозку всяким светящимся барахлом, чтобы ночью каждый заяц знал, кто это там едет.

Хаман перестал бледнеть и резко стал красным, как помидор. У простого обывателя давно бы уже глаза разбежались от этих магических вещей, а эти зажавшиеся дуралеи даже смотреть не желали на его ядовитые и огненные кольца и кинжалы.

— Слушай, — протянула Хлоя, — а есть у тебя такой кинжальчик, которым вот пырнешь человека, и из него начнет жир вытекать, пока весь не вытечет.

— Что? — вскричал старик. — Какой жир? Вы издеваетесь надо мной? Выбирайте из того что есть и идите своей дорогой.

— А ведь уважаемый маг дело говорит, — сказал Кристоф. — Зачем мы его мучаем и сами мучаемся? Пойдемте отсюда. Пускай честный народ и Соларус справедливый решают это дело.

Хаман сменил цвет помидора на цвет вареного рака, но вдруг внезапно успокоился в своей излишней мимике: если дело дойдет до огласки, то ему могут устроить какую-нибудь проверку и тогда он потеряет еще больше. Он на секунду задумался, что-то решая, и сказал:

— Стойте! Раз ничего из этих прекрасных, высококачественных и уникальных вещей, на которые обычные посетители тратят кучу денег без торга, вас не устраивает, то у меня есть в запасе особенные вещи, которые я не всем показываю. Но только ради вас и моего к вам глубокого уважения и расположения я предложу их вам. Если и из них вы ничего себе не сможете выбрать, то придется рассчитаться с вами деньгами, — последние слова старик выдал из себя с большим усилием и натугой.

Он нырнул за занавеску из магического материала и вскоре вынырнул с вместительным сундуком, который сразу же водрузил на прилавок. Заинтересованные возникшей интригой охотники подошли поближе. Хаман открыл крышку, под которой сундук оказался заполненным различным барахлом. Джоф подумал, что старик совсем отчаялся и лишился рассудка, если вместо мечей, кинжалов и колец с амулетами предлагает им порыться в старом тряпье. Кристоф пошарил рукой в сундуке, поднял одну тряпку, другую и сказал, что вообще не чувствует никакой магии. Хлоя отказалась засовывать руку в эти тряпки, боясь, что если и не испачкается, то обязательно подхватит какую-нибудь магическую заразу. Наступило недолгое мгновение тишины и замешательства. Все разглядывали невзрачные матерчатые вещи, но, кроме слова тряпка, никакие другие названия к ним не подходили.

— Может быть, великий и уважаемый маг пояснит нам особенность этих вещей, раз уж мы недостаточно смысленные, чтобы понять это сами? — попросил Джоф, заинтересованный больше представлением, нежели ожиданием чуда.

— В том то и дело, — с чудаковатой улыбкой начал Хаман, — если бы кто знал

назначение этих вещей, то я бы давно вывесил их на продажу либо пользовался сам, но их свойства проявляются слишком странно и хаотично. Ко мне в гости приезжали маги посильнее меня, но никаких магических свойств так и не обнаружили. Все, что я знаю об этих вещах, — это то, что рассказывали те, кто их находил. Я пытался их продать не один раз, но разбалованные покупатели требуют красивые и новые вещи с известными магическими свойствами, которые можно увидеть или почувствовать. А вот на вещи с малоизвестными магическими свойствами, которые проявляются не постоянно и непонятно как, желающих не находится.

— То есть ты думал, что найти идиотов, которые купят эти тряпки, уже не получится, но вот пришли мы, и у тебя появился шанс? — спросил Джоф.

— Кажется, я знаю назначение этой тряпки! — указала Хлоя на одну вещь. — Ей можно мыть полы. Только сначала нужно вымыть ее.

— Все вещи были найдены далеко за горами, там, где по легендам находился тот самый древний город, где вспыхнула война магов. Там уже практически не живут ни люди, ни звери, но некоторые смельчаки или глупцы из простолюдинов забредают туда в поисках сокровищ и порой находят в развалах странные вещи и приносят эти вещи мне. В те уникальные места нельзя пройти тем, кто наделен хоть каплей магии, — мы это лишь предполагаем, потому что все, кто ушел туда с магией, не вернулись назад. Видно, древние маги все продумали, чтобы никто не смог добраться до их сокровищ.

— Так если ты сам ни разу не видел свойств этих вещей, то, может быть, тебя просто одурачили. Приносят тебе половые тряпки и рассказывают байки, что если носить такую на голове, то тебе будет способствовать удача! — предположила Хлоя.

Хаману такое предположение не понравилось.

— Нет, Хлоя, если ее надеть на голову просто так, то эффект будет минимален, — стал учить ее Джоф. — Следует предварительно вымочить тряпку в ослиной моче и, самое главное, не выжимать. Вот тогда эффект будет незамедлительным.

Хлоя засмеялась, но, вспомнив, что она девушка, сказала «фу» и поморщилась.

— Кажется, нам в очередной раз пытаются продать историю, которую можно придумать к любой тряпке, — заметил разочарованный Кристоф.

— Расскажи нам, что знаешь об этих вещах, — попросил Роджер. Никто не заметил, как видоизменился его голос, и, так как все смотрели в сундук, никто не видел его пронзительного взгляда.

Хаман пропустил мимо ушей слова насмешек и недоверия и ответил на слова Роджера.

— Вот этот кусок ткани, если верить тому искателю, — он взял в руку то, что Хлоя назвала половой тряпкой, — способен скрывать предметы. Если им накрыть какую-либо вещь, то она станет невидимой.

— А разве не все тряпки наделены этой магической способностью? — Хлоя не отставала.

— Вы не поняли. Если накрыть ей предмет на столе, то вы будете видеть только стол, но не будете видеть ни вещи, которую накрыли, ни этого куска ткани. Но продемонстрировать это я вам не могу, потому что сейчас она не работает, — объяснил Хаман. — Чтобы она заработала, нужно как-то активировать ее магию, но никто не знает, как это сделать. А вот в этот простой деревянный кубок можно влить несколько бутылей вина, и потом, когда вы в дороге захотите пить, то вам достаточно взять кубок в руки и поднести к губам, и в нем сразу же появится вино. Но проверить это тоже пока не

получилось. Вот эти кальсоны и блуза уникальны тем, что в них не потеешь в сильную жару. Их нашли в каком-то разваленном здании и несколько дней носили, поэтому и заметили эти свойства. А вот ночной колпак — говорят, что в нем легко заснуть тем, у кого бессонница. Я пытался спать в нем, но, честно говоря, разницы не почувствовал. Мой знакомый лекарь давал колпак своей пациентке с бессонницей, но та сказала, что ей начинали сниться странные сны, и от этого она еще больше не высыпалась. А вот этот кожаный наруч из комплекта доспехов усиливал всю руку вплоть до плеча, но, как видите, остался только один, потому что вторую руку тому искателю отрубили в драке, и он еле убежал. Знаю, это все выглядит как чушь и сказки, но я видел лица тех искателей сокровищ, что приносили мне эти вещицы, и даже проверял их на магическом детекторе, — сам-то я не сильно доверчивый. И могу вас уверить, что они точно не вралы, во всяком случае действительно верили в то, что рассказывали. Есть мнение, что эти вещи работают только в отсутствии магии, либо с теми, кто магией не владеет или вообще не способен ею пользоваться, поэтому они и срабатывали только в руках определенных людей.

Вся эта лапша отлично повисла на ушах Кристофа и к концу байки он уже слушал с открытым ртом, так что Хлое пришлось легонько хлопнуть его снизу по подбородку и подивиться его внушаемости. Джоф тоже заслушался и уже начал различать в груди барахла вещи. Хлоя и его привела в чувства, ущипнув за щеку. Балда тоже смотрел и слушал заворуженно. Хлоя поняла, что старик использует магию голоса и дешевой интриги, но активные действия отложила на случай, если старик заломит цену, и ее поразевавшие рты друзья начнут доставать деньги и драться за тряпки, что мужчинам обычно не свойственно.

— А что это за платок? — Роджер взял в руки старую полустертую, сложенную в полоску косынку. Когда-то она была повязана на лоб, с которого ее, видимо, так и сняли, не развязывая. Концы узлов были надорваны, а сама косынка выгорела на солнце и на ней с трудом просматривался странный узор.

— Эта вещь тоже необычная. Говорят, что она успокаивает того, кто ее носит. Искатели надевали ее на голову агрессивной собаке, и через несколько дней та становилась послушной и спокойной и начинала выполнять различные команды. Я пробовал повторить их опыт с дворнягами, и те уже через несколько дней становились послушными, — Хаман почему-то забыл добавить, что все его собаки постоянно пытались стянуть эту вещь со своей головы, и вскоре после этого эксперимента умирали странной смертью, перестав есть и пить. — Если у вас, к примеру, есть норовистый конь, то вы можете испробовать эту вещь на нем. Те, кто отыскал эту диковинку, были трусоваты и боялись примерять сами, но после эффекта на собаках, все же решились надеть косынку и на свою голову. Говорят, что чувствовали себя лучше и спокойнее. Я надевал ее и сам, но абсолютно ничего не почувствовал. Возможно, я и так слишком спокоен и умен, поэтому на меня такая вещица и не действует. Можете попробовать.

Хаман никогда сам не надевал ни одну из этих вещей: он был не такой дурак, чтобы совать свою голову куда попало.

— Нет уж, спасибо! За собаками я еще не донашивала, — сказала Хлоя и многозначительно посмотрела на Хамана.

— Хм. Ну раз на уважаемого, спокойного и умного мага не подействовало, значит на такого недалекого и нервного здоровяка, как я, сразу снизойдет благодать, и он затмит своими знаниями всех звездочётов, — Джоф взял платок в руки и натянул его на свою голову. Хлоя даже не успела ему помешать. — Ну ка, спросите меня что-нибудь про цифры.

— Сколько будет семью восемь? — спросил Кристоф.

— Нет. Слишком просто, — недовольно выдохнул Джоф. — Давай что пожестче.

— Сколько будет семьсот умножить на восемьсот? — ужесточился Кристоф.

— Эммм! — Джоф прижал пальцы к вискам и сделал вид мыслителя. — Нет. Все еще слишком просто. Не щади меня, маг, давай пример не для слабонервных счетоводов.

— Сколько будет семь миллионов умножить на восемь миллионов, — Джоф взглянул вопросительным взглядом на Кристофа, под смех его друзей. — Ну ладно, держи, — и Кристоф назвал два случайных набора чисел.

— Нет. Не работает. Старик, неси ослиную мочу, сейчас восстановим твой артефакт!

Но Хаману уже давно было не смешно. Он потратил на них впустую целый час, который мог потратить на согревающий душу подсчет собственного богатства или на придумывание новых характеристик старым магическим вещам. Роджер стянул с Джофа косынку и подошел к Балде.

— Попробуем с кем-нибудь поумнее Джофа, — он нацепил косынку на голову Балды, положил ему руки на плечи и посмотрел на то, что получилось. — Подойди-ка к зеркалу, посмотришь.

Он подвел Балду к высокому зеркалу, что стояло сбоку от прилавка и в котором каждый мог увидеть, идет ли ему тот или иной меч, щит или амулет. Хлою затрясло как в лихорадке, все ее хорошее настроение улетучилось.

— Роджер, зачем ты издеваешься над ним? Или ты решил обогнать Джофа в его цинизме и наплевательстве? — этот вопрос должен был кольнуть Роджера, но кольнул только Джофа.

— Когда Джоф надел эту тряпку на свою голову, ты почему-то промолчала! — без тени смущения ответил ей Роджер. Хлоя сейчас была зла на них всех: на Роджера за его гнусность, на Балду за его тупое безразличие, на Кристофа и Джофа за их молчание, а на довольного всей этой сценой старика Хамана за то, что он скупердяй. Джоф просто не понимал, почему это над ним, Джофом, шутить можно, а над Балдой нельзя. Кристоф не понимал агрессии Хлои, потому что она пыталась заступиться за того, кто в данный момент не чувствовал обиды и не мог оценить ее порывов. Роджер на мгновение забыл обо всех, кто остался за его спиной, и сосредоточенно смотрел на лицо Балды, на его наконец-то поднятый подбородок, закрывшийся вечно полуоткрытый рот и на его сфокусированный на своем отражении взгляд. А Балда не видел себя, он просто чувствовал легкость в голове, будто тысячи человечков вдруг прошли вдоль каждой извилины, каждой связующей части разума и распутали все узелки, которые препятствовали движениям мыслей.

— Ну как, тебе нравится? — спросил Роджер.

— Нравится, — протянул Балда. Только, кроме Роджера, никто не заметил, сколько усилия приложил Балда, чтобы сказать это «нравится» так ублюдочно-протяжно, как он говорил его всегда. Разгневанная Хлоя вылетела из лавки с чувством стыда от того, что она знает этих людей. И там, на свежем воздухе, она остановилась, подышала и загнала в самый темный угол ту Хлою, которая распускает сопли и радуется цветам и солнечному свету, потому что сейчас она ей только мешала.

— Ну хватит. Сними это дерьмо с него, — сказал Джоф. Его хоть и оскорбили слова Хлои, но он чувствовал, что виноваты они сами. — Мы берем золото, ваши чашки, парный амулет и уходим.

Хаман очнулся от радостной сцены и уже было запротестовал.

— Джоф! — сказал Роджер, снимая косынку с головы Балды. — Вы хотели купить мне что-то магическое! Я беру эту косынку — мне как раз была нужна непримечательная праща.

Хаман и сам не понял, как умудрился всучить одну из этих тряпок. Да, они все были из тех диких и безлюдных земель, но все легенды к ним он додумывал сам и еще ни разу не поверил тем суеверным искателям с больной фантазией. Джоф не стал спорить с Роджером, во всяком случае не при старике.

— Как скажешь. Старик, мы набрали на двадцать монет, гони еще сотню. Я уже устал от этой возни, — Джоф сказал свое последнее слово.

— Джоф, не порти наши добрые отношения с достопочтенным и уважаемым магом, — Роджер предложил ему остыть, видя, что старика сейчас хватит инсульт. — Берем кружки, мою пращу, парный амулет и амулет прибыли. Это все!

Старик быстро достал из витрины все что просили. Он чувствовал, что его обманули — он мог бы отделаться одним амулетом прибыли, а они прихватили еще кучу всего. Но либо так, либо Джоф пойдет к Соларусу. Он завернул все вещи в отдельные свертки и с вымученной улыбкой отдал их Джофу, который неискренне улыбнулся в ответ и даже пожал старику руку. Они распрощались. Джоф подхватил свою секиру, и все вышли на улицу. Даже через закрытую дверь были слышны проклятия старика, раздавшиеся, как только эта дверь захлопнулась. Но все лишь посмеялись над этими беспомощными выкриками. Все, кроме Балды, — он сейчас ничего этого не слышал и не замечал. Они вышли на красиво освещенную улочку и пошли догонять Хлою, которая неспешно брела где-то впереди них и засматривалась в окна продовольственных и хозяйственных лавок.

Освещение улиц в это время было достаточным, чтобы видеть своеобразную красоту старых зданий с замысловатой резьбой на дверях и оконных ставнях, рельефные камни мостовой, уличных жонглеров и шутов, и встречных прохожих, но света не хватало, чтобы разглядеть мелкие изъяны внешности и лиц, что способствовало общительности всех прогуливающихся людей, их более тесному знакомству и раскрепощенному поведению. Не самые красивые были уверены, что в этом полумраке на их изъяны не обратят внимания, и сами же радовались, что сейчас вокруг так много симпатичных людей, которых почему-то не встретишь днем, — такой вот работающий в обе стороны двойной самообман, который в утренних спальнях сводил на нет все радости вечерних знакомств. Но, кажется, это происходило во все времена во всех мирах.

— Что это за любопытная красавица гуляет в одиночестве по нашему прекрасному городу?

Хлоя отвернулась от витрины швейной лавки, чтобы разглядеть обладателя заискивающего голоса. Им оказался среднего роста детина в сопровождении троих приятелей.

— О, да это же прекрасная компаньонка и одаренная лучница небезызвестного старины Джофа. Рады приветствовать вас здесь! — подал голос невысокий Хью. Хлою узнали, и она тоже узнала не без причины любезных странников. Это были наемники во главе с их предводителем Трофом, который первым и заговорил. Они нанимались сопровождать и охранять товары и различных мелких вельмож, которые не могли позволить себе охрану из настоящих магов и воинов, участвовали в организованных походах одних городов на другие и не претендовали на что-то большее, поскольку ни большими связями, ни талантом к магии не владели. При себе они имели легкое магическое оружие, некогда купленное в той же лавке Хамана, и учтивые манеры, которым их научил местный городской закон.

— Добрый вечер, уважаемый Троф и его добрые компаньоны! — поприветствовала их Хлоя. Она быстро разглядела их скромное облачение и магическое оружие, которое она бы не подняла, даже если бы оно валялось на дороге, и поняла, что дела их идут чуть хуже среднего. Но, судя по их веселым лицам, на вино и эль им хватало. Никаких мыслей о возможности столкновения Хлою не посетило, но она неосознанно физически прочувствовала засунутый за пояс любимый кинжал. — Вижу, что ваш состав немного изменился за последний год. Неужели ваши друзья сменили тяжкий и недооцененный труд дешевых наемников на более легкую и мерзкую работу — из тех, что так прельщает добропорядочных граждан?

— О, благодарим за лестные слова в наш адрес! Не всем понять тяжелой доли наемников, — с сожалением ответил ей Троф. — Старина Билл и Тэд не выдержали эмоциональной нагрузки и в прошлый штурм города Нэйтона, некогда бывшего Томасом, они покинули наш отряд.

— Да, Билл нынче занимается удобрением полей недалеко от Нэйтона. А Тэд частично подрабатывает болванчиком в шляпной мастерской. Головастый малый, не то что мы, — уточнил Хью.

— Смена профессии тоже полезна, не вечно же напрягаться и рисковать жизнью. Уверена, в этом году повезет и вам, — улыбнулась им Хлоя. Троф внезапно закашлялся, и Хью пришлось хлопнуть его по спине.

— Спасибо на добром слове, дорогая Хлоя. Может быть, пока мы еще не сменили профессию, вы согласитесь скрасить нам вечер или даже осчастливить самого проворного из нас такой прекрасной теплой ночью? — самоуверенности и наглости Трофу было не занимать. Но Хлоя нисколько не смутилась, так как успела повидать на своем веку и не таких галантных господ и знала несколько способов их отшивать.

— Боюсь, не смогу угодить вам, потому что мои вкусы довольно специфичны, — она сделала смущенное выражение, и все напряглись.

— Поведайте же их нам, прекрасная Хлоя, и уверен, мы сможем их удовлетворить, чего бы это нам ни стоило, — пухлый Хью сглотнул слюну и вытер вспотевшие от предвкушения чуда ладони.

— Мне очень неловко это говорить, но я предпочитаю страшеньких мужчин с очень маленькими стручками, — в этот раз Хлоя решила пройтись по самолюбию, которое было даже у самых закомплексованных и невзрачных представителей мужского рода.

Секундное замешательство и откашливание, и все спутники Трофа подняли глаза, а единственный малый в шляпе снял ее с головы.

— Боюсь, что скромные наемники в этот раз оказались слишком бессильны, чтобы помочь вам в вашей просьбе, и слишком трусливы, чтобы лечь под нож, — они отступили от Хлои на шаг.

— О, не переживайте на этот счет. Приятного вам вечера, — Хлоя даже удивилась. Никогда еще так легко и быстро этот прием не срабатывал.

— И вам всем приятного! Хлоя, Джоф, Роджер! — честная компания откланялась и ретировалась.

Теперь Хлоя поняла, почему наемники подняли глаза. Она обернулась — в полушаге от нее стояли Джоф и Роджер. Ну, так тоже хорошо: не нужно долгих разговоров с не самыми приятными в этом мире людьми. Хлое оставалось надеяться, что концовка ее беседы с наемниками не долетела до ушей ее друзей.

— Теперь понятно, почему она в команде Джофа, — раздался удаляющийся голос Трофа за ее спиной.

— Но Роджер не такой уж и страшный? — ответил ему голос Хью.

— Ну, видимо, он идеально подходит по второму критерию, — пояснил ему Троф.

— Везунчик! Не то что мы со своими мешковатыми штанами, — совсем удалился голос Хью.

Хлоя смотрела в абсолютно нейтральные лица своих друзей и очень надеялась, что в этих сумерках не видно красно-алого оттенка ее лица.

— Давно здесь стоите? — ничего умнее Хлоя спросить не нашлась.

— Нет. Вот только подошли, — в том же духе ответил ей Роджер. — О чем ты там болтала с этими милыми господами в мешковатых штанах?

— Что-то вы даже не поприветствовали этих милых господ! — она отвернулась и пошла дальше, еле сдерживая смех от всей неловкости этой ситуации.

— Мы им очень любезно кивнули, — ответил ей Джоф. Ему эта компания не нравилась не своим грязным, хоть и схожим с его ремеслом, а тем, что они могли бы расти дальше, могли стать охотниками и заработать себе и деньги, и славу, но почему-то не прилагали к этому никаких усилий. Но в целом отношение его к ним было скорее нейтральным, потому что он понимал, что таких людей без претензий на лучшее в этом мире большинство.

Хлоя обернулась посмотреть, где там Кристоф и Балда, — те волочились чуть позади: Кристоф, как и она, с любопытством засматривался в витрины, Балда же брел не спеша в каком-то задумчивом состоянии. Она была уверена, что Джоф и Роджер поняли весь юмор ситуации и не подумали о ней ничего плохого. Это было самым прекрасным во всей их компании — способность чувствовать настроения друг друга и поддерживать, когда это было нужно, и молчать, когда это было еще нужнее. Хлоя задумалась о наемниках Трофа, — в них было некоторое сходство с ее компанией. Возможно, Троф и Хью были более непритязательными, неприхотливыми и ленивыми, поэтому и не достигли таких высоких позиций в жизни, как участники команды Джофа, но они тоже держались друг за друга, пытались урвать у жизни кусок послаще, даже если он был им не по зубам, и спасались от жизненной тоски, однообразия и непредсказуемости своеобразным юмором. И только сейчас она подумала, что они не испытывали иллюзий, когда предлагали ей провести время с ними, а просто получали радость от представившейся беседы с миловидной девушкой. И вдруг поняла то, что ускользнуло от нее за легкостью разговора: Билл и Тэд мертвы.

Они добрались до очередной развилки улиц и подождали отставших. Джоф с Кристофом сказали, что зайдут в «Синюю лошадь» проверить, хорошо ли готовятся к их приходу, а заодно попробуют качество вина и пива. Остальные пошли домой отсыпаться. Перед самым домом Роджер отдал Хлое ее парный амулет, и мысли об Анне окончательно выбросили из ее головы ту последнюю сцену в лавке. Доставая амулеты, Роджер обронил купленную им косынку, и та практически слилась с пыльной дорогой. Балда увидел это и поднял засаленную тряпку. Он протянул руку, чтобы отдать ее Роджеру, но тот уже скрылся за дверью вслед за Хлоей.

Балда остановился на пороге в смешанных чувствах, которых раньше никогда не испытывал. Он не понимал, что держит в своих руках, не понимал, что произошло там в лавке перед зеркалом, не понимал всего, о чем Джоф говорил с торговцем, но он все это помнил до мельчайших подробностей. Ровно в тот миг, как Роджер нацепил эту полустертую полоску на его голову, кто-то невидимый и сильный открыл настежь все окна в его голове и

выспроводил из нее весь витавший там туман, вымыл начисто те два мутных стёклышка, за которыми он просидел всю свою жизнь и достал невидимые пробки из его ушей. В памяти выступили во всей своей невыносимой остроте лицо Роджера, такое невыразимо четкое, каким он никогда его не видел: аккуратная черная борода, красивые скулы, выразительные и мудрые глаза, прекрасная улыбка не человека, который издевается над больным ребенком, а лекаря, с надеждой наблюдающего за действием лекарства; противная ухмылка старого морщинистого лица торговца, наслаждающегося сценой кажущегося ему издевательства, его руки в старческих пятнах, выглядывающие из новенького алого с серебряной нитью балахона, его седые, заведенные за уши волосы и мстительно радостный взгляд практически выцветших глаз; идеальные для его личного восприятия очертания скул Хлои, мягкость чуть припухлых губ, даже в этот миг ее ярости, ее ясные и гневные, чистые карие глаза, полные тайн и загадок; широкая грудь слишком близко стоящего Джофа, еле заметнодвигающиеся кольца кольчуги от его вдоха; острый профиль Кристофа, который все еще смотрит в сундук с неопознанным магическим тряпьем; блестящая и искрящая сталь оружия, развешанного по всей комнате, все еще качающиеся то ли от впущенного ими с улицы ветерка, то ли от слишком мощных выдохов спорщиков. Он помнил это до сих пор, хотя и чувствовал, что все это снова собирается ускользнуть от него: туман медленно, почти незаметно возвращается, а значит, и окошки глаз снова затянет мутной пеленой, ушные раковины вновь закупорятся. И это была не физическая пелена, — он всегда хорошо видел и слышал, всегда чувствовал вкус пищи и воды, радость езды на лошадях, сомнение, боль от ушибов и даже неловкость от шуток Джофа. То была пелена, окутывающая разум, не позволяющая ни помнить, ни бороться, ни жить полноценной человеческой жизнью. В его памяти умудрялись оставаться события, которые были либо безумно прекрасными, либо повторяющиеся так часто, что их помнило уже само его тело. Ничего плохого и того, что могло вызвать боль и переживания, его разум по каким-то причинам не оставлял, но эти причины точно были.

Там, в лавке, перед зеркалом он впервые в жизни увидел себя таким, каким он и был по жизни: сутулый, зажатый, с тусклым бесцельным взглядом синеватых глаз, с раскиданными по лбу волосами, загнанный странной болезнью в катакомбы подсознания. Но как только этот такой же бесцветный, как и сам Балда, платок воцарился на его голове, ему стало так безумно легко, как в тот далекий миг, когда Анна коснулась его висков на танцевальном вечере. Только если Анна освободила один узелок памяти, то эта вещь открыла сразу все. Но ощутил он не только облегчение и освобождение. Ему вдруг показалось, что тысячи и тысячи пока еще еле заметных ручейков рванули с гор, словно в весенний разлив, и вот сейчас реки мыслей и памяти сольются в одну огромную и широкую, что не охватить взглядом, реку, и она выйдет из берегов, снесет все на своем пути, и его затопит океаном мыслей и воспоминаний. Или вдруг казавшиеся вечными снега прошлого и пережитого, вспугнутые беззвучным вскриком от шока, сойдут с горы бескрайней лавиной и снесут ему последние остатки разума. Но этого не случилось. Его отвлек ясный и никогда раньше не слышанный голос Роджера, ехидная усмешка лавочника и гневные и бездонные глаза Хлои. А самое главное было то, что он ощутил страх. Дикий страх признаться, что вот сейчас, в эту самую минуту, в этом грязном платке, он не тот, на кого они все смотрели. Страх рассказать, что он чувствует, боясь, чтобы на это чувство никто не смел посягнуть и не смог его у него отобрать. И там перед зеркалом его добило еще одним страхом: жутким осознанием того, что с ним происходило все это время.

Обычная грязная тряпка, не подающая никаких признаков магии, вдруг оказалась чем-

то необъяснимым и невероятным. Ему надели ее всего на несколько минут, но эффект ее до сих пор поднимал дыбом волосы по всему его телу. Хорошо, что волосы на голове не стояли ежом, — он увидел это в зеркале и еще несколько раз проверял на улице, боясь себя выдать. Уже тогда в лавке у него появились первые вопросы, которые к моменту возвращения домой просто не укладывались в голове. И первый и главный из них, который уже давно волновал Кристофа: кто такой Роджер? Кто такой Роджер для него? То мгновение, когда глаза пращника встретили взгляд мальчика в косынке, казалось важным и знаковым: будто он увидел первого человека, который помог ему появиться на этот свет, вытащил его из темноты небытия. Только темнота эта не была прекрасной, теплой и уютной, темнота эта была гнетущей, темнота эта стирала память и делала его слепым котенком, живущим инстинктами голода и холода и радующимся редким проблескам человеческих радостей, которые небо изредка подкидывало убогому. Почему артефакт не оказал никакого воздействия на Джофа? Мог ли Роджер знать, что в его руках оказался такой артефакт? Понял ли он по взгляду, что случилось с ним, Балдой? Зачем он повел его к зеркалу? И случайно ли он обронил этот платок возле дома, а не где-то там в ночном городе, где, если бы Балда пропустил этот момент, то платок бы уже никогда не сыскали! А вопросов о прошлом и к прошлому было еще больше. И все они так сильно утомляли, словно он надыхался белладонны или какого другого дурмана. Голова начинала болеть от пытавшихся прорваться мыслей, но без платка эффект постепенно уходил, снова закупоривая память. Вопросы понемногу начинали таять и расплывались тем скорее, чем дальше во времени была та внезапная встреча Балды со своим сознанием.

Вдруг топот копыт от проскакавшего по улице всадника отвлек его. Балда рассеянно потоптался на месте, посмотрел на платок, словно пытаясь что-то вспомнить, сунул его в карман и направился к дому.

Глава 7 (часть 1 из 2)

Дверь открылась, и из нее выглянула Хлоя.

— Ты чего здесь застрял? Держи!

Не ожидая ответа, она протянула ему один из парных амулетов, встала на цыпочки и надела амулет ему на шею. Ей что-то показалось странным: раньше она могла пригладить его лохматые волосы, просто подняв руку.

— Хочу проверить, как они работают и не обманул ли нас этот хитрый лавочник. Я буду в доме, а ты стой здесь. Если амулет засияет, то возьми его в руку и подумай обо мне. Ты понял?

Балда кивнул. Она убежала в дом, оставив его наедине со звездами, с темнотой и с приглушенным забором уличным шумом. Через некоторое время амулет засиял алым цветом. «Что означает этот свет?» — подумал Балда. Он поднял амулет за шнурок и разглядывал его не слишком уж яркое сияние. «Передает ли амулет какие-то чувства того, кто держит другую половинку? Вряд ли это можно узнать, если он просто загорается только одним цветом. Ведь можно было бы сделать разные цвета для разных чувств: грусть от разлуки, любовь, дружба, сомнение, боль, страх и даже злость и отчаяние. Можно было бы сделать яркость цвета в зависимости от силы чувств и заставить свет пульсировать в такт ударам сердца. И вообще, амулет сияет потому, что владелец парного амулета действительно подумал о тебе или потому что он просто взял амулет в руки и согрел его своим теплом? Как это вообще можно проверить? Как это...» Он замер в недоумении. Откуда в его голове появилось столько вопросов? Таких простых и ясных, и возникающих так естественно, будто он ребенок, который впервые видит мир и хочет все знать. Может быть, недавно что-то случилось, а он успел это забыть? Ведь раньше он все забывал. Откуда же тогда он помнит, что раньше забывал? Нет, что-то точно произошло.

Хлоя не выходила, и Балда зажал амулет в ладони. Он отогнал все мысли о Хлое, ему нужно было знать, как работает этот дешевый магический предмет. Дверь открылась. Хлоя держала перед собой светящуюся вторую половинку.

— Работает. Что-то долго не светился. Может быть, ты обо мне плохо думал? — она улыбнулась своей игривой улыбкой. Балда покачал головой. Его вдруг снова посетил страх разоблачения, только он не мог вспомнить, в чем его могут разоблачить. Он ссутулился, уставился в пустоту и приоткрыл рот, — кажется, так он выглядел раньше. Во всяком случае такой смутный образ витал в его памяти. Он разглядел на затененном лице потускневший взгляд Хлои, значит, его уловка сработала. Она была прекрасна в этом светлом дверном проеме, ее фигура очерчивалась смешанным светом камина и магических домашних ламп. Она была идеальной приспособленкой и умудрялась выживать там, куда ни одна нормальная женщина даже не сунется, но ее невыносимо тянуло куда угодно, лишь бы подальше от любой нормальности, и всюду она приносила себя настоящую и как могла меняла окружающий мир под себя, разбавляла его собой. И сейчас она соперничала Балде, его необъяснимой и неизлечимой болезни, всей его сложной жизни. И сейчас он мог это понять. И он мог бы сказать, что появилось лекарство, ему только нужно вспомнить, какое оно и где оно и как его принимать.

Он ничего не сказал, и они вошли в дом. В большой гостиной могло разместиться на ночлег с десяток гостей. Вдоль стен располагались тахты и топчаны: кто пришел раньше, тот

мог выбрать место помягче или по вкусу. В дальнейшем затемненном углу на твердом топчане ровно на спине уже спал Роджер. Под головой у него был капюшон от его же куртки, руки были удобно сложены на животе. Балда увидел его и вспомнил, что Роджер что-то обронил на улице, и он должен ему это вернуть. Он подошел к нему и достал из кармана косынку.

— Роджер, ты обронил свой платок, — Балда протянул руку, но Роджер даже не шелохнулся. Балда хотел повторить свои слова, но понял, что Роджер спит или делает вид, что спит. Можно толкнуть его и проверить. Откуда такие мысли? Спит он или притворяется — какая разница? Балда потянул руку с платком к Роджеру, и взгляд переключился на платок. Что-то знакомое, где-то он уже видел его раньше, как будто совсем недавно. Он повернулся, чтобы собственная тень не мешала разглядеть эту странную вещь. Обычный платок, сложенный по диагонали полоской, с краями, завязанными в узел, с двумя надорванными торчащими уголками. Кажется, что его никогда не развязывали, а просто снимали и надевали прямо так.

Балда отошел на середину комнаты поближе к свету. Хлоя, без лишних церемоний и расшаркиваний, не сказав «спокойной ночи», переключилась в режим отдыха: нашла себе мягкую тахту или кушетку, погасила магические ночники и завернулась в одеяло из шкуры. В комнате не было холодно, и она закуталась скорее по старой привычке ночевать под открытым небом. Хозяева и проводник спали где-то на втором этаже и в гостиной бодрыми оставались лишь Балда и огонь в камине.

Балда присел возле огня, чтобы не включать свет и не мешать Хлое и Роджеру. Он держал платок в ладони, подхватив его за внутреннюю часть, и пытался разглядеть почти стертый рисунок из пересекающихся линий. Кажется, когда-то они были разных цветов. Он ощутил покалывания в ладони, будто тысячи муравьиных ножек промаршировали по грубой коже руки. Он все еще пытался уловить связь, которая так недавно казалось совсем очевидной и от которой остались только набегающие волнами вопросы. Почему платок начал покалывать ладонь? Может, это от близости к огню? Он поднес руку ближе к камину, отшагнув от него — покалывания не изменились и не исчезли. Платок выцвел от солнца и от пота или он стерся, потому что пролежал много лет в пыли и по нему прошли миллионы ног? Если развязать узел и развернуть платок, тогда можно будет увидеть рисунок, который должен сохраниться в целости! Он попробовал развязать узел, но никакой возможности сделать это более-менее аккуратно не получалось. Развернуть платок, не развязывая узла, не получалось: ткань слиплась так, что края не разнять. Тогда и развязанный узел не сильно поможет. Значит, остается либо подойти и положить его рядом с Роджером, чтобы он забрал его, когда проснется, либо применить платок по прямому назначению: надеть на голову как повязку. Но покалывания в ладони не сильно подталкивали к этому действию.

Балда заметил себе кушетку, подошел к ней и сел. Покалывания исчезли — значит, все-таки близость огня. Он взял платок узлом к себе и надел на лоб. Такого восторженного эффекта, как в первый раз, не произошло, но он тут же вспомнил этот первый раз и все события этой ночи. Но все равно это было необычно. Ощущение легкости мышления и возможность вспомнить недавние события тронули за живое. Это был какой-то новый, невиданный ранее вид удовольствия: помнить, думать, мыслить, задавать вопросы, пусть даже многие из них будут глупыми и безответными. Чувство радости от знаний, которые всегда были с ним, доступ к которым был всегда тернистым и мучительным, а часто и просто невозможным, — это чувство вызвало непроизвольное выделение слез на расслабленном и счастливом лице. Цунами не случилось, лавина не сошла, что-то оберегало

разум от этих внезапных и опасных стихий памяти. Лишь усталость прошлась по всему телу и легкая боль, словно от дурмана, охватила голову. Балда закрыл глаза, подтянул платок повыше и накинул на голову капюшон куртки, чтобы закрыть платок от посторонних глаз, лег на бок и крепко заснул.

Роджер не спал — слишком невероятная находка оказалась в его руках. Он лежал в медитативном состоянии и на этот раз не мог оставить свои мысли снаружи. Обычная сложенная полосой косынка, которой жницы часто подвязывают волосы во время жатвы, по всем признакам может оказаться тем уникальным артефактом, о котором он знал только понаслышке. И все доказательства подлинности, которые у него есть, — это пугающая выразительность глаз юноши в тот самый миг. Любой нормальный человек на помойке увидит больше полезных вещей, чем они видели в сундуке старика Хамана, но глупые и смешные рассказы про собак, смутная догадка и странное желание попробовать проверить — и вот оно, еще неподтвержденное чудо. Даже при всем при том, что эта вещь не должна была оказать на Балду никакого эффекта: ее создавали не для людей. Это давнее маниакальное желание проверить наконец-то осуществилось. И эта мысль, что Балда со своей уникальной болезнью не совсем простой человек, кажется, оказалась верной. Даже сейчас небольшая перепроверка говорит о том же: он поднял платок, он взял его и он его надел, сам, в этом не может быть сомнений.

Роджер улыбался. Самое смешное было в том, что он нашел этот артефакт в городе Соларуса, в его магической лавке, прямо у него под носом. Роджер точно знал, кто такой Соларус, слишком уж тот был необычен: скромный управитель среди неблагонадежных людей, загадочный правитель среди остальных правителей. Все его считали просто эксцентричным выскочкой, но он слишком долго правит городом, слишком примитивно меняет себя старого на себя же молодого. С завидной периодичностью где-то раз в тридцать лет приемники сменяют один одного. Какая пунктуальность! Роджер видел его совсем недавно, давно и очень давно, и сомнений в том, что это один и тот же человек, у него не было. Соларус не знал, кто такой Роджер, не так часто они встречались, — при встречах глаза Соларуса смотрели на толпу, а глаза Роджера смотрели из толпы. Не так много Роджер давал поводов для подозрений. Даже Хаман не догадывался о тайне Соларуса. Хаман был уже довольно стар для человека, но, как маг, он не сумел воспользоваться своей магией. Хотя именно своей магией он бы ничего не смог сделать. Многие странные находки по ту сторону холмов проходили через руки Хамана и Соларуса, многие из них они пытались опознать и осмыслить, но все они так и остались для них грудой тряпок.

Почему Соларус не забрал это барахло себе, ведь был велик риск, что найдется тот, кто поймет предназначение предметов? Не верил в сказки? Отдал все Хаману для экспериментов? Или так хорошо работает пелена обмана, наложенная на сами вещи, пелена, уверяющая каждого, что перед ним обычная тряпка, негодный мусор? Никаких признаков магии — вот где истинная магия! Но к этой проблеме добавлялась еще одна. Ты никогда не сможешь найти на столе ложку, если ты не знаешь, что такое ложка. Два глупца никогда бы не смогли найти магический артефакт просто потому, что понятия не имели, что они ищут. Они просто искали что-то магическое и уже давным-давно поняли, что уникальные вещи по ту сторону холмов не лежат по полочкам, на них не висят ярлычки с надписью, поясняющей, что это за вещь и какой у нее эффект. Скорее всего, Соларус уже давно разочаровался и в молодом и наивном по его меркам Хамане, и в попытках найти хотя бы записи о том, какие создавались артефакты тогда, еще до великой магической битвы.

Соларус, как и многие маги, не был врожденным магом, но очень хотел им стать. По современным меркам он был гораздо выше уровня Хамана, несмотря на то, что последнему повезло родиться с магической искрой. Разница была лишь в том, что Соларусу пришлось возвышаться в магическом искусстве путем долгого обучения, и у него оказалось намного больше времени. Они были почти как Кристоф и Хлоя: один был одарен с рождения, и все ему давалось легче, другая вынуждена была приобретать магию и обучаться ей пользоваться. Один с рождения бегал в своей собственной магической шкуре, а другому приходилось носить то, что получилось приобрести или добыть тем или иным способом. И теперь Соларус, познавший секреты долголетия еще во времена обучения, просто прозябал свою, как ему казалось, совсем еще молодую жизнь и развлекался как мог с тем, что ему было доступно в этом уже не таком прекрасном, как раньше, мире. А вот Хаман уже доживал свой долгий, в пару столетий век, и все его радости были связаны с накоплением богатств и с жадной когда-нибудь раскрыть тайну какого-нибудь древнего магического артефакта. Бедный старик, лучше ему не знать, что он сегодня упустил.

Хлоя спала как младенец: она свернулась клубком под теплой шкурой, и ей снилась Анна, предвкушение встречи, момент дарения амулета, общение, радость, смех, объятия, долгие беседы и, возможно, что-то, что она еще даже не могла представить в своих снах. Уголки ее губ говорили о счастливом сне ребенка, и тонкая струйка слюны от сладостных видений стекала на ее плечо.

А Балда спал далеко не самым спокойным сном. Впервые за всю свою жизнь его видения вышли за границы ближайшего прошлого, впервые он смог увидеть того далекого себя и даже не сразу понял, почему люди вокруг намного больше него, наклоняются к нему и говорят с ним странными голосами, и обращаются с ним странными словами. Но это непонимание исчезло, как только перед ним возникла красивая высокая женщина и подняла его на руки: она была прекрасна своей цветущей красотой, счастливыми глазами и поднятыми от радости скулами. Она любила его так, как никто никогда его не любил. Это была ее мама.

Он не видел ее с тех самых пор, как она умерла, он не мог вспомнить ее с тех самых пор, как ее не стало. И сейчас все остальные воспоминания казались бессмысленными и ненужными, потому что перед его глазами было лицо той единственной женщины, которая действительно его любила, и любила больше всего на свете, даже больше, чем свою собственную жизнь. И если бы кто-то подошел сейчас к нему спящему, то увидел бы обжигающие щеки слезы, катящиеся по переносице и щеке. Но никто не подошел, и никто не увидел. И слезы вскоре высохли, потому что мама превратилась в красивую белую птицу и улетела в небо. А Балда двинулся дальше, точнее, мир вокруг него двинулся дальше. Люди стали уменьшаться, и от этого становились только хуже: они перестали говорить мягкими голосами и перестали говорить теплые добрые слова. Во сне были дети, которые смеялись, но играли с ним, были те, кто хотел обидеть, были те, кто сочувственно качал головой. Там были странные дяди и тети с неприятными запахами, они рассматривали его, изучали, давали ему выпить что-то невкусное, применяли магию, которая светилась и искрила, а потом пожимали плечами. Иногда появлялся мужчина с добрым и теплым лицом, но черты его лица были слишком расплывчатыми, скорее всего, это был его отец. Он часто появлялся рядом с мамой, которая уже снова была мамой, а не птицей. Они играли все вместе, они смеялись вместе с ним, они вместе купались и кидали друг другу мяч, возились с игрушками, эти двое взрослых людей любили его одной большой любовью. А потом мама плакала, и

отец обнимал ее крепко-крепко и целовал ее и успокаивал. Но она не успокаивалась, она умоляла его все исправить, все изменить, она выгоняла его из дома, чтобы он ушел хоть на край света, но отыскал то, что спасет их ребенка. И вскоре образ отца исчез, осталась только беспокойная белая птица, которая металась в четырех стенах, но продолжала любить и верить. «Где наш папа?» — внезапно спрашивал маленький Балда, и она радостно удивлялась, что он смог его вспомнить. «Папа ушел за лекарством, папа скоро вернется с лекарем, который поможет тебе, и ты вырастешь и станешь самым умным, самым красивым, самым лучшим мужчиной на свете». Она показала ему амулет, почти такой же, какой сегодня купила Хлоя. «Смотри, папа всегда рядом с нами, — амулет переливался перламутровым сиянием, пульсировал и излучал тепло, и мама понимала, что это значит. — Он сейчас далеко, он ищет, он обязательно вернется, и мы снова будем играть и смеяться, как прежде!»

А потом все затопило, все покрылось водой. Маленький Балда захлебывался и тонул, и чувствовал страх. Но вскоре это закончилось, — кто-то вытолкнул его из воды и вытащил на берег, и он увидел склоненные над ним головы незнакомых людей, удивленные, ухмыляющиеся, сочувствующие лица зевак, а за их головами в чистом голубом небе парила белая птица. «Лети за мной, мой маленький Балда» — услышал он в крике птицы. Ему вдруг почудилось, что это все такой образ, что и он сейчас умрет и исчезнет из мира людей и тоже превратится в белую птицу и будет летать так же, как и мама, и никогда с ней не расстанется. Но он почему-то не умирал и не превращался. «Лети за мной! Давай! Ты сможешь!» — верила в него птица.

И вдруг маленький Балда отстранил эти все еще нависающие над ним невымытые головы с глупыми лицами и оторвался от земли, превратился в мягкий и теплый комочек света и полетел за мамой. Полетел быстро и легко, как будто сам был рожден птицей, и летать для него было так же просто, как бегать, видеть или дышать. Он летел далеко и долго, стараясь не упустить мелькавшую впереди маму-птицу, которая, казалось, вела его в какую-то волшебную страну, где нет ни боли, ни страдания, ни печали, ни страхов, а только радость и свет, и любовь. Но это чувство было вызвано всего лишь необычайной легкостью полета. Балда еще не знал, что в той стране будет еще больше боли, еще больше страдания, будут и страхи, и печаль, с той лишь огромной разницей, что все это окупит себя и принесет совершенно новое, неизведанное чувство.

Птица исчезла из виду, облака рассеялись, и под ними далеко внизу открылся бескрайний океан. И все было так ярко, а вокруг столько оттенков синевы куда ни посмотри: темная синяя вода, играющая на солнце странными, пересекающимися друг друга волнами, прекрасное голубое небо, темная и светлая лазурь вдоль горизонта. Далеко внизу появился небольшой островок зелени со светлым пятном посередине.

Балда из любопытства полетел к острову, который начал увеличиваться в размерах и становиться красочным и шумным от пения птиц. Посередине острова оказалась широкая поляна теплого мягкого песка. Он опустился на песок, все еще находясь в форме комка света, и огляделся вокруг. На краю поляны стояли два человека: мужчина и женщина. Мужчина был чисто выбрит и одет в расшитый золотом и драгоценностями диковинного синего оттенка камзол, того же цвета штаны и чистые белые сапоги, на голове его возвышался высокий белый головной убор, похожий на чалму с драгоценным камнем посередине. Женщина была облачена в прекрасное, изумрудного цвета, длинное, обтягивающее точеную фигуру и полностью скрывающее ноги платье, по которому шли

полосы света и тени, играющие разными оттенками зеленого — полосы пересекали платье крест-накрест и двигались в разные стороны, притягивая взгляд. Длинные рукава с разрезом до локтей высвобождали красивые руки, на голове ее зияла сверкающая диадема поверх красивого зеленоватого головного убора с такими же гуляющими полосами. Взгляд мужчины был добрым и уверенным. Лицо женщины было прекрасно, золотые, как осенние колосья, волосы покрывали ее плечи, но глаза и улыбка выражали странное напряжение.

— Приветствуем тебя, чужеземец, на нашем скромном магическом острове обучения и познания! — заговорил мужчина, если можно это так назвать. Он не открывал рта и не двигал губами — Балда просто слышал слова в своем светящемся шарообразном теле. — Перед тобой стоят представители человеческого общества магов планеты Солидус. Я, Астароникус Зулей-Бхан Глоций, преподаватель магии ментального общения, телекинеза и созидания единственной школы высшей магии на планете для всех учеников школы независимо от их уровня, а в данном случае для посланников иных цивилизаций. Моя коллега, Дженирмена Изольда Глоций, преподаватель магии перевоплощения и контроля климатических условий, а также моя законная супруга.

Когда Астароникус называл их незапоминающиеся имена, Дженирмена слегка повернула голову в его сторону и посмотрела с легким прищуром и плохо скрытой усмешкой. Балда обратил внимание только на этот взгляд и разглядел его лучше, чем все окружающее. Что это было? Недоверие? Сомнение? Будто она была удивлена, что ее супруг способен выговаривать такие имена или же вообще сомневалась, что ее так зовут, а он просто все это выдумывает на ходу. Ее губы подергивались от нетерпения, и чуть колышущийся снизу подол платья выдавал нервное движение ноги. Балда удивился этой новой для себя способности видеть мелочи, неточности, шероховатости — все то, что выделяется из общей картины. Идеальный остров, которых он никогда в жизни не видывал, выплывший прямо из песен бардов, обошедших весь мир, бескрайний океан, волшебное пение диковинных птиц, нежнейший песок — все это затмило одно маленькое сомнение на милостивом лице и подергивание ноги Дженирмены. Он смутно чувствовал, что это какой-то странный сон, но даже у сна есть свои законы, и эти внезапно появившиеся маги, кажется, их совершенно не соблюдали. Ситуативные знания вдруг почему-то становились для него важнее общих. Понимание незначительной мелочи стало преобладать над непониманием всего остального. И это казалось ему таким простым и естественным, — он, как ребенок, хотел сначала изучить камушек, ниточку, искру, снежинку, а уже потом без особого труда понять, как строится дом, шьется одежда, как горит костер и появляются сугробы. Но ведь он всегда был таким — просто что-то всегда мешало ему узнавать и понимать.

Балда уже узнал, что амулет Хлои — простая магическая безделушка, мгновения назад он понял, что бывают настоящие магические амулеты: такие были у его матери и отца. Теперь ему нужно было знать, что прячется за дрожью Дженирмены, которую он видит всего лишь какое-то мгновение, и как ее на самом деле зовут. И это знание сейчас казалось важнее, чем все то, чему могли научить эти названные преподаватели магии. Астароникус, если и притворялся, то понять это в данный момент было совершенно невозможно. А вот Дженирмена была близка к тому, чтобы показать свое настоящее лицо. Зачем он этого хотел? Страх, недоверие, простая жажда знаний того, кто так долго не мог ничего знать? Не важно! Не все сразу! С этим он разберется позже, если небо подарит ему время.

— Представься же нам! Обозначь визуальными или ментальными образами свою планету, страну, цивилизацию, представь нам свой внешний вид и назови свое имя. Либо

поведай все это словами, если владеешь универсальным языком жителей планеты Солидус! — смысл всего сказанного появился в разуме Балды в виде слов, образов и еще каких-то чувственных, но не совсем понятных ему представлений. Но он точно понял, что просьба была обращена к разумному и мыслящему существу, независимо от его внешнего вида, и смысл просьбы был в том, чтобы сказать, откуда ты, кто ты такой и как тебя зовут. Оставалось понять, что значат слова «планета», «страна» и «цивилизация», но что-то подсказывало ему, что на данном этапе его развития сделать это самостоятельно невозможно. Он продолжал молча находиться на месте в ожидании каких-либо дополнительных подсказок или слов, которые могли бы ему помочь во всем разобраться. Он, конечно, понимал, что нужно просто назваться и описать свой дом, но что-то внутри него подсказывало, что сначала нужно дождаться хода Дженирмены, напряжение которой уже витало в воздухе. Астароникус более спокойно повторил свою просьбу, более ясные образы возникли в разуме Балды, но он твердо решил не спешить и ждать. Ведь в любой момент можно будет объяснить, что он думал, будто все происходит во сне, а во сне люди обычно не сильно разговорчивы. А пока он ждал, то вместе с этим разглядывал песок, деревья, красивых, игривых и болтливых птиц, и интересные наряды, и лица своих новых знакомых.

И вдруг внезапно напряжение Дженирмены и нервный тик ее ноги исчезли, как будто никогда и не существовали. Зато напряглось все вокруг нее: совсем исчез ветер, деревья замерли как истуканы, птицы смолкли и, медленно перебирая лапками, чтобы не шуметь, начали двигаться по веткам поближе к стволам деревьев. Даже шум волн куда-то пропал.

— Сука! — Дженирмена закрыла глаза, одним махом сняла с себя головной убор вместе с диадемой и выбросила все это за пределы поляны.

— Блаж! — повернулся к ней Астароникус, видимо, называя ее привычным ей именем. Но было видно, что он чуть ранее все понял по внезапно установившейся тишине. Также понимая, что никакие его слова ничем не помогут, он все же попытался ее образумить. — Дай хоть немного времени. Мы же ничего не знаем о носителе. Возможно, для него это все еще странный сон.

Но, кажется, у Дженирмены было свое представление о том, как все должно происходить.

— Если сейчас окажется, что кто-то опять нацепил мое величайшее творение на голову какой-нибудь дикой тупой псины, я растоплю этот мерзкий комок так, что мозги вытекут прямо из ее блохастых ушей, — она была так неистова и прекрасна в своем чистом гневе, что Астароникус, хоть и осуждал, но не мог оторвать от нее глаз. Балду посетило не имеющее никаких оснований предположение, что именно за эту ярость Дженирмены Астароникус ее и полюбил.

— Давай, топи. И собаку убьешь, и ее окружение порадуешь. Вот тогда твоё величайшее творение или уничтожат, или будут надевать на всех собак подряд для развлечения, — Астароникус умел отговаривать и умирять гнев. Дженирмена умерила пыл и размяла шею наклонами головы.

— Его нельзя уничтожить! — прошипела она.

— Ты же не знаешь, как далеко шагнула магия с того момента, как мы покинули мир живых. А даже если артефакт и не смогут уничтожить, то могут очень далеко запрятать, и тогда снова привет вечность.

— Обозначь себя! — повторила спокойным, но властным голосом Дженирмена. Она взмахнула волосами, и те, словно гибкие натянутые прутья взлетели за голову и собрались в

длинный хвост, открыв красивый лоб, — соломенное золото превратилось в вороной, словно каждый волос был окрашен в разные цвета с разных сторон. Неприятная волна пронзила разум Балды. Было слышно, как с веток попадали потерявшие сознание птицы. — Обозначь себя, или сейчас будет очень больно.

— Меня зовут Балда. Я живу в городе Товерне, — болезненная и короткая просьба Дженермены оказалась гораздо убедительнее, чем затянутое навязывание Астароникуса. — Я человек.

Он вспомнил свое недавнее отражение в зеркале, сосредоточился на нем и предстал перед ними в этом образе. Оба мага смотрели на него во все глаза с явным недоумением, только если взгляд Астароникуса граничил с улыбкой, то глаза Дженермены говорили «этого не может быть».

— Этого не может быть, — она явно отличалась открытостью и прямолинейностью. — Человек не может использовать данный артефакт: никто, ни умный, ни тупой, ни взрослый, ни даже ребенок. Артефакт недоступен никому, чьи знания о человеческом мире и мире магии превышают определенный минимальный порог. Такие ограничения наложены, чтобы предотвратить нецелевое использование артефакта.

— Ты абсолютно права, Блаж! — начал поддерживающим тоном Астароникус, но тут же развеял иллюзию. — Эта псина просто очень умело притворяется и водит тебя за нос.

Блаж проигнорировала его стеб и подошла к Балде поближе. Ее платье изменило свою форму: исчезли висячие рукава, и руки открылись выше локтей, юбка стала обтягивающими штанами, а весь изумруд потемнел чуть ли не до цвета волос. Только пересекающиеся полосы света и тени продолжали блуждать по ее одежде. Кажется, такие полосы и были нарисованы на платке, вспомнил Балда. Она была красива, даже слишком, и внешностью даже меньше, чем излучаемой энергией и эмоциональной силой. Сейчас был подходящий момент, чтобы попытаться объяснить Блаж, почему он смог воспользоваться ее артефактом: мысль, что она сама вдруг начнет копаться в его разуме, немного пугала. Он чувствовал, что может прервать сон в любой момент, но это означало бы конец общения, а любопытство было готово потерпеть некоторые временные неудобства. Балда смотрел на нее сверху вниз, но это физическое преимущество здесь и сейчас ничем ему не помогало. Он мысленно откашлялся, полностью осознавая тупость этого действия, но оно придавало уверенности.

— У меня врожденная необъяснимая болезнь — проблемы с запоминанием: еще какой-то час назад я не мог вечером вспомнить, что я ел утром, не мог сказать, сколько мне лет, и постоянно забывал, куда мы идем и где находимся; я знал только то, что становилось неотъемлемой частью моей жизни: как есть, как спать, как говорить, как управлять лошадьми и как ухаживать за ними, знал, кто такие птицы и звери, что такое деревья и трава, знал, как зовут моих спутников и дядю, потому что с ними я знаком слишком давно; все остальное я не мог запомнить больше дня, потому что все это стиралось, заволакивалось каким-то туманом и безвозвратно исчезало; лишь редкие вещи или события могли разбудить во мне смутные воспоминания, но и они исчезали так же быстро, как и все остальное; и вот час назад в магической лавке нам показали этот предмет — стертый засаленный платок, мне надели его на голову; я не могу объяснить словами и образами, что произошло, но словно с множества окружавших меня закрытых окон снимали шторы и раскрыли их настежь; и я вспомнил так много всего, что голова пошла кругом, а потом я надел этот платок уже дома и заснул в нем.

Он, к собственному удивлению, выпалил все в одном быстром и непрерывном потоке

слов, но рассказал не все, потому что объяснения могли быть слишком долгими, туманными и непонятными и выйти за пределы терпения этой странной женщины. Блаж шагнула еще ближе, но, почувствовав его напряжение, остановилась. У нее появилось предчувствие, что он мог в любой момент испугаться и убежать, улететь и исчезнуть, каким-то образом самостоятельно выйти из состояния сна и снять платок, и, возможно, больше никогда его не надеть. И тогда она уже ничего не узнает ни о нем, ни о мире, из которого он пришел, ни почему артефакт попадает то к собакам, то к прирожденному идиоту. Эта мысль ее и остановила, и она сменила гнев на любопытство. Человек в ее артефакте — это было очень странно и совсем не оправдывало ее надежд дожидаться встречи с инопланетными цивилизациями и утолить свою жажду познания вселенной, но это намного лучше, чем тупые бродячие псыны, которых, к слову сказать, убивала не она, а несовместимость неразвитого мозга животного с уникальной магией.

Глава 7 (часть 2 из 2)

— Кто посмел продать уникальный обучающий артефакт? Как он вообще оказался в какой-то лавке? Магическая лавка — это что вообще такое? У вас там что, магия на каждом углу продается, как устрицы и зонты? — на эти вопросы у Балды не было ответов, а последние слова он даже не понял.

— Что такое устрицы и зонты? — он еще держал в уме вопрос про планету, страну и цивилизацию, но по ее гневной реакции на этот вопрос, решил подержать их еще.

— Вот это устрицы, а вот это зонт, — у нее руке возникла похожая на меч палка, которая раскрылась над ее головой полукуполом, разделенным на несколько секторов. С границ секторов свисали нити, к каждой из которых было привязано по какой-то ракушке, которые, видимо, и были устрицами. Блаж повернула палку, и раскрутившиеся на нитях устрицы отхлестали Балду по щекам. Он отступил из-под града ударов, с удивлением разглядывая диковинный предмет. Странная вещь эта устрицы и зонты, как оружие оно малоэффективно, но ходить с ней в толпе по рынку, наверное, очень удобно. Возможно, что преподаватели в школе магии наказывают им провинившихся учеников. Позади Блаж раздался раскатистый смех Астароникуса.

— Ты вот так собиралась обучать представителей развитых инопланетных цивилизаций? Задавая им глупые вопросы и показывая, как делать не нужно? — Астароникус тоже уже был без головного убора и сменил свой яркий костюм на более удобную одежду: короткие темные штаны и легкую белую рубашку, расстегнутую у шеи. Черные густые волосы ниспадали на его плечи, босые ноги поднимали песок при каждом шаге. Он подошел к ним поближе, отобрал у Блаж зонтик и оторвал одну устрицу. Он с легкостью раскрыл устрицу пальцем руки, а остальные стряхнул вместе с нитками одним движением.

— Вот это устрица, ее добывают в море и едят на обед. А это зонт, его используют как защиту от дождя или от солнца.

— Это не представитель иной цивилизации, и если ты еще не заметил, то все происходит не так, как задумывалось, — видимо, Блаж имела в виду эксперименты Хамана на собаках, которые ее уже достали, поскольку она не предусмотрела некоторой защиты от животных и от таких врожденных заболеваний, как у Балды.

— Давай для начала пообщаемся и узнаем, кто такой Балда и как устроен мир, в котором он живет, расскажем ему, кто мы такие и из какого мира мы сами. Глядишь, и нам будет хорошо, и у него будут приятные сны.

— Раз он человек, то его мир — это Солидус через миллионы лет после нашей смерти, — заметила Блаж.

— Во-первых, это и по собакам можно было понять, во-вторых, может, человеческие маги уже населяют другие планеты, а в-третьих, думаю, с миллионом лет ты преувеличиваешь.

— О, простите! Разумеется, ментальному магу созидания и телекинеза Зулей-Бхану великому все гораздо виднее из созданного мною мира, в котором понятия времени не существует вовсе. И собак могли завезти на другие планеты. А этому Балде, который никак не связан с магией, в другие миры путь заказан.

Блаж не смутил факт того, что, по ее словам, бродячих собак почему-то могут взять на

другие планеты, а человека без магии не могут. Сейчас Блаж говорила не потому, что верила в свои слова, а потому, что они опровергали слова Астароникуса. Балда понял, что, как бы он не хотел, но если он продолжит с ними общаться, то ему так или иначе придется погрузиться в странный мир отношений этих двух магов, которые состоят в браке неизвестно сколько тысяч лет.

Внезапно что-то ударило Балду сзади по ногам, и он плюхнулся на удобный, широкий и мягкий стул с такими же мягкими подлокотниками. Ему еще предстояло узнать, что это обычное кресло. Точно такие же оказались под сидящими Блаж и Астарароникусом. Деревья и птицы исчезли, а песчаный остров уменьшился настолько, что волны накатывали прямо на ноги. Метаморфозы одежд продолжились, и оба мага и Балда вместе с ними сидели босые в легких белых туниках. Только прическа Блаж осталась такой же, — открытый красивый лоб и собранные в черный хвост волосы.

— Ну что же, раз все выходит не по плану, то начнем еще раз. Меня зовут Вернер, такое магическое имя мне дали в школе магии за верность традициям школы, искусству магии и отстаивание прав и свобод магического сообщества. Мою супругу зовут Блаж, сокращенно от Блаженная, но на этот счет есть некоторые сомнения. За что она получила такое прозвище, до сих пор тайна, покрытая мраком

Блаж молча улыбнулась, решив пока не мешать мужу. Возможно, у него наладить общение получится куда лучше, чем у нее.

— Трудно сказать, кто сейчас у кого в гостях: мы с Блаж в твоём разуме или ты в нашем обучающем симуляторе, поэтому начну с нас и постараюсь вкратце описать, кто мы и откуда. Если у тебя будут возникать вопросы, то смело перебивай меня, спрашивай и уточняй. Когда-то, видимо, уже очень давно, мы жили на планете Солидус в независимом межгосударственном магическом городе Смарагде, выросшем вокруг высшей школы магии и, как и ты, принадлежим к цивилизации людей, которая на тот момент была единственной развитой цивилизацией на планете...

Здесь Балда его прервал, задав вертящиеся на языке вопросы о планете, стране и цивилизации. Блаж плавно и манерно положила подбородок на ладонь и с прекрасной улыбкой приготовилась слушать эту увлекательную беседу. Вернер посмотрел на нее с задумчивым лицом и стал аккуратно отвечать на вопросы Балды. Оба мага могли ментально общаться так, что Балда их не слышал, и они даже немного поспорили, стоит ли давать ему такой объем знаний для первой встречи, чтобы эта встреча не оказалась последней, и стоит ли вообще мотивировать его на следующие встречи. Но Вернер рискнул, и голубое небо вокруг них сменила темная ночь и звезды начали носиться совсем рядом и планеты замелькали так, будто кто-то перекидывался в небе огромными шарами. Все, что сидящий с открытым ртом Балда понял из последующего небольшого экскурса Вернера, — это то, что мир намного больше, чем он мог себе вообразить.

Не слишком вдаваясь в подробности, чтобы не утомлять и не увлекать мелочами, Вернер показал Балде довольно точное изображение Солидуса с высоты, хотя на самом деле это они смотрели вверх. Вернер показал ему множество разных стран, которые были в их время, и территорию, которая принадлежала школе магии. На небольшом расстоянии от школы, по меркам планеты, находились очень знакомые холмы и горы, которые Балда не смог бы узнать, даже если бы очень хотел, потому что никаких особых примет у этой местности не было. Обзорный вид школы поразил Балду, так как она представляла собой целый город, который по размерам превосходил все города, что он видел. Условные маги с

плохо различимыми лицами бродили по городу и были одеты в красивые просторные одежды. Кроме магов, угадывались торговцы, ремесленники, рабочие и другие горожане, задействованные в обслуживании магов и магической школы. Даже был слышен фоновый шум города, в котором невозможно было выделить какой-то один голос. Балда подумал, что вся эта размытость либо какой-то элемент защиты от посторонних глаз, либо специфика работы артефакта, либо особенность его сна.

Обещавшая быть увлекательной история превратилась в диалог, в котором чередовались вопросы и ответы, потому как вопросы Балды порой вызывали изумление и вопросы у обоих магов, а встречные вопросы Вернера удивляли Балду, и все повторялось. Блаж молча и задумчиво слушала.

Вскоре настала очередь утомленного невообразимым потоком знаний Балды рассказать о своем мире, и он понял, что после истории магов его рассказ будет совсем блеклым и невзрачным. Но он начал описывать все, что знал о мироустройстве, потому что это была история не только для них, но и для него самого. Еще несколько часов назад он не имел ни малейшего понятия о том, кто он и откуда, и вот теперь ему выпала возможность достать некоторые знания о себе и о своем мире из глубин своего же разума. Из расплывчатых описаний мира Балды и его ближайшей истории маги поняли, что случилось то, чего они боялись еще при своей жизни, — великая магическая война. Балда с помощью Вернера сообразил, как воспользоваться небом над их головами и визуализировать то, что видел. Он показал им вблизи знакомые ему города-государства, поселения, рынки, конюшни и кузни, дома и перевалочные станции. Немного рассказал о своем все еще смутном детстве, об утраченной матери, о забравшем его дяде и об их команде охотников.

— Вот видишь, с момента войны прошло две тысячи лет, а не миллионы. И даже если она началась позже, чем предполагали все прогнозы наших славных пессимистов, то с момента нашего перевоплощения прошло максимум три тысячи лет, — сказал Вернер Блаж.

— Вот видишь! — Блаж кривлялась. Она снова выпрямилась и держала руки на подлокотниках. — Кто-то говорил, что великая школа магии простоит еще сотни тысяч лет и станет центром единого мира, в котором не будет ни стран, ни правителей, ни войн, и все будут счастливы, а магия станет служить на пользу каждому человеку! Поздравляю! Половина твоих прогнозов сбылась: нет никаких стран, а магия доступна каждому. Правда, была всего одна коротенькая война и мир снова деградировал до городов-государств, меняющих правителей как перчатки, но это же мелочи!

Вернер смотрел на ее раздражение с такой нежностью, что было ясно: что бы она ни сказала, что бы ни сделала, как бы себя ни повела, он все равно будет ее любить, он ее такую когда-то и полюбил, и поэтому до сих пор вместе с ней в ее мире. Балде было немного неловко все это чувствовать и тем более слушать, но выбора у него не было. Маги попросили показать им его друзей и родственников, его маму, и того, кто продал ему артефакт. Балда показал им людей очень похожих на его друзей и старика Хамана, только вот лица их тоже сделал неразличимыми.

— Ты можешь показать их лица более четкими! — произнес уверенный голос, который прозвучал так ясно и так глубоко внутри разума Балды, что показался ему своим собственным, убеждающим себя же сделать рывок и достигнуть лучшего результата. Но бесчисленные мелочи, вроде вибраций сомнения в этом голосе, слишком глубокого проникновения и той плохо сглаженной разницы между тем, каким слышал свой голос Балда, и тем, как его слышали все остальные, — все выдавало вмешательство со стороны, а

магом ментального общения здесь был только Вернер. И эта провалившаяся попытка внушения снова подорвала доверие.

— Значит, и вы могли показать лица магов вашей школы более четкими! — Балда сказал это, глядя в глаза Вернера, по которым скользнула улыбка удивления. А вот лицо Блаж выразило такой восторг, что даже если бы она хотела его скрыть, ей бы все равно не удалось. Она повернулась к мужу и нежно спросила:

— Дорогой, знаешь, как выглядит магическое дно?

— Нет, не знаю, хочешь мне показать? — его отговорка ничуть ее не смутила.

— А выглядишь так, как будто знаешь, — она показала свои жемчужные зубы. Ее развеселила собственная шутка, концовка которой была ясна с самого начала, это поняли и Балда и Вернер. Блаж повернулась к Балде, все еще довольная собой и посмотрела на него с нескрываемым восторгом. — Для человека, который не владеет магией с рождения, но с рождения оказался заперт в ловушку памяти, ты чертовски умен и осторожен. Я чувствую твое недоверие, но ты должен понять, что такое же недоверие испытываем и мы, видя перед собой того, кто по всем установленным нами правилам не может здесь находиться и вообще не должен пользоваться этим артефактом. Где-то оказалась упущенная мною лазейка. В нашем мире очень редко рождались дети с подобным дефектом памяти и обычно это легко исправлялось лечебной магией, которой в магической школе обучали всех. И уж тем более мы даже и представить не могли, что артефакт когда-нибудь выберется за пределы школы.

Артефакт, который, кстати, называется «Болиголов», предназначался для представителей других планет, направленных в школу магии Солидуса для обучения и ознакомления с нашей планетой. Но на момент создания артефакта, который, к слову, был продуман и разработан лично мною, не было никаких признаков иных цивилизаций на Солидусе и вне его. Каждый маг, чье время жизни подходило к концу, мог выбрать обычную тихую и спокойную смерть или найти способ, каким он продолжит жить уже без тела после своей смерти. Если маг выбирал вторую жизнь, то он мог либо продолжить приносить пользу магическому сообществу, а значит, и получить защиту школы и гарантию того, что сосуд, в который заключат его магический разум, будет находиться в безопасности и использоваться по выбранному магом предназначению, либо стать условно свободным джинном. Мы с Вернером выбрали такой вот странный способ, который был сильно раскритикован, потому что многим такой артефакт казался абсолютно бесполезным на момент его создания, и как ты уже понял, он до сих пор ни разу не выполнил свое предназначение. Но те, кто понимал меня и мою, скажем так, немного не простую натуру, считали, что этот вариант не так уж и плох, потому что он как минимум избавит учеников школы магии от встреч со мной. Эти шутники были моими лучшими друзьями.

После рассказа о твоём мире у нас обоих появилось тягучее чувство грусти и тоски, которые мы, возвращённые в благоприятном и беззаботном мире, не привыкли показывать. Если все, что ты нам рассказал, правда, в чем я не сомневаюсь, то нашей школы магии уже давно нет, мир раздроблен и беден, а сама магия стала доступна каждому без разбора.

— Наши попытки манипуляции твоим разумом, которые ты успешно пресек, не что иное, как попытка понять и проверить, с кем мы имеем дело, а также определить твои способности. Если бы ты был по-настоящему глуп, то мы бы смогли убедить тебя, что это всего лишь странный сон. Окружили бы тебя странными видениями, запугали бы, навели бы на разные мысли, в общем, сделали бы все, чтобы ты спрятал этот артефакт в укромное место и больше никогда его не надевал. Но то, что ты, страдающий от перманентной

амнезии, смог воспользоваться нетерпением Блаж и спровоцировать ее раскрыться, а после раскусил мою попытку манипуляции, говорит о твоей незаурядности. Никто не может начать бежать с первого шага в своей жизни, но, пожалуй, такую метафору я мог бы применить в твоём случае. Ты не одарен магией с рождения и не приобрел ее навыки — это мы хорошо ощущаем, но тем удивительнее твои способности! — Вернер и хвалил, и одновременно выпутывался из неловкой ситуации, в которую они с Блаж попали. Точнее, попал в нее только Вернер, потому что Блаж все видела совсем в ином свете. Эти отговорки могли означать, что у Балды было какое-то преимущество, и он точно мог выбраться из этого сна без вреда для себя. Но это все еще было лишь предположение, потому что он помнил угрозу Блаж растопить его мозг, если бы он оказался дикой псиной.

— Вы можете общаться так, что я вас не слышу? — спросил Балда. Блаж аж вскочила на ноги и вскинула руки в диком восторге. Ей это казалось элементарным. Она ошарашила этим вопросом двух преподавателей в первые дни обучения в школе магии, когда поняла, что их слова уж слишком дополняют друг друга. И смех одноклассников стихал по мере того, как они замечали удивленные глаза учителей. И вот появляется человек, который с лету понимает то же, что и она поняла тогда, тысячи лет назад.

— Ты слышал, что он спросил? — она схватила Вернера за плечи и начала трясти.

— Ты преувеличиваешь, Бла-а-а-аж! — Вернер не был в таком восторге, как Блаж, но ее радость передавалась и ему. Она уgomонилась и вернулась на свое место.

— Да, мы можем общаться друг с другом. Такую связь могут установить между собой двое или более магов, не обязательно быть мужем и женой. И, как оказалось впоследствии, мужу и жене это очень даже мешает. Кто-то постоянно пытается до тебя достучаться, когда ты наслаждаешься одиночеством и гармонией со своим миром и совершенно не желаешь никого слышать! — повысившая голос Блаж кивнула в сторону Вернера, как будто Балда мог понять ее неверно. Он хотел ответить ей, что хоть такой связи установить ни с кем не может, но тоже желал бы некоторых подробностей не слышать, однако мудро промолчал.

— Да, мы давно не виделись, с момента последней активации артефакта. Три тысячи лет брака все-таки сказываются на отношениях, — эти слова Вернера немного прояснили его влюбленный соскучившийся взгляд. Видимо, они периодически ссорятся и мирятся, что, кажется, естественно для многих семейств и в более коротких браках. Но если они продолжат использовать его для выяснения отношений, то он не выдержит и выйдет из этого занудного сна.

Настало мгновение тишины. Все некоторое время молчали, переваривая это знакомство. Блаж уже сидела на широком пуфе, поджав ноги и выровняв спину. Вернер облокотился на руку, и оба они разглядывали Балду. Тот, в свою очередь, сидел менее расслабленно, потому что еще не привык ко всему происходящему, и переводил взгляд с одного лица на другое. Небольшое количество вопросов в самом начале общения, как брошенный с горы снежок, вдруг превратилось в снежный ком, и никто не знал, за что схватиться. В общих чертах, всем все было понятно, но частные случаи, мелочи и подробности оставались размытыми.

— Вы и в жизни выглядели так, какими я вас вижу? — нарушил тишину Балда.

— Нуууу, в целом да, — заулыбалась Блаж. — Так мы выглядели в свои лучшие годы, когда были еще молодыми, амбициозными, здоровыми и сильными. А так, мы попали сюда уже будучи дряхлыми стариками, на которых и смотреть-то без боли и отвращения нельзя, особенно на Вернера.

Таковыми подколками Блаж могла развлекать только себя и сейчас вот немного

рассчитывала на Балду, потому что на Вернера они не производили ни малейшего впечатления. Вернер высказывался в ее сторону мягче и реже, но и на это она бурно реагировала. Но, раз они оба, так сказать, живы и хорошо выглядят, то, видимо, убить друг друга они здесь не могут. В какие-то моменты их это сильно огорчало, в какие-то радовало.

— А твое лицо? Давно ты себя видел в зеркале? — спросил Вернер.

— Здесь вам повезло. Я как раз смотрелся в зеркало, когда на меня надели ваш «Болиголов», — он махнул рукой, и перед ним возникло зеркало. Его образ оказался совсем таким, каким он его видел недавно, только без платка.

— А мальчик быстро освоился. И свой мир смог показать, и уже легко представляет вещи! — сказал Вернер.

— Это произошло потому, что ты смог осознать, что находишься во сне, — обратилась к Балде Блаж. — Даже на этапе испытания артефакта, когда у него еще не было защиты, наши друзья маги не сразу могли понять, что они во сне, и пытались пользоваться магией так, будто все происходит на самом деле. Естественно, у них ничего не получалось. Когда ты осознаешь свой сон — ты становишься всемогущим, в пределах сна, разумеется.

— Вы говорили, что Вернер — маг ментального общения, телекинеза и созидания, а ты, Блаж, маг перевоплощения и какого-то контроля. То есть Вернер может общаться со мной без слов и создавать вещи, а ты изменять наряды? Я могу звать тебя Блаж? Или Блаженная?

— Зови как хочешь! Можешь даже полным именем, если запомнил. Я так не запоминаю. А про магию все верно — так было при нашей жизни. Здесь же мы оба можем делать что хотим, и общаться, и создавать, и перевоплощаться. Кстати, раз никто не спрашивает, то отвечу, — уникальность «Болиголова» заключается в том, что ты можешь получить полноценное обучение во время сна! И в твоей ситуации об этом даже никто не узнает.

— Думаю, все всё узнают. Результаты обучения всегда можно увидеть по умному лицу того, кто приобретает опыт и знания. У тебя изменится речь, поведение и взгляд. А учитывая то, что «Болиголов» сразу же раскрыл все закупоренные каналы твоего разума, что стало неожиданным даже для нас, то это будет видно очень скоро. И твои близкие, и друзья поймут это раньше всех. Так что, если захочешь скрыть произошедшие в тебе изменения, то придется немножко притворяться.

Утверждения и Блаж, и Вернера дополняли одно другое и были верны. Но последние слова Блаж противоречили словам Вернера, что опять выводило их на внутреннее противостояние.

— Как я могу получить обучение, если не являюсь врожденным магом и даже не владею приобретенной магией? Почему ты думаешь, что я захочу скрыть эти изменения?

— Во-первых, обучаться можно чему угодно, не обязательно магии. Во-вторых, ты можешь магию приобрести — неужели не догадался, — ранее Блаж удивлялась его проницательности, а сейчас уже не принимала малейших промашек. — И чтобы ты знал, мы не врожденные маги, как и большинство сильнейших магов школы магии.

— Есть мысль, что вот это разделение как раз и было одной из причин той войны, — заметил ей Вернер. — А что до сокрытия изменений, то это тоже просто. Ты сказал, что тебя зовут Балда, но это же не имя. Не сказать, что это совсем грубое погоняло, но и не кличка. А раз ты не назвался своим именем, то либо уже совсем отвык от своего настоящего имени, либо ты его даже не знаешь.

— Заткнись! — глаза Блаж наполнились агрессией и пронзили Вернера. — А ты не

слушай его. Имя — это как называет тебя тот, кто тебя любит, ничего больше. Если у тебя была мама, то у тебя есть и имя. Все то время, что ты жил со своей болезнью, ты не являлся полноценным участником жизни, и в твоём имени, даже если бы его знали, для тебя не было бы никакого смысла. А сейчас смысл снова начал появляться. Ты или вспомнишь, как тебя звали, или придумаешь себе имя сам. В крайнем случае я назову тебя.

— Ты решила, что я обижаюсь на «Балду»? — этот гнев Блаж был такой невыразимо прекрасный и будоражащий, что волосы на руках спящего Балды зашевелились. Будто сама мама встала между ним и всем миром, выпустила когти и приготовилась порвать всех в лоскуты. Может быть, в этом и заключается её настоящая магия перевоплощения! — Мне нет дела до того, что думают остальные. Балда так Балда, кличка или имя, — мне все равно. Мне нравится наша лучница Хлоя, и, когда она говорит мне «Балда» своим нежным голосом, мне кажется, что имени лучше ещё не придумали.

Блаж втянула невидимые когти и перевоплотилась обратно в ту веселую Блаж. Балда не смог вовремя отделить речь от мыслей и сейчас уже думал, что сказал лишнее.

— Но Вернер прав, — он продолжил. — Я буду скрывать своё изменение, потому что не знаю, как к этому отнесутся близкие мне люди. До «Болиголова» мне думалось, что все они хорошие и не дадут меня в обиду, но, как только я надел его, во мне включилась какая-то внутренняя защита, которая заставляет меня сомневаться и быть осторожным. Я, конечно, верю моему дяде и его друзьям, только ведь навредить можно не только напрямую, но и случайно, сказав лишнее, или вообще из добрых побуждений.

— Ох, если бы ты была такой же осторожной, когда мы учились! — Вернер сложил руки на груди и, кажется, вспоминал былые годы. — Она выбешивала преподавателей и срывала им лекции ещё во время учебы. А когда они узнали, что она решила остаться в школе работать, то некоторые решили сменить род деятельности.

— Ох, если бы, если бы! — вздохнула Блаж. — Сидела бы я сейчас здесь в прекрасном одиночестве, и никто бы не засорял мой разум всякой сопливой ерундой.

— Нет. Ты бы развлекала зрителей в цирке, вытапливая мозги бедным собачкам, — в этот раз Вернер был остер, и Балда невольно улыбнулся. Блаж приняла эту шутку с дьявольским терпением. Она ещё пообщается с Вернером, когда Балда проснется.

Вернер замер на доли секунды, и Блаж скривила губы — было видно, что они о чём-то переговариваются.

— Судя по твоему состоянию, сон близится к концу, — с грустью сказала Блаж. Они уже насиделись и стояли втроем на этом пяточке, обдуваемом ветрами и омываемом пересекающими друг друга волнами. — Хоть для нас время уже и не существует, но мы можем определять состояния сна носителя артефакта. За один сон всего не узнаешь и всего не поймешь, поэтому хочу у тебя узнать...

— ... не запрячу ли я «Болиголов» в какой-нибудь тайник и не предпочту ли все забыть, как дурной сон? Вернись ли сюда снова? — закончил её вопрос Балда. Блаж прикусила губу. — Зачем я вам? Я же не инопланетный представитель другой цивилизации, которого вы ждали! Я буду вас отвлекать от вечного наслаждения одиночеством и гармонией. Вам обоим придется общаться со мной, человеком из примитивного мира.

Все эти «зачем» были настолько наивным и детским желанием услышать, что он им нужен, что ему самому вдруг стало неловко. И Вернер, и Блаж это поняли и тоже странно заулыбались.

— Ну, вечное блаженство тоже немного утомляет, — ответила Блаж, по-прежнему глядя

на него снизу-вверх. — Да и ты оказался не такой уж дурачок, каким себя выставлял. Мы можем тебя научить чему-нибудь интересному. Я бы назвала это конкретными словами, если бы слова могли хоть что-то передать. А Вернера я уж как-нибудь потерплю ради возможности пообщаться с живым человеком и узнать что-нибудь интересное о новом мире.

— А у вас там есть молоденькие девушки, с такой же болезнью, как у тебя? — прозвучало что-то на грани ревности и зависти от Вернера.

— Очень смешно, дорогой! Очень! — за слово «дорогой» от Блаж Вернер был готов пойти и в огонь, и в воду. Собственно, он и пошел за ней в придуманный ею мир.

— Если я выброшу ваш «Болиголов», то опять вернусь в тот мрачный туман, в котором провел всю свою жизнь. И, думается мне, что я уже никогда больше его не сниму.

— Ну, ты можешь носить его только днем, а на ночь снимать и спать себе спокойно! — Вернер не успел отскочить, как выпрыгнувшая из перевоплощающейся Блаж огромная рыжая в полоски кошка снесла его с ног и после нескольких кувырков оказалась на нем, прижимая его лапами к песку, который заблаговременно высвободили волны, отступившие подальше от этой дикой женщины. Над лицом Вернера нависла огромная оскаленная морда с длинными клыками, с которых прямо на щеки поверженного мага капала густая и липкая слюна. Он сморщился, пытаясь увернуться от этих подарков судьбы, но сделал только хуже.

— Я все понял, беру свои слова обратно. Балда, заходи к нам в любое время, можешь даже не стучаться, — кошка, по форме похожая на огромного леопарда, только с играющими светом и тенью блуждающими полосами, лизнула своим широким шершавым языком лицо Вернера от подбородка до самых волос, намочив их. Кошка встала на задние лапы, превращаясь обратно в Блаж, и потянула за собой руку Вернера, помогая ему встать.

Значит, она может перевоплощаться и так, заметил Балда. Они вернулись к нему, и Блаж вспомнила, что хотела спросить:

— Что ты почувствовал после того, как снял «Болиголов»?

Балда и сам хотел спросить о действии артефакта, только этот вопрос временно затерялся в толпе вопросов.

— Через час, когда мы подошли к дому, в котором остановились на ночлег, я почувствовал, что мою память опять затягивает туманом, и я снова начинаю все забывать.

— Я еще не понимаю, как «Болиголов» воздействует на таких, как ты, но обязательно выясню. На всех остальных он должен оказывать успокаивающее и расслабляющее действие, чтобы знания, полученные в процессе обучения, легче усваивались. Рекомендую надевать «Болиголов» повыше и носить под капюшоном, если планируешь его скрывать. А вообще, можешь его днем снимать, — зачем притворяться дурачком, если можно им просто быть.

— Твои слова очень обнадеживают! — сказал ей Балда. Все поняли, что здесь была и настоящая надежда, и доля иронии. — Только если я сниму его днем, то смогу совсем про него забыть и не надеть на ночь.

— Не забудешь! — Блаж взяла его левую руку, выпустила когти и крест-накрест рассекла предплечье ближе к кисти. Дважды кольнуло руку, но никаких следов крови на месте пореза не было — только несколько пересекающихся и образующих ромбы тонких полосок. Теперь было понятно, откуда появился этот интересный узор из полос. — Ну что же, до встречи.

Балда хотел обратиться комком света и улететь в поисках выхода, но Блаж толкнула его в грудь, и, падая, он чуть вздрогнул и открыл глаза на тахте в гостиной, где заснул.

— Вставай!

Мягкий шепот резко контрастировал с силой, с которой нежная девичья рука трясла Балду за плечо. Хлоя уже успела подняться, утереть слюни и умыться. Судя по веселому и озорному лицу, она хорошо выспалась.

— Нас ждут удивительные приключения!

— Ты права, я уже в предвкушении борьбы с нежнейшими курами и молочным поросенком, — ответил Джоф. Он с Кристофом уже был здесь, и оба выглядели довольно бодрыми. Джоф без кольчуги полулежал на той единственной дубовой лавке, которая могла его выдержать, а Кристоф снова разглядывал карту вин, изображая мимикой муки выбора. Время приближалось к обеду, и все, кто хотел, успели выспаться и даже помедитировать перед предстоящим боем с голодом и трезвостью. Яркий свет из окон освещал всю гостиную, хотя солнце было где-то высоко над крышей. Легкий тонкий дымок из камина говорил о том, что огонь недавно погас. Роджера в помещении не было, а значит, он уже мог видеть Балду спящим и знать, что тот надевал на ночь «Болиголов». Эта мысль Балды почему-то преобладала над мыслями о Хлое, хотя раньше он думал о ней каждый раз, когда она попадала в поле его зрения.

Балда поднялся и сел на топчане, постепенно приходя в себя после странного сна. Он снял капюшон, вместе с которым незаметно стянул с головы и магический платок, сунул его в карман и пошел искать бочку с водой, чтобы умыться. Хлоя схватила свой лук и тоже выскочила за ним. На пороге она прогнулась в спине и, как цветок, потянулась к солнечному свету. Возле бочки Роджер умывал лицо, что было довольно редким явлением. Значит, он тоже поднялся совсем недавно. Балда подошел к бочке, стоящей справа от Роджера, засучил рукава и сразу же заметил на левом запястье почти невидимый рисунок из пересекающихся линий. Мысли спрятать руку или закрыть запястье посетили его, но были отвергнуты, так как могли вызвать лишние подозрения. Рисунок находился вне поля зрения Роджера, и Балда просто умылся, стараясь вести себя естественно. Только вот приходилось вспоминать, как он обычно себя вел.

Он отошел от бочки и снова взглянул на рисунок, провел по нему пальцами правой руки и ощутил чуть заметную шероховатость. Значит, все это было правдой! Существует целый мир внутри одного магического предмета, и теперь на нем стоит метка, что он там был. Нет, метка ему нужна для того, чтобы он не забыл надеть «Болиголов» перед сном, потому что без поддержки артефакта к вечеру весь его эффект может рассеяться. Рваные края медленно наползающего тумана уже появились на окраинах разума и пугали своим хоть и медленным, но непрерывным продвижением.

Дверь отворилась, и на пороге показался Кристоф.

— Балда, помоги дяде надеть кольчугу. Я не для того обучался магии, чтобы надрывать себе спину такими тяжестями! — Балда скрылся в доме, откуда вскоре послышался звон кольчуги и звуки кряхтения и возни.

— Ох, старичок, как же ты будешь кружку с пивом поднимать? Неужели нам опять придется тебя поить? — у Хлои было хорошее настроение, и она с радостью унижала своих друзей.

— У меня за годы опыта все рассчитано до мелочей: левой рукой я могу поднять пинту

эля, а правой нацепить на нож фунт мяса, так что за это не переживай.

— Так ты же набирался опыта в Товерне. Ты что, не знаешь, что товернская пинта глотка на два меньше, чем соларсбургская? — блеснул познаниями Роджер. Кристоф не знал про разницу между пинтами, но тут же вспомнил их прошлое посещение Соларсбурга. Его еще тогда мучал вопрос, как он умудрился нажраться, если выпил свою обычную меру. Теперь все встало на свои места.

— Ничего страшного, Роджер, будем с тобой отпивать у него по глотку. Мы же друзья! — Хлоя напрягла мышцы скул и бросила Кристофу полный дружеского участия взгляд.

— Мне кажется, что наш Кристоф слишком брезгливый, чтобы согласиться на такое предложение, — сказал Роджер, и Кристоф кивнул в подтверждение его слов. — Поэтому просто попросим трактирщика ему недоливать!

— Точно! — Хлоя подбросила вверх вертлявого «светлячка» и выпустила стрелу одновременно с оглушительным хлопком за спиной.

— О чем речь, он же маг! — дверь чуть не слетела с петель, так резко она вылетела впереди выходящего Джофа, рука которого не успела опередить его не втянутый с утра живот. — Он просто заведет руки за спину и будет взглядом отправлять себе в рот эль и поросят.

В доме уличное перещучивание было хорошо слышно. В более проворной руке Джоф сжимал секиру, с которой вообще очень редко расставался, — особенно в походе, даже если это был всего лишь поход в таверну. Стрела Хлои пролетела мимо цели, и скачущий, словно от радости, «светлячок» бросился ее догонять. Она поморщилась и прочистила пальцем ухо, в котором еще стоял звон.

— Нет, спасибо! Я так больше сил потрачу, чем наем, — Кристоф тоже полез в ухо, не ожидая от Джофа никаких извинений. — Уж ради вас постараюсь поднять соларсбургрлсс..., черт, что за название. Ну ничего, по возвращении в Товерн начнем тренировки с дополнительным весом.

— Уверена, что в Товерне Кристоф никогда не сможет натренироваться на соларсбургской пинте, потому что с таким произношением больше одной не сможет заказать! — Хлоя поймала принесенную светлячком стрелу.

— Глупышка, я напишу название на бумажке и закажу сразу десять. В крайнем случае, пойду с вами, если будете себя хорошо вести. Но хватит уже болтать — нас ждут поросята! — Кристоф пошел к воротам.

— Джоф, зачем ты взял секиру? Думаешь, что молочные поросята как-то сильно подросли и окрепли за последний год? — спросил Роджер.

— Я буду отражать солнечный свет в глаза наглецам, которые косо посмотрят на нашу красавицу-лучницу! — нашелся Джоф.

— Точно! — сказала Хлоя и заскочила в дом, чтобы оставить ненужный в таверне лук.

— Какое солнце в пабе? Наша красавица и есть то солнце, которое будет там всех ослеплять! — Кристоф сразу и возразил Джофу, и сказал комплимент Хлое.

— Кристоф, комплименты девушке нужно говорить в ее присутствии, так больше вероятность того, что она их услышит и оценит, — ответил ему Джоф.

— Ну все, я готова, — Хлоя перепрыгнула порог и, не оглядываясь, захлопнула дверь ногой. — Что вы там говорите?

— Кристоф сказал, что в трактир ходят только слепые, — повторил для нее Роджер.

— Я не так сказал, шутники! — заворчал Кристоф, но повторять комплимент почему-то постеснялся.

Они вышли за пределы территории посольства и направились в таверну, чтобы отлично провести свой единственный день в Разбойничьем Стане. Вообще-то они не спешили, никто их не гнал отсюда, и можно было оставаться здесь хоть на неделю, но внутреннее чутье не позволяло искушаться и привыкать к расслабленному образу жизни. К тому же одного дня, проведенного в «Синей Лошади» было достаточно, чтобы подорвать здоровье и более закаленным в этом деле людям. Вот сейчас закончится весенний сезон, они вернутся домой и там уже недельки две-три, готовясь к летнему сезону охоты, они снова будут проводить вместе в своем доме хорошие добрые вечера, а днем будут отдыхать друг от друга, занимаясь своими делами.

Большинство нормальных людей заходили в пабы ближе к вечеру, когда было уже не так жарко и можно было хорошо посидеть вплоть до самого утра, но Джоф со своей компанией всегда, когда проездом бывал в городе, ходил в таверну к самому открытию, чтобы посидеть там до самого закрытия, потому что — как показывал опыт — время в таверне летело так стремительно, что многие удивлялись, как такое вообще возможно, и думали, что это все какая-то хитрая магия.

«Синюю лошадь» они слышали еще раньше, чем увидели. Возле трактира всегда шла оживленная жизнь с самого открытия в обед и до момента на рассвете, когда людей приходилось насильно выносить, если «Синяя лошадь» заканчивалась или не справлялась. Уже вечером можно было не найти себе хорошего места, а ночью проклятые пьянчуги приезжие заполняли весь город своими телами. К счастью для всех, солнце только делало вид, что работает, потому что, кроме яркого света, никакой жары не ощущалось. Опять вместо ленивого светила вкалывал неугомонный ветерок.

Джоф с Кристофом ускорили шаг, как только показался фасад таверны, но их опередили.

— Малыш Джоф, красавчик Кристоф! Неужели вы снова к нам? — раздались веселые голоса со стороны расположившегося напротив таверны борделя. Яркие и красивые, если не приглядываться, девушки издали махали руками и смеялись. Джоф с Кристофом ускорили шаг.

— Пойдите, пойдите! — догоняя обоих, замахала руками Хлоя. — Кажется вас зовут вон те милые девушки.

— Не может такого быть. Я здесь никого не знаю, откуда меня может кто-то знать? — Кристоф уже спрятался в капюшоне и в активизировавшейся толпе и не понимал, чего они все остановились.

— Да мало ли в мире Джофов. Пойдемте скорее, пока наш обед кто-нибудь не увел, — махнул рукой Джоф.

— Вот вы бедняги, — маска сочувствия появилась на лице Хлои. — У вас такие популярные имена и такая обыкновенная внешность, что вас вечно путают с какими-то тезками проходимцами, которые шляются по борделям, курительным и пабам. Может, давайте вам имена сменим — назовем вас как-нибудь неповторимо и уникально, ведь чистое, никем не запятнанное, имя всегда в почете!

— Нет, спасибо. Мы сильные и сможем вынести этот морально тяжелый груз. Такие испытания лучше всего закаляют воинов и магов! — сказали наперебой Джоф и Кристоф. Они уже протиснулись в двери, так как случайные прохожие на улице начали находить связь

между выкрикиваемыми женщинами именами и конкретными людьми.

— Да и запутаться можно, если каждый год менять опороченные проходимцами имена на уникальные, чистые и незапятнанные.

Кристоф, как и любой из них, всегда становился на сторону сильных троллей. И интерес к этому никогда не угасал, так как сила тролля была непредсказуема и зависела от многочисленных факторов. Балда все больше ощущал надвигающийся туман, но разговор про имена отодвинул его границы. Ему вдруг подумалось, что Балда — это не обидное ругательство, которым уже давно никого и не называют. Балда — это уникальное имя, которым его зовут Хлоя, Джоф, Роджер и Кристоф. Может быть, даже мама так его называла, только нежно и ласково.

— Кристоф, кажется, у нас сегодня не осталось друзей. Надеюсь им найдется местечко в углу под стойкой, если они не успели забронировать места под столами. — Джоф не обиделся, но и умного ответа от нападок Хлои не нашел.

— Н-даааа! — затянула Хлоя и тут же вскочила на какую-то табуретку на входе. — Я думала, ты повыше будешь, а это все иллюзия и магия.

Джоф повернулся к ней, чтобы что-то возразить, но, увидев ее стоявшую на табуретке и все равно оказавшуюся чуточку ниже его, рассмеялся.

— Хочешь рассказать мне стишок во славу неба или решила посмотреть, как будет выглядеть мир с высоты эшафотной скамьи? Думаю, там ты бы выглядела великолепно! — он аккуратно взял ее за плечи и снял с табуретки. — Только вот нельзя повесить птичку, которая ничего не весит.

— Да я знаю, что для тебя все девушки с мешком на голове красавицы! — не лезла в карман за ответом Хлоя. — К счастью, кабана весом десять пудов да с такой шеищей тоже не повесишь, так что болтаться рядом нам не придется.

Их отвлек до боли знакомый звук: пока они обменивались любезностями, Роджер, Кристоф и Балда уже стояли у стойки и высаживали по пинте эля, — за порогом трактира отставших не дожидались.

Довольно просторная зала была усеяна широко расставленными длинными столами с лавками. Между столов там и сям располагались высокие стойки для тех, кто зашел ненадолго, на каких-нибудь пару часиков опрокинуть кружечку другую. Зала таверны уже была забита до отказа и свободных мест за столиками не было видно. Среди огромного количества горожан и приезжих здесь в любое время находились те, кто был голоден и не прочь выпить. За некоторыми столами играли в карты и в кости на деньги. Джоф и Хлоя направились к своей компании, но какой-то половой из obsługi остановил их.

— Вам придется сдать ваше оружие, — сказал он так уверенно, как мог сказать человек либо абсолютно не знавший Джофа, либо абсолютно не ценивший свою жизнь. Он указал на стену слева от входа, где висели мечи, топоры, луки и секиры посетителей таверны.

— Это что еще за новость? — возмутился Джоф.

Здоровяк опустил секиру древком на плечо полового, чуть не отрезав ему ухо и вынудив его немного присесть на подкосившихся ногах. Джофа начинало напрягать, что его спутники уже на пинту впереди него, а его красавица-лучница еще ни в одном глазу.

— Уже как год ввели новые правила для посетителей, — менее уверенно произнес человек. За его спиной другой половой поднес к столику доску с ароматными подкопченными свиными голяшками, из которых торчали несколько здоровых ножей, а за соседним столом бородастый детина с громким хрустом разрубал топором огромную кость.

— А зачем сдавать свое оружие, если его все равно принесут с едой? — тоже не поняла Хлоя.

— Во-первых, это не оружие, а столовые приборы. Во-вторых, зачем портить свое оружие, если вам все принесут? Мы заботимся об интересах и удобстве наших постояльцев и посетителей, — половой выдавил из себя не очень ровную улыбку, видимо, древко секиры защемило шейный нерв.

— В этом есть резон, — подогнала Хлоя тупившего Джофа, у которого в голове было слишком сухо, что задерживало ход мыслей.

— Пусть так, только аккуратно, не поцарапайте!

Джоф отпустил руку, и топориче съехало на плечо полового, а низ древка стукнул его по коленке. Малый не дрогнул, иначе бы он здесь не работал.

— Как можно поцарапать такой дорогой магический артефакт?! — с удивлением спросил проходящий мимо подвыпивший знаток.

— Не поцарапайте посетителей и стену! — уточнил Джоф. — Хозяин мой старый знакомый.

Половой потащил на себе секиру к стене, размышляя, как такую громадину повесить, а кабан и птичка наконец-то добрались до стойки: Джоф быстро опрокинул в себя пинту эля и поставил рядом с уже пустой кружкой Хлои. И вот теперь он уже со спокойным видом высматривал их любимое место и искал свободного полового. Если сейчас все было занято, то вечером и ночью здесь было столпотворение и к этому времени нужно было занять местечко под солнцем, а, точнее, их любимый столик в затемненном углу, мимо которого шастало меньше пьянчуг.

Балда уже был в легкой дымке тумана, но не мог понять, было ли это внутри его головы или же где-то курили кальян. Кристоф был в хорошем настроении от эля, а Роджер от того, что увидел интересный символ на левом предплечье Балды. Хлоя заметила знакомого барда за одним из столов и прикидывала, сколько он еще будет пить и сколько трезветь, прежде чем начнется музыкальное представление, — ей хотелось послушать хорошую музыку и узнать какую-нибудь новую песню. А пока что местные музыканты что-то грустно поигрывали невпопад, — хозяин запрещал им пить до вечера, чтобы они не расслаблялись и развлекали публику, хотя все кроме него понимали, что развлекать публику музыканты начнут только когда выпьют. Джоф слегка прогнул стойку, облокотившись на нее всем весом своего тела, и бросил взгляд в сторону их столика. Там, вызывая его возмущение и гнев, уже ютилась какая-то странная компания: какой-то пухлый здоровяк сидел на его любимом широком и прочном стуле, а рядом с ним восседали двое худощавых спутников и смазливая девчонка. Ничего не подозревающий половой, несшийся мимо Джофа с подносом мясной нарезки, был резко остановлен внезапно возникшей перед ним огромной рукой. Поднос понесся дальше вперед, где был перехвачен Роджером, который, не отрываясь от кружки, поймал его свободной рукой и круговым движением поставил на стойку. На мясо тут же слетелись голодные Хлоя и Кристоф.

— Уважаемый! — неуважительно обратился к половому Джоф. — У нас сегодня заказан самый лучший столик с чудесными и широкими стульями вон в том прекрасном уютном углу. Но я вижу, что там уже кто-то сидит.

Джоф аккуратно, чтобы не сломать шею, повернул лицо полового в направлении нужного стола.

— Я бы и сам решил этот вопрос, но мне нашептали, что мы находимся в культурном

заведении культурного города, поэтому у тебя осталось очень мало времени на улаживание вопроса, пока выпитый мною эль не всосался в кровь.

— Минуточку! — половой достал из кармана грязного передника некий листок, сверился с ним и сказал:

— Все верно: столик в углу заказан на толстяка, трех худосочных мужчин и прекрасную, как лесная фея, девушку. Они там и сидят, как видите.

Джоф мрачно задвигал губами. Жизнь с Балдой сделала его чуточку терпимее к дуракам, к тому же половых было не так много, чтобы выводить из строя одного из них. А вот к хозяину таверны появились вопросы.

— Джоф! — тонкая рука Хлои легла на его похожую на бревно в кольчуге руку и убрала ее от шеи полового. — Они просто ошиблись, не смогли в темноте отличить смертную от феи. Сейчас все исправят. Ведь исправите?

Половой закивал и побежал сразу по кратчайшей траектории к нужному столику и стал что-то неуверенно объяснять сидевшему на стуле Джофа толстяку. Джоф наблюдал все это поверх стенки очередной пинты эля. Хлоя воткнула ему в зубы кусок мяса с доски, которую они отбили у полового. Остальных стояние у стойки не напрягало, они знали, что сегодня еще насидятся. Роджер узнал того толстяка — это был Соларус. Для всех остальных это был балагур, весельчак и сын нынешнего управителя Соларуса. Странные совпадения или просто случайности? Не исключено, что этот единственный в таверне широкий стул был сделан специально для Соларуса, а Джоф на нем всегда сидел только потому, что Соларус в те дни не посещал «Синюю лошадь».

— Джоф, ты знаешь, кто этот толстяк? — спросил Роджер.

— Я знаю только, что он занял не то место. Будь мы в более честном городе, то уже давно бы сидели за любым понравившемся нам столом!

Джофа переполняли противоречивые чувства от того, что в городе с названием Разбойничий Стан люди, большинство из которых когда-то были разбойниками, казались более равными в правах, чем за его пределами, и соблюдали законы даже в тавернах, тогда как в их родном Товерне при всей показной законности в пабах и подобных им заведениях были свои особые правила.

— Значит, сейчас состоится неловкое знакомство. Это сын Соларуса!

Кристоф чуть не поперхнулся элем от слов Роджера, Хлоя удивилась, а Джоф пока решил не думать.

Толстяк повернул голову, поднялся из-за стола и что-то сказал половому. Тот быстро помчался освобождать какой-то столик от успевших насинячиться гостей. Друзья толстяка тоже начали подниматься и пошли за половым, в то время как толстяк с улыбкой спешил к Джофу. Когда он подошел, то оказался ниже Джофа на полголовы. Он протянул ему руку и крепко пожал.

— Рад видеть в нашем городе такого достославного охотника за монстрами. Давно наслышан о вас и вашей команде. Знаю, что вы уже посещали нас раньше, но вот видеться нам не доводилось, — он одновременно говорил и тряс руку, будто это уже его собственность и он не собирается ее отпускать. — Я сын городского управителя, Соларус-младший. Хозяин таверны отлучился, у него жена рожает, а эти дураки половые даже не поняли, кто сегодня будет почетным гостем.

Он наконец-то отпустил руку Джофа. Этот толстый малый был невероятно силен, такого рукопожатия Джоф не мог припомнить. Хотя, конечно, не все силачи, которых он

знал, так вкладывались в рукопожатие, он и сам жал руки аккуратно, зная свою силу.

— Я тоже рад знакомству. Неожиданная встреча. Но приятно осознавать, что человек из элиты делит трапезу с простыми горожанами, — Джоф изобразил на лице что-то наподобие улыбки.

— Хо-хо, пустое! У нас здесь нет бедных и богатых, а значит и нет расслоения, — Соларус, понимаете, врал. Расслоение было, но было оно негласным и почти незаметным для приезжих и посторонних. Богатые и бедные также были в наличии. — Оказывается, мы с вами делим один стул для здоровяков. Но сегодня он ваш по праву. Сейчас вам накроют стол, а мы с моими друзьями переместимся за соседний.

— А как же стул? — влезла Хлоя.

— Стулья, лавки... — главное, чтобы компания была хорошая, — он перевел взгляд на лучницу. — А вы, значит, та самая Хлоя — ловкая и смелая лучница с прекрасным голосом? А это, кажется, небезызвестные искусный маг Кристоф, доблестный Роджер и племянник Джофа.

Роджер был приятно и неприятно удивлен. Знал ли Соларус о нем как о партнере Джофа или же он знал что-то большее? В галантности и учтивости ему не откажешь: мало кто называл Балду племянником Джофа. Кристоф почувствовал магическую ауру Соларуса, отметив, что тот, может, и не искусный маг, но сила его магии довольно велика. Балда не обижался на Балду, поэтому и не радовался на «племянник Джофа». Хлоя, когда обратились к ней, чуть приподняла уголки губ, показывая, что она не глухая и комплимент услышала, но не более того.

— Так, может, найдется стол, который вместит нас всех? — спросил в никем не оцененном порыве Кристоф. Хотелось расслабиться в своей компании, а не утруждать себя церемониями, ненужными беседами и, не дай небо, объяснять шутки или же вообще не шутить. Но как бы не хотелось, все шло к совместной трапезе, за которой Соларус, возможно, сделает им, как охотникам, какое-нибудь интересное предложение.

— Почему бы и нет? Не каждый же день доводится обедать с такими замечательными людьми, — Роджеру оставалось только поддержать Кристофа.

Все задумались над его словами, но никто не стал уточнять, кто здесь конкретно замечательный, а кто те, кому доведется с ними обедать.

— Это отличная идея! Если вы не против, то сейчас все сделаем. К тому же через несколько часов мы уезжаем, так что испортить вам весь вечер у нас не получится, — Соларус рассмеялся, кликнул полового и шепнул ему план действий.

Через минуту тот небольшой стол вытащили из угла и на его место втащили длинный. В торце длинного стола уже кто-то спал в ожидании синей лошади, — его подперли перевернутой метелкой, но будить не стали.

Все удобно разместились и быстро раззнакомились. Друзьями Соларуса-младшего оказались приезжие торговцы магией и его нынешняя подруга. Все эти так называемые «друзья» вращались вокруг Соларуса и без него быстро бы разлетелись во все стороны и даже не стали бы здороваться друг с другом при случайной встрече. Но это были их проблемы, главное, чтобы они никак не мешали Джофу и его друзьям. А так как они скоро уезжали, то все личные беседы друзья оставили на потом. Через минуту после окружения столика на нем появилось намного больше того, что заказывали Джоф и Кристоф. В отсутствии хозяина таверны Соларус не стеснялся отправлять половых за лучшими винами, а у тех и в мыслях не было юлить. Через два часа, когда уже начинало вечереть, большая

компания нашла точки соприкосновения, все поделились историями своей жизни и скитаний, опуская совсем уж личные моменты. Спутники Соларуса расспрашивали об охоте и удивлялись, как можно победить тех монстров, чьи пополам сложенные шкуры порой еле влезали в повозки. Спутники Джофа интересовались новостями про вновь появившихся монстров и спрашивали об интересных магических артефактах. Торговцы поделились новостями и нахвалили какое-то магическое барахло, которое, даже с их слов, выглядело ничем не лучше того, что можно было купить в лавке Хамана. Джоф похвастался шкурами, которые оставил в селении, и рассказал о первоклассной бане, в которую их позвал староста.

Соларус активно расспрашивал о селении в надежде, что захмелевшие охотники расскажут что-то особенное. Но те, не подав ни малейшего вида, что вообще что-то могут скрывать, ограничились лишь похвалами гостеприимству поселенцев и приукрашенной историей о битве с ящером, опустив злополучный случай с быком. Здесь им даже сговариваться не пришлось: болтать лишнее было не в их правилах, даже если об этом лишнем много кто знал. Девушка Соларуса, Ильмар, понравилась Хлое своим скромным молчанием и некоторыми еле уловимыми жестами, выдававшими в ней отличного воина. Балда был в тумане, но тоже заметил эти особенности. Ильмар носила темные волосы до плеч, была худощава и подтянута, что было совсем не свойственно ни деревенским, ни городским жительницам, а ее нежные похлопывания по руке Соларуса были такими заученными и повторялись с такой завидной периодичностью, что даже Кристоф в конце концов понял, что она, скорее, выполняет роль незаметной охраны, чем спит с Соларусом. Хотя, если ей хорошо платят, то может даже и спит. Ильмар не ела свинину, но вдыхала запах каждого пронесившегося мимо куска и почти незаметно обнюхивала свою еду, что наводило на мысли о ее разборчивости и хорошем обонянии. Хлоя и Джоф не придавали этому должного значения. Кристоф больше пялился на сильно выступающую грудь Ильмар, и это расслабляло его бдительность. Балда был не в состоянии делать выводы, а вот Роджер предполагал, что Ильмар по всем особенностям своего поведения могла бы неплохо разбираться в ядах.

Соларус ловко орудовал топором, отрубая лучшие куски для друзей Джофа и срезая нежнейшее мясо для Хлои. Он открыто наливал себе и им лучшие вина из пыльных бутылей, так что ни у кого и мысли не возникло, что он мог бы их отравить. Да и видимых мотивов для такого поведения у него не было.

Соларус спросил, выбрали ли они что-нибудь в лавке, — его друг Хаман рассказал, что они заходили. «Неужели Хаман сказал тебе, что мы заходили, но не сказал, что купили?» — усмехнулся про себя Роджер. Джоф поведал Соларусу, что они ходили получить компенсацию за одну вещицу, которая сломалась, вопреки клятвенным заверениям Хамана. Он не стал рассказывать подробности не потому, что верил, что Хаман не рассказал об этом Соларусу, а просто не хотел, чтобы все посторонние уши знали про эту брешь в его защите, так как говорить тихо у него и у трезвого не особо получалось. Хлоя похвасталась сувенирным амулетом и кружками, а Роджер показал дорогой амулет прибыли, сказав, что это единственное ценное, что было у Хамана, при условии, что они смогут продать его какому-нибудь доверчивому приезжему раньше, чем покинут город. Соларус был единственный, кто рассмеялся после этого забавного замечания. Роджер не стал дожидаться и мучить Соларуса и сказал, что еще они взяли какой-то платок, улучшающий ум лошадей, но потеряли его еще до того, как вернулись домой, если, конечно, в городе не промышляют мелкие воришки. Соларус уверил его, что никаких воришек в его городе нет. Он тут же

предложил тост за честных разбойников, и все его поддержали. «Да-да, в *твоем* городе, самодовольный, неосмотрительный толстяк!» — чокнулся с ним довольный Роджер.

Периодически народ выходил из-за стола по своим делам. Только Джоф и Соларус никуда не отлучались, потому как могли себе позволить пить и есть долго. Джофу не понравились все эти случайные совпадения, и он, не спеша, пил и ел, и гадал, что на самом деле на уме у Соларуса-младшего. Может, управитель специально послал его пообщаться с Джофом, а, может, он просто стал мнительным.

Когда Ильмар поднялась, Хлоя пошла вместе с ней, — ей подумалось, что двум девушкам будет легче на какое-то время выпроводить мужиков из единственной уборной. Для поддержания беседы она сказала Ильмар, что в трактирах девушкам проще выходить хотя бы парами.

— Да у них же есть женская уборная! Год назад построили по общей просьбе после того, как одна упившаяся бабенка выгнала из нее всех мужчин и заперлась там почти на час, — Ильмар задорно рассмеялась. — Бывают же такие.

Хлоя тоже рассмеялась, но еще больше она рассмеялась про себя. Но что было, то было, главное — результат: в пивнухе у женщин появилась своя комната. Плохо, что никто не узнает о ее подвиге и не оценит ее заслуги, но ведь и хорошо, что через год уже никто не вспомнит ту разбуянившуюся бабенку.

— А не та ли это пьяньчуга, что год назад... — не закончил пьяный голос, потому что Хлоя втопила кулак в красный нос наглеца и скрылась за дверью вслед за Ильмар. Девушки больше времени потратили на болтовню и зеркало, которое было единственным в таверне. Ильмар в отсутствие мужчин оказалась более общительной: она поделилась своими неприятными эмоциями относительно вульгарного поведения Соларуса-младшего и тем, о чем все уже догадались: она сопровождала и охраняла Соларуса, но не от посягательств бандитов на его жизнь, а, скорее, от мелких неприятностей, которые могли доставить разные дотошные личности. Соларус просил Ильмар на людях делать вид, что она с ним встречается, поэтому она и похлопывала его по руке, — она видела такое у некоторых парочек. Хлоя поведала, что у нее более приятная компания, и их отношения близки к идеальным: мужчины о ней заботятся, хотя без разного рода шуток, разумеется, не обходится. Ильмар позавидовала, сказав, что тоже хотела бы охотиться, нежели возиться с разбалованным толстяком. Она смущенно спросила, было ли у Хлои что-нибудь с Роджером, ведь он единственный красавчик в их компании. На что Хлоя категорически заявила, что она не стала бы ни с кем всерьез заигрывать, пока они все занимаются общим делом, чтобы не вносить разногласия в команду. Ильмар, улыбнувшись, и заметила, что Хлоя, с одной стороны, довольно мудра, а с другой — многое упускает. Хлоя пожала плечами, но оправдываться не стала.

Ильмар в целом оставляла довольно положительные впечатления: ощущение искренности в ее словах, приятная улыбка и голос, интересная прическа и красивые, сильные, оголенные до плеч руки. Металлические, похожие на браслеты, наручи на запястьях говорил о том, что она готова вступить в ближний бой. Когда Ильмар смотрелась в зеркало, Хлоя разглядывала ее — это уже вторая девушка, которая вызывала в ней восхищение за последние дни, при том, что девушки эти были абсолютно не похожи. Она же и раньше видела горожанок, селянок, трактирщиц и работниц борделя, но никто не вызывал у нее подобных эмоций. Хлоя встряхнула голову, чтобы хмель немного развеялся, и они вместе вернулись в залу.

В воздухе разносились подпевания и знакомый голос барда. Кажется, местный кутила успел проспаться и его выгнали на сцену отрабатывать выпитое. Лис, так звали барда, распевался всякими веселыми песенками, которые знал каждый. Хлоя уже издали заприметила недовольное лицо Джофа и собирающихся уходить Соларуса со своей компанией. Ильмар скривилась: как только начиналось что-то веселое, они сваливали. Еще раз выпили за хорошую компанию и попрощались. Соларус жал всем руки, приговаривая, что был рад знакомству. Джоф промолчал, но руку пожал. Все равно ничего уже не было слышно: началась песня, в такт которой все посетители стали стучать по столам кружками.

— Пока, красавица! — губы Ильмар коснулись уха Хлои, и тонкая рука приобняла ее за бок. По телу Хлои пробежала сильная дрожь, — такое было с ней впервые в жизни. Она не успела ни ответить, ни прикоснуться в ответ, как Ильмар уже была далеко.

Соларус со своими спутниками покинул таверну, и огромный стол остался в распоряжении небольшой компании. Половой обновил закуски и принес вина и эля. Стуки кружек стихли, и шум перестал резать уши. Хлоя, придя в себя, под села ближе к Джофу и спросила, почему у него такое кислое выражение.

— Этот малый предложил нам отличную работу: пожить в селении в качестве его тайных посланцев и держать его в курсе происходящих там событий, — Джоф выговаривал это так, будто жевал что-то прогнившее и вонючее.

— И ты решил, что наконец-то нашел свое призвание? — Хлоя переключилась.

— Я был учтив, насколько это было возможно, и объяснил ему, что у нас есть некоторые принципы, и работать шпионами и доносчиками мы не станем, — оставалось только догадываться, что Джоф имел в виду под словами «был учтив».

— Эй, здоровяк, не забивай себе голову. Сейчас начнутся наши песенки, повеселимся и напьемся своей компанией, — Хлоя схватила его за щеку и сильно потрясла. Джоф взбодрился, отогнал плохие мысли и крикнул музыкантам, чтобы играли поживее, а то уже мухи дохнут со скуки.

Остальные тоже пропустили беседу Джофа с Соларусом, но суть ее узнали чуть позже. Соларус, вероятно, думал, что Джоф решает за всех, или рассчитывал, что Джоф сам будет уговаривать своих компаньонов, если согласиться на его предложение.

Кристоф продолжал тренироваться Соларсбургской пинтой, Роджер был весел и подговаривал Хлою выйти на середину зала и что-нибудь спеть. Хлоя и сама уже хотела развлечься музыкой, но решила еще капельку протрезветь, чтобы попадать в ноты. Балда обнаружил у себя на предплечье невиданные ранее, как ему казалось, полосы. Он вышел в темноту слабоосвещенной улицы, подышал свежим воздухом и, не отдавая себе отчета, достал из кармана платок и нацепил на голову. Ему сразу же стало легче: туман памяти временно развеялся, но какой-то другой туман все же остался. Случайный прохожий громко окликнул своего приятеля, — Балда вышел из ступора, стащил Болиголов, спрятал в карман и вернулся в таверну.

Бард наконец-то заметил свою знакомую лучницу и уже тащил ее за руку к музыкантам. Посетители начали ее узнавать и тоже просили спеть. Хлоя очень надеялась, что узнают ее именно как барда, ведь она пела здесь в прошлый их приезд. Музыкантам как раз не хватало красивого женского лица и голоса, поэтому они не скупались на уговоры, которые где-то в глубине души были приятны Хлое. Никакие сентиментальные песни не смогли бы растрогать местную публику так, как хорошая кабацкая песня, а таких и Хлоя, и музыканты знали не один десяток. В общем началось все, как обычно, с веселых разбойничьих. После

первой песни ближайший стол выдвинули в центр, и кто-то с легкостью поставил на него певчую птичку, — этим кем-то оказался Джоф.

— Спой, пожалуйста, любимую песню разбойников, — он хитро ей подмигнул. — Посмотрим, сколько здесь честных людей.

Песенка эта была очень хороша, но нравилась далеко не всем.

— Красавица, твое здоровье! — выкрикнули из толпы. Хлоя узнала голос Хью и тут же увидела и его, и Трофа, и их товарищей по несчастью. Слишком много внимания Хлое и нравилось, и раздражало, но в данный момент больше нравилось. Джоф сказал барду, что играть, и тот, кивнув музыкантам, запрыгнул на стол к Хлое. На музыку заглянули некоторые прохожие, и даже девочки из борделя, убедив свою хозяйку, что сейчас в трактире больше потенциальных клиентов, пришли развлекаться, благо платить за выпивку им еще ни разу в жизни не доводилось. Представление началось: вся девичья скромность и волнение, которые сопровождали Хлою в поселении, куда-то испарились, на их месте возник огонь в пьяных озорных глазах и разбойничья усмешка. Голос ее утратил всю свою мягкость и звонкость, вдруг став более шипящим с режущей воздух хрипотцой. Бард со своим нежным тенором хорошо выступал на контрасте. Куплеты песни повествовали о разбойниках, которые провернули хорошенькое дельце, удачно скрылись в лесах и болотах, но в итоге не смогли поделить награбленное. Лучше всего у них получился припев:

Тяжело понять, как хоро́ш то́пор,

Если он в спине, а ты гря́зный во́р.

О деньгах мечтал ровно до́ сих по́р...

Так воот — не сбылооось.

На зубах земля и послед́ний вздо́х

Сыро́стью болот плесневéлый мо́х,

Как собака жил, как соба́ка сдо́х.

Ну воот — все сошлооось.

Спутники Хлои были в восторге, потому что такой они ее не видели ни по вечерам в лесу, ни дома, ни на танцах в селении. У Кристофа непроизвольно выступили пьяные слезы, — он всегда радовался за «свою девочку», Роджер сравнивал эффект от ее энергии с эффектом от утренних медитаций. Джоф даже чуточку подтанцовывал одной ногой в такт музыке, а Балда просто смотрел на Хлою с обожанием. Публика радовалась и была довольна, за исключением тех, кто узнал себя в песне: кто-то с грустью вспоминал, как низко опускался в былое время, но все-таки радовался, что сошел с кривой тропки, и ему не прилетел топор в спину, а кто-то узнал себя в настоящем, но старался не показывать виду. Джоф заметил некоторых недовольных, толкнул Роджера и указал ему на них. Роджер согласился, что песня хорошая, вскрывает много гноя. Хотя кто знает этих разбойников, — могут жить как в песне и смеяться с тех, кому не повезло выжить. Хью и Троф с компаньонами веселись и подпевали, но Хлоя наивно хотела верить, что эти ребята просто невезучие и что они никогда не опустятся до грабежей.

А вот те, на кого указывал Джоф, точно пришли сюда не развлекаться, потому что мины у них были мрачнее тучи. В этой компании находился человек, с которым у Джофа были разногласия в прошлом, — некто Хард, довольно крупный и сильный воин, промышлявший частной охраной и сбором податей, но при этом грубый и примитивный. Одна перепалка произошла с ним в борделе небольшого городишки без названия, когда Джоф осадил грубияна, неприлично высказавшегося о хозяйке борделя и обо всем ее заведении из-за того,

что цена не соответствовала полученному удовольствию. Джоф высмеял его, сказав, что на дохлого червя рыбу не поймаешь. До драки в тот раз не дошло, но обидчивый и мстительный Хард такого забыть не смог. Джоф по понятным причинам в своей компании эту историю не рассказывал. В другой раз они столкнулись в Товерне, и в потасовке Джоф свалил Харда оплеухой на глазах удивленной публики. Тот трусливо не стал продолжать драку, потому что силы были не равны. С тех пор Хард набрал команду таких же недовольных жизнью молодчиков, как и он, и везде появлялся в своей новой компании, чтобы такого позора с ним больше не повторилось. Если бы не глупость и обидчивый характер, то этот человек мог бы давно стать уважаемым и известным с хорошей стороны, потому что внешностью природа его не обделила, но случилось то, что случилось.

Время с песнями помчалось еще быстрее. Несколько раз делали перерыв, думая, что Хлоя хрипит оттого, что плохо смочила горло, но дело было не в вине и не в эле, — дело было в уникальном настроении Хлои, которое изменяло ее до неузнаваемости. Многим, в том числе и ее спутникам, эта хрипотца нравилась.

— Старина Джоф, сколько лет не виделись! — раздался звонкий голос, обладатель которого подошел к их столику на перерыве. Это был Хард. — Слышал, что ты в такой хорошей форме, что у тебя уже кольчуга по швам трещит.

Видимо, старик Хаман, выведенный из себя тем, что на ровном месте потерял много прибыли, растрепал по поводу кольчуги Джофа каждой собаке. Значит, придется срочно искать хорошего кузнеца и мага.

— Я бы посмеялся, но терпеть не могу заранее подготовленных шуток. Лучше скажи, кто тебя ей научил? — Джоф совсем не хотел с ним беседовать, но если человек сам напрашивается на перепалку или оплеуху, то как такому откажешь.

— Ты зря смеешься. Это был чистый экспромт, — оскалился Хард и сел за стол без приглашения. Только вот Джоф не смеялся. Ведь что сейчас ни скажи, этого будет недостаточно, чтобы спровадить настырного прилипалу. Поэтому лучший способ общения — троллить наглеца дальше. Возможно, он в конце концов обидится и уйдет, ну или улетит от мотивирующего пинка.

— Тебя и словам новым научили. У тебя хорошая память, — похвалила Хлоя и громко рыгнула. Хард не стал отвечать девушке грубостью, потому что за нее в этой таверне сейчас были все посетители.

— Выбрать из десятка заученных шуток ту, что близко подходит к ситуации — это не экспромт, Хард! Это дешевый трюк циркачей, — Роджер был рад подраться с каким-нибудь идиотом, и, кажется он, его нашел. Он тоже допил свою пинту и рыгнул еще громче Хлои. — Но что-то я сомневаюсь, что у тебя есть даже десяток.

Однако Хард пришел явно не к Роджеру, поэтому и его провокацию пропустил мимо ушей.

— А вы прекрасно поете, дорогая Хлоя. Если бы такой балласт не тянул вас на дно, вы давно могли бы стать главной знаменитостью во всем Средиземнолесогорье и купаться в золоте, — это был лучший заученный им комплимент.

— Купаться в золоте? Такое у вас представление о счастье? — Хлоя отпила вина, не поворачиваясь к нему, так как уже чувствовала неприятное дыхание. — Попробуй начать с купаний в ванне: вода избавляет от грязи и вони лучше всякого золота.

Хард промолчал и неудачно сплюнул на пол, так что часть слюны повисла на губе. Кристоф тут же протянул ему платочек, которым иногда вытирал пот со лба. Хард еще раз

взглянул на отрешенный и умиротворенный вином лик Джофа, и, видя, что от его присутствия никому ни холодно, ни жарко, а набор заученных шуток подошел к концу, он поднялся и удалился в полном безмолвии.

— Тяжело быть дураком! — просипел Кристоф. Он или сорвал голос, беседуя с Роджером и перекрикивая гомон трактира, или эль из погребов оказался для него слишком холодным. Хлоя взглянула на него вопросительно.

— Хорошо, что наш Балда не дурак, у него просто проблемы с памятью, — Кристоф ретировался, поняв, на что она намекает. Все подняли кружки за их команду, которая хорошо дает отпор и в бою, и в застолье.

На следующей песне нужно было топать и хлопать в такт. На стол к Хлое залезли девчонки из борделя, а краснолицый всадник на «синей лошади» все никак не мог перескочить преграду из лавки и бился об стол лицом, пока его не перенаправили к выходу. Многие подошли поближе, чтобы поглазеть на ножи, выскакивающие из-под юбок, и некоторые даже с радостью отхватили по лицу. Половые бросали взгляды на девушек, скептически наблюдали за прыгающим под ними столом и делали ставки: сломают или нет.

Джоф уже было совсем забыл неприятное предложение Соларуса и лихо отбивал такт вместе со всеми, как вдруг кто-то из парней Харда сильно толкнул его под локоть. Джоф, не оборачиваясь, вернул локоть на место, а парень улетел туда, откуда пришел.

— Эй, жирдяй, ты только что сломал нос нашему другу, который просто шел нам за элем, — кто был это ни сказал, но Джоф, как и многие в зале, был рад, что нашелся смельчак, взявший на себя ответственность за предстоящую драку. Он обернулся прямо на пощечину от Харда, — неплохо для разогрева. Джоф, не желая сильно навредить полоумному, замахнулся левой рукой, но Хард, пользуясь более низким ростом, подсел и со всей силы ударил Джофу в подмышку, как раз в то место, где была порвана кольчуга. Джоф молниеносно вернул руку на место и зажал в подмышке руку Харда. Кажется, что-то хрустнуло, но Джоф такой наглости и подлости не простил и правой оплеухой отправил Харда смотреть пьяные сны. Уснул Хард на самом интересном месте: звенящий хлопок от удара по лицу стал своего рода сигналом к очередному развлечению.

Началась классическая трактирная драка без особых причин, так сказать, драка в себе. Никто не испытывал ни злобы, ни ненависти ни к тем, кто его бил, ни к тем, кого бил сам. Девушек закинули на стол, музыкантов и всадников на «синих лошадях» не трогали. Кристоф, как любитель больше понаблюдать и поразмышлять, сместился с кружкой на дальний край стола и с видом знатока одной мимикой выражал мысли «неплохо, неплохо» или «ну кто же так бьет». Балда хотел пройти к Хлое и забрать ее из центра событий, но ему пару раз прилетело снизу в челюсть, и он вернулся за стол к Кристофу. Ему все равно бы не удалось забрать Хлою, потому как она никуда уходить не собиралась, считая, что такое представление нужно смотреть прямо из партера, хотя здесь все уже было наоборот: сама она находилась на импровизированной сцене, а все действие перекочевало в зрительский зал. Она смеялась вместе с девушками из борделя и веселилась как ребенок, по привычке хватаясь за кинжал, хоть и понимала, что в трактирной драке не место ни оружию, ни магии. Оружие продолжало висеть на стенах, ножи и топоры так и остались на своих столах. Кто-то в эпицентре аккуратно разрезал мясо ножом, но в рот клал руками, чтобы внезапный толчок в спину не закончился плачевно.

Половые залезли за стойку и там спокойно выпивали за счет посетителей. У Джофа колело в боку от подлого удара Харда, и для выхода агрессии нужно было еще человека два-

три, но куда бы ни шагнул Джоф, драчуны как по волшебству уходили с его пути, словно вода во время отлива, — все считали, что отношения в драке должны быть взаимными, а то что это за драка в одни ворота. Роджер не обладал такими отпугивающими габаритами, поэтому на недостаток партнеров не жаловался. Правда, никто так и не смог втащить Роджеру в лицо, хотя бока ему все же намяли. Девушки криками морально поддерживали своих потенциальных клиентов, в расчете на хорошую доплату на следующем этапе развлечений, если у кого еще останутся деньги и силы. Хлоя подбадривала Роджера и кричала то «справа!», то «слева!», то «пригнись!». В общем вечер, а, точнее, ночь удалась.

Но так как все хорошее рано или поздно заканчивается, то и хорошие бойцы быстро устали, а плохие быстро уснули. Где-то еще раздавался звук вялого удара, но в ответ слышалось «да перестань ты уже» и ударивший тихо говорил «извините». Из-за стойки валил дымок, — половые доигрывали партию в карты и докуривали чей-то кальян. Установившаяся тишина была знаком, что пора идти разгребать тела и приводить их обладателей в чувства. В зале оказалось всего три перевернутых стола и пара стульев, центральный стол стоял на месте, и кому-то пришлось отдавать деньги за проигрыш в споре.

Джоф вернулся из уборной и ждал, когда все соберутся. Праздник закончился, эль больше не лез в горло. Хлоя выглядела бодрее всех, хотя всем казалось, что выпила она больше. Джоф выглядел уставшим, но, возможно, просто огорченным от того, что после Харда так никому и не втащил. Балда вытянул Кристофа из-за стола, Роджер помог подняться Джофу, и все вместе они вышли на улицу, освещенную утренней зарей. Из борделя раздавался веселый смех, — значит, девушки смогли найти себе клиентов. Хлоя шла впереди вприпрыжку, а за ней, опираясь друг на друга, плелись все ее друзья-собутельники-компаньоны. Она возвращалась назад, оббегала их, подгоняла и снова уносилась вперед. Где она нахваталась столько энергии, для всех было загадкой, потому как у них не оставалось сил даже пошутить.

Дома все молча разлеглись по своим местам. Балда почти неосознанно надел свою волшебную повязку и, нацепив поверх нее капюшон, свернулся калачиком на том же топчане. Хлоя с умилением посмотрела на него, решила, что ему холодно и укрыла его одеялом из шкуры. Бодрая Хлоя еще раз огляделась и, увидев, что одинока в своей бодрости, быстро улеглась и переключилась на сладкий сон. Спустившийся к ним с удочкой проводник спросил, хорошо ли погуляли, но ответом была только тишина. Проводник усмехнулся, погасил все огни, занавесил окна и вышел на утреннюю рыбалку.

Глава 9 (часть 1 из 2)

Джоф и Роджер спали мертвецким сном. Ко всеобщему, еще не осознанному удивлению, в этот раз Джоф не храпел, — прошлой ночью все успели заснуть до его возвращения из борделя. Кристоф во сне махал руками, все-таки решив принять участие в прошедшей драке. Хлоя единственная сопела и причмокивала. Балда снова погрузился в мир своей вновь обретенной памяти. Обычно после выпитого он спал крепко и без снов, но не в этот раз.

Снова выросли деревья и дома, стали выше люди и лошади. Появился Джоф, смотрящий на него сверху вниз своим расстроенным и угрюмым взглядом, — он был в красивых стальных доспехах, шишаке и с высоким двуручным мечом. Тогда он еще отличался стройным телосложением, большими усами и сражал наповал своим мужественным видом всех женщин в городах. Тогда чувство юмора еще не было его прибежищем и основной защитой, потому что маленький Балда только-только появился в его беззаботной жизни. После смерти сестры он забрал Балду с собой в свой дом. С Джофом жила одна сварливая женщина, отличавшаяся довольно приятными чертами лица, когда спала. Возможно, что до появления Балды в доме она была такой же приятной и в часы бодрствования. Эта женщина не могла понять, зачем Джоф взял Балду к себе в дом, почему не отдал его в какую-нибудь богадельню, — там бы о нем заботились лучше, и Джоф стал бы свободнее и счастливее. Из-за этого они постоянно ссорились, но Балда тогда был не способен всего этого понять, он просто видел, что женщина его не любит, а дядя все время в плохом настроении. В какой-то день эта женщина ушла и больше не вернулась. Они стали жить вдвоем. Тогда у Джофа еще была служба в городе, и, пока Балда был маленький, он не хотел и не мог ее оставить. Какой-то мужчина приходил к ним в дом, долго уговаривал Джофа и показывал ему магическую шкуру невиданного зверя. Они долго пили, а Балда часто слышал свое прозвище от незнакомца, — тот произносил его с таким пренебрежением, словно ему в рот муха залетела. Джоф наорал на мужчину и выпроводил его за дверь.

По сочному, цвета яблок, зеленому лугу пронеслись прекрасные лошади, и Балда пошел вслед за ними. Они привели его на загородную конюшню, где было тепло и пахло по-особенному. Балде разрешили приходить и ухаживать за лошадьми. Джоф на это только пожал плечами. Лошади понимали Балду, а Балда понимал лошадей. Он не мог запомнить все названия элементов упряжи и сбруи, но чувствовал, как нужно запрячь и снарядить лошадь, чтобы ей было удобно. Он научился ездить и управлять повозкой, что при его болезни было практически чудом. Ни разу он не вывалился из седла и нигде не застрял с повозкой. Возможно, все дело было в лошадях: он заботился о них, и они в ответ заботились о нем. Эта возня Балды с лошадьми несколько успокоила Джофа. Он мог оставить Балду на конюшне и заняться своей личной жизнью и своими делами.

Время беззаботного неведения наделяло способностью быть счастливым и свободным, когда многие вокруг были обречены носить с собой груз своего прошлого и своих забот. Джоф смирился с тем, что ничего не может сделать, и обманывал сам себя, делая вид, что этот мальчик ему вовсе не родной и что он лишь проявляет о нем посильную заботу. Так продолжалось какое-то время: поры года сменяли друг друга, Балда подрастал вместе с лошадьми, Джоф не встретил любовь всей своей жизни, но и не приводил женщин домой, предпочитая ходить к ним. А потом появился Роджер.

Что произошло между Джофом и Роджером, было не понятно, но их общение началось с громогласной ругани, которая переросла в драку. Роджер отпрыгнул от первого удара и предложил выйти на улицу, чтобы не громить дом, чем вызвал смех Джофа. Но на улице смех быстро кончился, потому что Джоф даже предположить не мог, что бывают настолько сильные люди. Балда с удивлением наблюдал за ними через тюлевую занавеску на окне комнаты, — он никогда раньше не видел, чтобы мужчины дрались. Роджер был на голову ниже Джофа, но это нисколько не мешало ему вкладывать невероятную силу в свои удары. Джоф в силу своей комплекции привык наносить боковые удары наотмашь, но Роджер легко под них подныривал и сам выстреливал кулаками ему в грудь и в живот. Неизвестно, из каких соображений он даже не пытался бить Джофа по лицу, но и удары по корпусу были ощутимыми. В какой-то момент Джоф все-таки поймал Роджера: вlepил ему звенящую оплеуху и отправил отдыхать на мягкую траву. Роджер сознания не потерял, но подняться у него не получилось, только сесть. Джоф тяжело дышал и держался за живот, видимо, вдохи причиняли ему боль. Он сел рядом с Роджером, и так они просидели некоторое время. Роджер что-то говорил, а Джоф только слушал. Затем они вошли в дом, и Джоф достал бутылку вина, и они просидели за столом до самой темноты.

Белая птица закричала чайкой в красном, словно предзакатном небе, и Балда понял, что его зовут на волшебный остров. Он взмыл ввысь, оставив позади воспоминания, и полетел за птицей. Он взлетел выше облаков и, как и в прошлый раз, упустил птицу из виду. Но, кажется, направление не имело никакого значения, ему просто нужно было оторваться от прошлого и просто лететь, и он в любом случае доберется до нужного места. Облака были розоватого цвета, они то внезапно расползались в непроглядный туман, то вновь собирались, принимая продолговатые воздушные формы. С каждой новой волной облака становились все меньше и меньше, все более вытягивались в длину. В какой-то момент они начали изгибаться и подпрыгивать вверх-вниз. Балда пригляделся и увидел, что облака превратились в темно-розовых рыб, косяком несущихся в пустоту, и он был частью их огромной стаи. Полет или скорее даже заплыв доставлял огромное эмоциональное удовольствие. Вокруг была сплошная розовая пустота, на фоне которой выделялись более темные рыбы, и порой казалось, что они летят не вперед, а просто не спеша падают вниз. Балда даже пытался подражать рыбам и изгибаться как они, но не был уверен, что у него есть хоть какое-то тело.

Вдруг сбоку замаячило что-то полупрозрачное и блестящее. Любопытство взяло верх, и Балда полетел прямо на блики, лавируя между рыбинами-облаками. Странный предмет в форме шара был похож на большую каплю воды, ее поверхность волновалась, и вся капля пыталась распасться на части, но неуловимая магия не позволяла ей этого сделать. Балда протянул руку, чтобы попробовать, какая она на ощупь, и капля сразу прильнула к его руке, обволокла ее до запястья и замерзла в лед. Он дернул несколько раз в попытке высвободить руку, и его дернуло в ответ. Он полетел за ледяной каплей прямо под стаю куда-то вниз, словно кто-то тащил его. Так и было: за каплей тянулась тонкая магическая нить, ведущая к удочке, которую держал Вернер. Он лежал на цветущем маками лугу на небольшом, парящем недалеко под стаей островке. Балда упал прямо в густые заросли красных маков и совсем не ушибся. Лед снова стал водой и отпустил его руку. Балда увидел, что находится в своем теле, одетый в белые штаны и просторную рубашку. Он поднялся на ноги и подошел к Вернеру. Вокруг в траве трепыхалось несколько красных рыбин, хорошо маскирующихся в маках. Одна рыбина выбилась из сил, превратилась в розовый туман, и легкий ветерок сдул ее с

поля.

— Привет, Балда! Рад тебя видеть, — Вернер посмотрел на него снизу-вверх. Он лежал в одних черных коротких штанах, заложив руку за голову, другой рукой он взмахнул удочкой и закинул водяной шар вверх, прямо в гущу пролетающей стаи.

— Привет! — Балда сел рядом с Вернером, откинулся на локти и стал наблюдать за рыбами. У него не возникло никаких вопросов по поводу происходящего. Ловить летящую по воздуху рыбу таким способом казалось довольно логичным: рыбы ведь любят воду и дышат в воде через жабры. И даже если эти рыбы сделаны из облаков, то им все равно нужна вода. Но эти рыбы почему-то совсем не замечали водяной шар Вернера.

— Тебе не кажется, что эти рыбы какие-то неправильные? Совершенно игнорируют воду. Вот несколько попало, но и те случайно, — Вернер отвел свою приманку туда, где, как ему казалось, было больше рыбы. — Я уже и на червя пробовал, и на муху. Эти сумасшедшие рыбы вообще ни на что не реагируют. Вот, думаю, попробовать магической сетью.

— А что ты собираешься с ними делать, когда наловишь? — спросил Балда. — Кажется, все пойманные тобой уже превратились в туман и улетели.

— Подержи-ка! — Вернер отдал удочку Балде, вскочил на ноги и огляделся. Вокруг был только мак, — последняя оставшаяся рыбка пыталась отползти к краю острова. Вернер взял ее в руку, но она сразу же превратилась в дым. Вернер поднес уплывающий туман к лицу и успел его немного вдохнуть, пока ветер окончательно его не развеял. — Вкусно, но странно, до твоего появления с ними такого не случалось.

Он вернулся назад, лег и подложил руки под голову. Балда следил за водяным поплавком, который одиноко болтался среди обтекающей его стаи.

— Я хотел наловить их целую поляну, чтобы подарить их Блаж. Мы бы сели где-нибудь на песчаном берегу и вдыхали бы этих вкусных рыбок. Такое нашествие, знаешь ли, не каждый день бывает, — Вернер говорил так уверенно, что Балда даже не вздумал усомниться в его словах. Впрочем, в прошлый раз было много всего странного, почему бы этому странному не происходить и теперь.

— Ты не думал, что это маковое поле на тебя так влияет? — спросил Балда. — Я слышал, что маки могут одурманить человека, и он начнет видеть то, чего на самом деле нет.

Балда совсем не подумал, что увидел этот летящий в небе косяк красных рыб-облаков еще до того, как приземлился на парящий маковый островок. Вернер повернул к нему голову и посмотрел на него веселыми глазами.

— Точно, это все маки. А то Блаж упрямо твердит, что это какие-то винные пары. Где она здесь видит вино или хотя бы виноград? Женщина! Не переспоришь! — Балда сразу же вспомнил день и ночь, проведенные в трактире и осторожно промолчал. Ему не хотелось разочаровывать Вернера, потому что Блаж была абсолютно права. Вернер забрал у Балды удочку и выбросил с острова. — Так мы неделю будем ловить. Попробуем сетью.

Он прижал руки к груди и выбросил вперед, раскинув пальцы веером. Из его ладоней широким кругом вылетела разрастающаяся магическая сеть, похожая на паучью, и понеслась прямо вверх. Сеть накрыла стаю. Рыбы стали застревать в ней, а сеть начала светиться искрящимся светом, — зрелище завораживало.

— Вот это будет улов. Хо-хо! — радостно воскликнул Вернер.

— А где сама Блаж? — мимоходом спросил Балда.

— А? — Вернер на мгновение повернул голову. — Где-то внизу копается. Хочет

сделать красивый стол из какого-то красного камня. Можешь ей помочь? А я пока вытяну наш улов.

— И как мне до нее добраться? — Балда подошел к краю острова, заглянул вниз, но ничего не увидел, кроме равномерно розового фона.

— Есть только один способ, — удерживая одной рукой сеть, Вернер подошел сзади, толкнул Балду с острова и крикнул вдогонку: — Там будет сложно промахнуться, но если что — подплывешь.

Никакого страха от полета не было, потому что никакого полета не было, зато было очень быстрое падение, а вот страх от падения немного отрезвлял. Но пугаться пришлось недолго. Розовый, как разбавленное водой вино, океан внезапно встретил тело Балды. Попавшая в рот вода отдавала привкусом легкого вина, и запах был соответствующий. До самого момента столкновения с океаном казалось, что это все сплошной розовый туман. Балда вынырнул, отдышался и огляделся. Невдалеке он заметил еще один островок, на этот раз более привычный человеческому глазу, хотя Балда и видел такой остров всего второй раз и тоже во сне. Он не умел плавать, и когда-то даже чуть не утонул, став причиной смерти собственной матери. Но здесь во сне — а то, что это был сон, он уже начал потихоньку осознавать — он быстро освоился в воде и легко доплыл до места, где вода доходила ему до груди. Берег острова был очень пологий, — еще несколько минут пришлось медленно идти пешком, рассекая воду всем телом, затем продавливать ее одними ногами, и уже в самом конце Балда высоко поднимал ноги, чтобы легче было шагать. Островок был небольшим и песчаным, на нем спонтанно росли красивые высокие деревья с широкими ветвями у самой верхушки. В середине острова торчал большой и гладкий красный камень овальной формы. Вокруг камня с пилой в руке бегала Блаж. Она была одета в рабочую крестьянскую робу и нисколько ее не стеснялась. Волосы ее, как и в прошлый раз, были стянуты сзади в черный хвост и открывали все такое же прекрасное лицо.

— О, ты вовремя! — она даже не поприветствовала своего недавнего знакомого. — Держи камень с той стороны, пока я буду спиливать его верхушку, а то он все время норовит сместиться или еще глубже зарыться в песок.

Балда не стал ничего спрашивать и говорить, хотя вопросы уже начали появляться. Он подошел к камню, и все, что смог сделать, так это стать на колени и обхватить ближний к нему край руками. Выглядело это так, будто он просто на него прилег, раскинув руки в стороны. Блаж это, по-видимому, вполне устроило, и она, придерживая камень сверху рукой, начала елозить пилой, безуспешно пытаясь спилить гладкую верхушку. Разумеется, кроме раздражающего скрипа у нее ничего не получалось, и пила все время соскальзывала. Она скривила гримасу недовольства и стала водить пилой сильнее — камень внезапно сдвинулся вбок и еще глубже ушел под землю. Балда не смог удержать скользкий камень и повалился на землю. Пила соскочила Блаж прямо по пальцам, но прошла сквозь них, словно они были бестелесными. Она положила подбородок на ладонь и стала стучать верхними пальцами по верхней губе в раздумьях. Рука с пилой подпирала опорную руку, глаза были устремлены вверх.

— Что это за живой камень и почему ты не воспользуешься магией, чтобы сделать себе стол? — наконец-то спросил Балда и неуверенно добавил: — Ну или фантазией?

— Магией?! — она посмотрела на него непонимающим взглядом. — Магией и дурак сможет. А ты вот попробуй как обычный нормальный человек. Магия разбаловала нас: мы стали забывать, что такое настоящий человеческий труд! С магией можно сделать все что

удобно. Даже не делать — все само делается как по волшебству. С магией человек может жить один и ни от кого не зависеть, затем он становится эгоистом, а в конце концов — одиноким отшельником. С магией мы перестаем нуждаться друг в друге и превращаемся в бродячих зверей, которые встречаются только для того, чтобы размножиться. Исчезают привязанности и чувства, исчезает человечность! Все исчезает.

Эта короткая тирада сразу сняла все вопросы, оставив лишь одну мысль: нужно завязывать со злоупотреблением вином.

Блаж выбросила пилу в розовый океан и в сердцах пнула злополучный камень — с того слетела верхушка, откололись боковины и остался один красивый каменный стол. Она посмотрела на стол, обошла его кругом и, сказав «отвратительно», пнула и его. Стол улетел вслед за пилой и громко плюхнулся в океан, подняв высокий розовый водяной столб. Балда заметил, что розовый цвет океана почти незаметно утрачивал свою насыщенность, а это могло означать, что кто-то потихоньку трезвеет во сне.

Внезапно рядом с ними мягко упала и рассыпалась полная сеть красной рыбы. Сразу же начались метаморфозы, и рыба стала превращаться в туман. Тут же раздался плеск упавшего тела — это Вернер приземлился в воду возле острова. Он поднялся — воды ему оказалось чуть выше колен. Словно ждавший этого, ветер уже пытался угнать рассеивающийся улов с острова.

— Стоять! Блаж, чего ты стоишь? — Вернер бежал к острову настолько быстро, насколько позволяла вода. Блаж сообразила, чего от нее хотят, и вокруг острова вмиг возник невидимый магический барьер. Все, что мог сделать пыжившийся ветер, — это прибить туман к магической стене, но выгнать его с острова он уже не мог. Вернер замедлил бег и, пройдя сквозь стену, остановился и вдохнул туман полной грудью.

— Отличный улов! — разомлела Блаж. Спасибо глупому ветру туман быстро растекся по всему ограниченному магией пространству. Они видели друг друга в розовом свете и могли рукой потрогать воздух. Балда понял, что протрезветь ему не дадут. Волшебники умудрились воспользоваться его состоянием и сделать из воды вино, а из винных паров и замкнутого острова — кальянную. Трудно сказать, действовали они спонтанно или организовано, — скорее всего, и то, и другое вместе, ведь они хотели вдыхать рыбу со стола, а в итоге оказались на заполненном дурманом острове. Опьяненные в самом начале, они решили продлить себе удовольствие. Но главное, что у них в итоге получилось воспользоваться сложившейся ситуацией.

— О, мы можем перенаправить косяк рыбы так, чтобы он летел прямо на наш остров! — кажется, Блаж надыхалась новых идей. Балда подумал, что ведь с ними можно проснуться еще более пьяным, чем засыпал, но насколько это хорошо или плохо, было неясно, — эти понятия стали слишком размытыми.

— Если для этого придется отсюда выйти, то я против, — Вернер быстренько сделал из песка в центре острова удобный подголовник и с комфортом на нем устроился. — Мы затратим столько усилий, чтобы все это повернуть, что эффект будет ненамного сильнее, только еще и устанем.

Он говорил точно не о физической усталости, но о какой именно Балда не понимал. Блаж поразмыслила, сделала несколько глубоких вдохов и, добавив песка к подголовнику Вернера, легла головой к его голове, только тело расположила под тупым углом. Балда посмотрел на них и почему-то решил, что для полной гармонии ему нужно лечь так же, — получится звезда о трех лучах, один луч которой будет немного длиннее остальных двух. Он

удобно устроился, и так они пролежали некоторое время, просто наслаждаясь отдыхом и приятным состоянием, в котором пребывал разум каждого из них.

— Н-да, «Болиголов» опять открывается нам с новой стороны. Хорошо, что ты не предусмотрела для него нормальной защиты, а то было бы совсем скучно, — сказал Вернер. — Какие к чертям пришельцы из иных планет? Ты просто ленивая и взбалмошная девчонка, которая захотела даже после своей смерти беззаботно жить в охраняемом от посягательств артефакте и делать только то, что тебе нравится. Ты прожила тысячу лет, но даже в старости вела себя так, словно ты еще ребенок. Может, поэтому все тебя втайне и любили, вот за эту вот непоседливость и неугомонность. Не спорю, ты очень умная и одаренная, но как же ты всех бесила.

Он вдохнул поглубже и рассмеялся. Блаж, наоборот, выдохнула, чтобы не засмеяться во время ответа. Сейчас у нее было прекрасное настроение, и ее можно было критиковать без вреда для себя.

— Кто-то вообще-то даже не удосужился придумать сосуд для своего разума, а воспользовался моими идеями и наработками, — ей все равно было весело. — Да, твоя помощь бесценна, но здесь властвует моя магия, поэтому заткнись. Если ты забыл, то напомню: мой артефакт произвел такой фурор и такой восторг среди наших коллег, что все эти пародийные джинны, желавшие независимости от школы, чуть не полопались от зависти. Помнишь, как я представляла им свое творение? Все скептически усмехались, думали, что я просто трепло и фантазерка, потому что никто раньше не смог даже представить, что можно установить такую внутреннюю связь: попасть в подсознание человека и научить его управлять работой своего тела во время сна.

Блаж попробовала не дышать, чтобы сосредоточиться, но ничего не вышло, и она прыснула со смеху. Балда находился в чудесном воздушном состоянии, по его телу бродили приятные мурашки, и он был уверен, что и Вернер, и Блаж ощущают что-то похожее. Он не вклинивался в разговор, а просто слушал их историю. Ему было интересно узнать, как они жили и чем занимались в своей великой школе магии.

— Целых пять лет они смеялись надо мной, пока мы не предоставили им демонстрационный образец. Ты помнишь, глава школы, этот балабол, который нам по возрасту в праправнуки годился, первым пришел испытать на себе действие моего шедевра, — Блаж произнесла это с нескрываемой гордостью.

— Глава школы, Бардамол, потому и пришел испытать твой шедевр, что никто больше не хотел рисковать своим здоровьем, а на нем лежали определенные обязательства. Он же не знал, что кто-то додумается экспериментировать с человеческим подсознанием. Все остальные боялись, что уснут в твоём, тогда еще в форме колпака, артефакте, а потом проснутся полоумными и даже не смогут попросить, чтобы их прибили, — расслабленное состояние опьянения позволяло Вернеру сказать больше, чем он говорил ей когда-либо. Потом можно было отбрехаться, что он ничего не помнит, и вообще во всем виноват злоупотребляющий вином Балда.

— Зато помнишь, какая потом ко мне стояла очередь из желающих проверить действие артефакта на себе? — Блаж не рассердилась за его откровенность. — Вот тогда все эти смеющиеся засранцы на коленях ползали, только бы испытать это новое для них чувство.

— А как ты попадала в их подсознание, если была еще жива? — спросил Балда.

— Тогда у нас была опытная модель: один колпак надевали на подопытного, а второй надевала я. Работали они так, что нельзя было понять, кто в чьем подсознании находится.

Да, вот такие мы разработчики артефактов, — делали вещи по наитию, а потом разбирались, как они работают. Потом мы с Вернером выяснили, что колпаки синхронизировали сны обоих участников эксперимента, то есть, говоря простым языком, участники видели один общий сон. Колпак подопытного блокировал магические возможности во сне, так что все считали, что попадали в мой сон, поскольку лишь я могла создавать площадки для обучения и менять тематику снов. Но мы никому об этом не рассказали, как и о многих других тонкостях. Много хитреньких волшебничков хотели поучаствовать, только чтобы узнать наш магический секрет, — разумеется ничего у них не вышло. Даже я не уверена, что знаю о всех возможностях артефакта, а так как Вернер помогал мне не постоянно, то он знает еще меньше. Мы быстро поняли, что вещь получилась слишком уникальная и опасная, поэтому наложили на нее множество ограничений.

— И как сейчас выясняется, этих ограничений оказалось недостаточно, — добавил Вернер.

— Все предусмотреть невозможно. Мы и так потратили еще целый год на доработки и усовершенствование магического мира и связей. Маги слишком долго живут. Когда тело стареет, пусть даже за тысячу лет, то и активность сильно падает, и уже не хочется ни бегать, ни прыгать, ни заниматься волшебством, и хоть бы там мир вокруг рушиться начал, уже как-то наплевать становится на это. Тело обременяет сознание. Долголетие — это проклятие школы магов.

— Поэтому многие умные маги продумывают пути отхода гораздо раньше, а не за пару лет до смерти, — напомнил ей Вернер.

— Эти многие, если ты забыл, ничего путного в своей жизни так и не придумали. Все их артефакты просто вызывали их плавающие в магическом эфире сознания в реальный мир, в какой бы сосуд они это сознание не засунули. Уверена, что те, кто стал джиннами, создав себе небольшие магические миры, в которых можно продолжать существование и развитие, поступили гораздо мудрее многих наших знакомых, да и возможностей у джиннов очевидно гораздо больше, — они снова вступали в словесное противостояние. Балда о джиннах даже и не слыхивал, но помнил из прошлого разговора, что ими становились маги, решившие не связывать себя со школой магии после смерти. Все это ему было очень интересно, хоть и не до конца понятно.

— Если вы жили по тысяче лет, то магов в ваше время, должно быть, было очень много? — Балду интересовали вопросы, которые нормальных людей почему-то не интересовали. Блаж улыбнулась такому любопытству, ей нравилась эта непосредственная детская проницательность.

— Магический парадокс — маги жили по тысяче лет, но их было не так уж и много. Во-первых, долгую жизнь давала аура школы, покинув пределы которой многие маги начинали стариться так же, как и обычные люди. Я говорю многие, потому что были и те, кто сумел каким-то способом унести с собой частичку этой ауры либо воссоздать ее самостоятельно. Во-вторых, ученики появлялись не часто, порой один за десятилетие, и это были либо дети, рожденные с особым магическим даром, либо обычные дети, в которых какой-нибудь волшебник сумел распознать задатки к управлению магией, лично убедиться в наличии такого таланта и отправить ребенка в школу магии. Но случалось и такое, что некоторые одаренные магией или способностями дети даже в школу не попадали, — маги брали их под свое крыло и обучали лично. О таких детях мы много слышали, но практически ничего не знали.

Среди обучившихся магов мало находилось тех, кто хотел остаться работать в школе. У школы были свои правила и ограничения, а у тех, кто в ней жил, были определенные обязательства. Поэтому многие выбирали короткую, лет в двести, но интересную и разгульную жизнь в городах, где маг был уважаемым и особенным человеком, чем долгую, но ограниченную правилами жизнь в обществе, где ты был таким же магом, как и все, а часто даже просто обычным магом рядом с могущественными чародеями. В общем, тонкостей хватало, но главное, что у каждого мага был выбор, как воспользоваться своей магией.

В наше время были и очень талантливые маги и не очень, были добрые, были и злые. Конечно, невозможно было предугадать, кто и как себя поведет после прохождения обучения, поэтому на всех прошедших обучение учеников накладывались чары, которые позволяли поддерживать с ними связь и определять их приблизительное местоположение. Также все ученики подписывались под обязательством не применять магию против школы, иначе они объявлялись вне закона и могли понести ответственность за свои злодеяния. Обязывать магов не участвовать в войнах школа не могла по разным причинам: маги разбредались по разным странам и далее вынуждены были жить по законам своих стран, а если между странами возникали конфликты, то маги обычно вставали на сторону своей страны и своего народа. В этом вопросе было много неразберихи, поэтому школа в эти дела старалась либо не лезть, либо лезть, но очень осторожно.

Многие страны пытались создать свои собственные школы магии, и высшая школа магии не возражала против этого, но и ничем не помогала. А без этой помощи везде получались лишь клубы фокусников, даже если ими руководил ученик высшей школы магии. Не помогала высшая школа потому, что считала магию слишком опасной материей, требовавшей столетий, чтобы понять всю ее уникальность, многогранность, сложность и самое главное — опасность. А в руках любителей магия часто становилась просто оружием по уничтожению видов. Но даже десяток одаренных учеников не могли получить все необходимые знания и воссоздать уникальную магическую атмосферу высшей школы, которая формировалась тысячелетиями. Высшая школа особо не лезла в политику, возможно, даже сознательно — это и уберегло ее от создания альтернативной школы, которая бы ей обязательно противостояла. А противостояние в магическом мире, как известно всем магам, всегда выливается в конфликт, который всегда плохо заканчивается.

— Как мы уже знаем, такой конфликт все равно случился, — вклинился в ее речь Вернер. Отсутствие зрительного контакта раскрепощало беседу. — Неприятно признавать, но наш общий друг оказался прав в своих пессимистичных прогнозах. Жаль только, что у нас так мало информации. Либо все-таки внезапно обнаружилась тайная альтернативная школа, которую очень умело скрывали, либо конфликт разгорелся внутри самой высшей школы, что на мой взгляд более вероятно. Помнишь, какие у нас были яростные споры о моральной стороне использования боевой магии, магии лечения и еще о сотнях случаях применения магии. Там точек зрения было больше, чем спорщиков. Не удивлюсь, если наши лучшие друзья в итоге разругались и все сожгли к чертям! Хотя если ты со своими причудами не уничтожила магический мир, то винить во всем остальных просто смешно.

— Смейся, смейся, но факт остается фактом — мир разрушен, а я чистенькая и беленькая и ни в чем не замешана, ля-ля-ля! — Блаж засмеялась, ее накрыло игривым настроением.

— Какие еще были преимущества высшей школы магии, кроме долголетия? — не

отставал со своими вопросами Балда.

— О! Думаю, что самым главным преимуществом школы было прекрасное окружение. В школе тебе не приходилось сталкиваться с идиотами, не считая совсем юных учеников, но это было возрастное и со временем исправлялось. В обычном мире идиоты окружают тебя каждый день, и от них невозможно избавиться. Из школы часто уходили как раз закомплексованные маги, желающие чувствовать свою значимость. В городах они окружали себя лебезящими вельможами, всякими просителями и слугами и купались в своем личном море славы и богатства. Это можно трактовать и как плюс, и как минус, в зависимости от того, настоящий ли ты маг, чья цель — познание магии, или же ты просто властолюбивый честолюбец с определенными магическими талантами. Еще в высшей школе перед магами стояли высокие человеческие цели: мы пытались решить проблемы голода и холода в неблагоприятных с точки зрения климата и почвы местах Солидуса и достигли в этом значительных успехов. Мы решали проблемы жизни в пустынях и болотах, не нарушая естественного формирования природных условий, мы изучали особенности диких животных и пытались воспроизвести эти особенности с помощью магии, чтобы применить их на благо людей, мы изучали домашних животных и старались улучшить их хозяйственные показатели. Мы создавали магические кузницы, мельницы, плантации, машины, работающие на магии, и могли наладить производство чего угодно в любых масштабах. Магия могла использоваться в любой сфере человеческой жизни и сделать жизнь человека лучше, но все наши попытки изменить мир часто упирались в тех же идиотов, которых абсолютно не прельщала идея всеобщего благоденствия, которых абсолютно не волновало качество жизни людей, их окружавших, а личные амбиции, алчность и властолюбие были их главными путеводными звездами. Но мы все равно делали то, что считали правильным, потому что это доставляло нам радость. Все маги, покидавшие школу, либо поступали на вакантные должности в городах, либо занимались частным промыслом, — в обоих случаях они вынуждены были выполнять «хотелки» своих правителей, управителей и заказчиков, а поскольку большинство этих людей были, как я уже сказала, идиотами, то и желать они могли либо новое оружие, либо вечную молодость, либо приворожить кого-нибудь, а то и просто пить и не пьянеть, жрать и не жиреть, ну и что там еще закомплексованные мужчины могут себе пожелать.

Блаж выдохнула рассеивающийся и уходящий в небо туман. Балда слушал с открытым ртом, потому что все эти рассказы звучали как какая-то волшебная сказка. Он даже не все сказанные слова понимал. Мысль о том, что это не какое-то волшебное будущее, которое всех их ждет, а далекое утраченное прошлое, которого люди лишились по собственной глупости, сильно его опечалила.

Глава 9 (часть 2 из 2)

— Ты рассказывал, что у тебя там команда охотников, и в команде есть маг. Расскажи, что он умеет делать, с помощью магии, разумеется? Вырезание свистулек из дерева меня не интересует! — Блаж засмеялась. — И на что вы там охотитесь такое?

— Ну, сам я в охоте не участвую, а вот дядя со своей командой охотится на магических животных — это обычные животные, которые случайно наткнулись на разбросанные по миру сгустки магии и смогли выжить и приспособиться к ней. Обычно всех этих животных магия делает сильнее, быстрее и умнее, чем они прекрасно пользуются в своей жизни. Охотятся на животных ради шкуры, которая особенно ценится благодаря своим магическим свойствам. Не знаю точно, что с этими шкурами делают, но, судя по всему, их выделывают и шьют из них магические вещи, обладающие различными параметрами, в зависимости от того, какое животное какой источник магии нашло.

Блаж села и посмотрела на Балду выпученными глазами. Вернер лежал молча, еле сдерживая смех.

— Что до нашего мага, Кристофа, — продолжал Балда, — то он несколько лет обучался магии в магической то ли школе, то ли академии в Товерне. Из того, что я знаю, он умеет вызывать огонь и совершать различные манипуляции с воздухом, — недавно он спас моего падающего дядю, создав, как он сказал, «воздушную подушку». Еще он умеет наделять магией оружие, увеличивая наносимый им урон, но для этого ему нужны специальные приспособления. Ну и всякие бытовые мелочи умеет делать: очищать одежду, покрывать магией посуду и тело, чтобы они не пачкались. Ах да, еще он умеет делать парные амулеты — если он не соврал тогда в магической лавке. Думаю, что он может еще много чего, просто я всего не знаю.

В этот момент Вернер не выдержал и заржал в голос. Балда сел и обернулся к ним: он увидел слезы на глазах смеющегося Вернера и сидящую Блаж, на лице которой отражалось ироничное удивление, граничащее со ступором.

— Я что-то не то сказал? — тихо спросил Балда. Блаж только покачала головой.

— Я уже поняла, что война отбросила вас на самое дно, и вы одичали, но, когда ты сказал про города-государства, у меня сложилось впечатление, что сейчас все не так уж и плохо. Однако в плане магии за две тысячи лет можно было хоть немножко подняться. А сейчас я просто уверена, что вы снимаете с пораженных магией животных шкуры только потому, что эти шкуры светятся магическим светом. Но это такая дикая нелепость и предрассудки, что у меня нет слов. Магия не живет в мертвом теле того, кто не владеет ею с рождения, а в теле врожденного мага сохраняется лишь несколько дней. На меховых шкурах магический эффект будет сохраняться дольше, но через неделю-две от него ничего не останется. Единственная ценность такой шкуры — это ее плотность и прочность, приобретенные за то время, что животное пользовалось магией. Можно просто пошить одежду из двойного слоя обычных шкур, и она будет плотнее, если мы сейчас говорим о каком-то подобии легкой брони. Я так понимаю, что вряд ли из них делают носки и шапки.

— Я слышал, что со шкур пытаются собрать магию. Когда мы снимаем шкуру, то покрываем ее специальным раствором, удерживающим магию, — Балда уже понял, что сейчас в их глазах выглядит еще большим идиотом, чем в реальном мире, но нужно было во всем разобраться до конца.

— Кажется Блаж не понимает, как зарабатываются денежки, — вмешался Вернер. — Продается не какая-то шкура, а шкура непобедимого магического монстра, и плевать, что она просто толще обычной, зато можно всем говорить, что она волшебная, защищает от стрел и заживляет раны. Иллюзия — самый дорогой товар во все времена во всех мирах.

— Ладно эти шкуры — идиотизм полнейший, но ты сказал, что Кристоф маг. Вернер, ты слышал? Они называют магом фокусника, который умеет разжигать огонь, уплотнять воздух и делать амулеты! Скажи еще, что Кристоф пользуется волшебной палочкой и произносит заклинания вслух. И у них там целые школы таких фокусников. Что еще? Они оружие покрывают магией, чтобы оно не просто резало, колело или рубило, но еще и обжигало или било магическим током.

— Он еще раны заживлять умеет, — тихо промямлил Балда в защиту Кристофа, вдруг вспомнив, что тот в команде выполнял роль целителя. Он помнил, что никакой палочки у Кристофа не было, но многие свои заклинания он порой проговаривал вслух. С одной стороны, ему было немного обидно за прямоту Блаж, но с другой — он видел, что судьба свела его с уникальными для его мира людьми, которые родились и выросли в совершенно другой вселенной, которой уже две тысячи лет как не существует. Они не пытались обидеть или принизить Кристофа, они просто давали ему понять, кем бы был Кристоф со всей своей магией в их мире. К тому же злиться на Блаж было совершенно невозможно. Если даже великие маги ее мира просто смирились с ней, и сам глава высшей школы не смог отказаться от испытания опытного образца ее артефаката, то ему, Балде, вообще не на что было жаловаться.

— О! Не все так безнадежно! — сказал Вернер. — Лечебная магия даже мне давалась с трудом, а Блаж так могла даже больше навредить, чем залечить. Помнишь, как...

— Заткнись! Для магии лечения нужен особый дар! Может быть, твой Кристоф не тем занимается, — Блаж вопросительно подняла брови. — Лечить людей гораздо лучше, чем фокусы на рынке показывать.

— Так он нас и лечит, когда в битве с очередным монстром кто-нибудь из нас оказывается ранен, — Балда начал увереннее защищать Кристофа. — Обычно этим кем-то бывает Джоф, мой дядя, потому что он стоит в первых рядах, точнее, ряду, точнее, он бьется с монстрами один на один, а Роджер с Хлоей его обстреливают, а Кристоф либо лечит, либо пытается дезориентировать монстра магией.

— Зачем Роджер с Хлоей обстреливают твоего дядю? — Вернер поймал Балду на странном построении фразы.

— Чтобы он не переусердствовал и не повредил ценную шкуру, — Вернер повернул голову и посмотрел в покрасневшие глаза Балды. Секунд пять длилась пауза, затем они оба засмеялись. Блаж зевнула, — не хватало только, чтобы она уснула во сне Балды.

— Если ты раздобудешь себе хотя бы капельку магии, то уверена, что я смогу научить тебя пользоваться ею лучше, чем умеет и смог бы обучить тебя Кристоф, — самоуверенная и пьяная Блаж все еще ходила вокруг Кристофа. — Нам так и не довелось проверить артефакт на магическое обучение с нуля, потому как в школе новички уже обладали достаточными представлениями о магии. Но вот обычное магическое и физическое обучение оказались очень эффективными.

— Когда мы приступим к обучению? Мне нужно догнать мой возраст и мой мир, чтобы стать полноценным человеком, — он три раза запнулся на короткой фразе, так как разволновался после предложения Блаж, и все равно сказал вовсе не то, что думал на самом

деле.

— Чтобы стать полноценным, тебе не нужно ничему учиться, — просто носи «Болиголов» и будешь как обычный человек для своего мира. Но если ты хочешь стать сильнее, умнее, ловчее и даже научиться владеть магией, то в этом я могу тебе помочь. Ну или же можем просто поискать решение, как вылечить твой разум, чтобы ты мог пользоваться своей памятью и без «Болиголова»! — высказалась Блаж.

— Я готов обучиться всему, чему вы сможете и захотите меня научить! — коротко и без лишних слов ответил ей Балда.

— Отлично! Приступим, как только ты протрезвеешь! Мы все в одной лодке — пьяный ученик и пьяный учитель не очень хорошее начало.

— Зато на любом уроке мы всегда будем общаться на одном языке, — попытался пошутить Вернер, но Блаж не рассмеялась.

— Сегодня мы, конечно, повеселились, но с этого дня ты перестаешь пить. Это самое главное правило обучения! Точнее, одно из самых главных правил, — уточнила Блаж.

— Какие еще есть самые главные правила? — спросил Балда.

— Я буду сообщать их тебе по мере необходимости, — ответила Блаж.

— Ты имела в виду «по мере появления!» — быстро отреагировал Вернер, но Блаж проигнорировала это замечание.

Вернер убрал магическую защиту с острова, и ветер тут же выгнал остатки розового тумана. Это никого не расстроило, так как эффект от тумана никуда не делся.

— Где ты умудрился так напиться? — спросил Вернер. Балда открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг понял, что слова бесполезны, — такое нужно показывать.

— Сейчас покажу. Ложитесь поудобнее, — из песка поднялись три комфортные лежанки, тут же занятые немногочисленными зрителями, небо потемнело и на его фоне появилась таверна, наполненная людьми. На этот раз Балда не стал размывать лица тем, кого знал, а остальные посетители никому не были интересны. Он не стал им показывать часы застолья, а только продемонстрировал царившую в таверне атмосферу.

— Я узнаю это лицо! — сказала пораженная Блаж. — Неужели этот жирдяй смог дожить до вашего времени. Вернер, узнаешь его?

Она говорила явно не о Джофе, а о Соларусе.

— Еще бы. Ученик, которого впихнули в школу только потому, что его родители были меценатами города, — это вызвало массу недовольства, а глава школы чуть не лишился своего места. Даже не помню, как это смогли замять, но мальчик остался на обучении. Ни врожденного магического дара, ни талантов к магии у него не было, но старался как мог. Вообще-то это первый упитанный маг, который обучался в нашей школе, — довольно редкое и парадоксальное явление. Обычно магия сама помогает поддерживать организм в тонусе, и энергия мага рационально распределяется по телу, а при избытке энергии увеличивается ее плотность и концентрация, так что растолстеть магу сложно даже намеренно, — Вернер прервался и приподнялся на локтях, чтобы лучше разглядеть Соларуса. — Но в итоге он смог закончить школу и, хоть и довольно плохо, сдать нужные экзамены. Не удивлюсь, что он до сих пор называется Соларусом. Сам себе выбрал космическое имя. Давно это все было.

— Самовлюбленный малый! — сказала Блаж. — Сейчас вспоминаю, что он постоянно расспрашивал преподавателей о магической ауре школы и о вечной молодости. Значит он в итоге нашел способ продлить свою жизнь.

Балда быстро понял, что Соларус был единственным правителем своего города за все

время его существования. Он рассказал им, что Соларус основал свой собственный город Соларсбург и собрал в нем не самых честных людей, но в его городе законы работали лучше, чем в некоторых других городах. Эта популярная таверна «Синяя лошадь» как раз находится в Соларсбурге.

— Если бы я столько весил, то искал бы способы похудеть, — заметил Вернер.

— Может, он и искал и до сих пор ищет! Просто для этого ему нужно много времени, — Блаж стала в защиту Соларуса. Из общения этой парочки было сложно понять, занимает ли Блаж противоположную точку зрения потому, что серьезно так думает, или потому, что она противоположная.

— Тогда надо ему сказать, что таверна не лучшее место для таких поисков, — парировал Вернер.

— Не думаю, что он недоволен своей фигурой, иначе бы вряд ли согласился на такую долгую жизнь с такой неразрешимой проблемой, — предположил Балда. — Если даже магия не может помочь ему поддерживать фигуру, то другие способы тем более не помогут. Я прав?

— Кого ты спрашиваешь? — спросила Блаж. — Мы маги, а не эксперты по лишнему весу. Может быть, он действительно собой недоволен, не может похудеть и ищет какой-то особенный способ. А, может быть, он уже не раз худел, просто быстро набирает вес, учитывая то, что он сидит с вами в таверне.

— Давайте переключимся. Просто порадитесь за Соларуса: он пережил войну, построил город и до сих пор отлично выглядит! — Вернеру надоело обсуждать лишний вес и Соларуса. Он сейчас даже немного завидовал Соларусу, ведь тот был жив, а Вернер мертв.

— А больше никого не узнаете? — спросил Балда. Роджер надел на его голову «Болиголов», забрал его у Хамана и сделал так, что артефакт в итоге оказался у Балды, — все это наводило на конкретные размышления. Ему хотелось узнать о Роджере больше, и его лицо в какой-то момент заняло половину неба.

— Это что за бородач? — поинтересовалась Блаж. — Симпатичненький! Уверена, он встречается с этой девчонкой!

— Обычный мужчина, — приревновал Вернер бестелесную Блаж к мужчине, с которым у нее никакой возможности встретиться не было. — А вот девушка — красавица. Это ваша лучница Хлоя?

— Да, — Балда принял их ответы, но подумал, что это ничего не доказывает и не опровергает. — Она ни с кем не встречается, насколько я могу помнить и понимать.

Он показал им Джофа, которого сочли довольно интересным и воинственным, и Кристофа, которого сочли достаточно худым для мага.

— Стой! Можешь остановить свое воспоминание? — попросила Блаж в месте, где все сидели за одним столом и Соларус уже собирался уходить. Балда остановил картинку, чему сам очень удивился. Дальше Блаж уже все сделала сама. Она махнула рукой и всем показалось, что она повернула небо. Она приблизила лицо Кристофа — он выглядел пьяным и находился в состоянии моргания с полуоткрытым ртом. Картинка пришла в движение, и лицо несколько раз моргнуло, сделало движение губами, а по шее прошла странная судорога. — Твои воспоминания довольно четкие, особенно эти мелочи, которые не запомнит сознание. Вернер, что думаешь?

— Да это может быть что угодно, — пожал плечами Вернер. — Может, у него какой-то тик, спазмы или судороги от недостаточного веса и частого употребления алкоголя.

— Он худой не от голодания, а напивается с нами всего несколько раз в год. По утрам он всегда занимается медитацией с Хлоей и Роджером. Если честно, я такой судороги у него никогда не замечал, если мы можем полагаться на мою нынешнюю память, — отчеканил Балда.

— Ну, тогда похоже на отравление багрянницей, — сделал заключение Вернер.

— Очень похоже, — подтвердила Блаж. — Эту ягоду вывели в высшей школе еще до нашего там появления. По сути это малина с магическим эффектом. Если добавить ее в вино, то она придает ему особый приятный вкус. Только вот такое вино странным образом действует на врожденных магов: пока ягода не выведена из организма — а это несколько дней — маги теряют способность управлять своей магией и чувствуют сильную усталость. Особенно это касается всех новичков, которые все еще управляют магией через заклинания. Магам высокого уровня такие проделки не страшны, поскольку они сами могут снять с себя эффект от багрянницы с помощью магии.

— Либо сделают быстрое противодействующее снадобье, — добавил Вернер.

— Мы в школе так подшучивали над врожденными магами. Было весело смотреть как они лажают на практических занятиях по магии, а потом ходят на пересдачу, — Блаж рассмеялась. — Думаю, такой трюк с Кристофом мог провернуть только Соларус.

— Либо вам случайно достали древнее изысканное вино. Багрянницу не сложно вырастить, главное знать как.

— Это не опасно для жизни? — все, что хотел знать Балда.

— Да нет, напрямую магу это не навредит. Но косвенно может и убить: он же у вас лекарь, так что смотрите не пораньтесь ближайшие три дня.

Балда успокоился после этих слов. Весенний сезон охоты закончился, и все, что им было нужно, это добраться до Товерна и сдать шкуры. В компании Джофа это не представляло особых трудностей. Заметив непонятно с чем связанную скуку в глазах Блаж, Балда, чтобы развеселить ее, показал им выступление барда. Уже через несколько минут глаза волшебницы вновь загорелись огнем. Сначала симпатичная Хлоя не вызывала в ней никакой реакции, но, как только она увидела ее на столе, услышала ее голос и прочувствовала ее энергетику, сразу же в нее влюбилась. Вернер тоже оценил весь шарм юной лучницы. На песне, где все топали, оба мага начали хлопать в ладоши, а песня про вора запала им в душу.

— Ох, смотреть на это веселье со стороны выше моих сил! — внезапно Блаж резко вскочила прямо на стол к Хлое, потому что они каким-то чудесным образом оказались в той самой таверне. Она вписалась в воспоминания Балды, изменяя их под себя, и заняла место одной из девушек из Борделя. Балда и Вернер оказались возле стола, среди толпы лезущих к столу пьяниц. Блаж начала скакать под музыку вместе с девушками, а затем вытянула обоих мужчин на стол, заставив кружиться с ней в хороводе. Они не смогли отказать Блаж не потому, что музыка была зажигательной, а потому что были немного ошарашены тем, что совершенно неожиданно оказались внутри воспоминания Балды, где детальное воспроизведение таверны и ее посетителей поражало своей реалистичностью. Балда мог видеть Хлою еще ближе, чем видел накануне. Вернер был поражен не меньше: они и раньше могли видеть воспоминания и сны тех, кто надевал находящийся в разработке артефакт, но быть их непосредственными участниками им еще не доводилось. Хотя, может быть, Блаж уже и доводилось, просто Вернер об этом не знал.

— Ты поражаешь меня даже через тысячи лет нашего знакомства, — Вернер послал

Блаж личное сообщение, которое сейчас невозможно было услышать иначе.

— Не хотела раскрывать свои козыри и не раскрыла бы, если бы не этот парад планет из обстоятельств. Думаю, этот Балда не такой простой малый, если невольно и с легкой доверчивой наивностью способен делать то, чего многие не смогут добиться и за столетия. — Здесь она намекала на самого Вернера, но он пропустил это мимо ушей.

Все, что Балда мог показать Блаж, та могла превратить в реалистичный мир и поместить их внутрь этого мира. Он понял это и без ее объяснений. К тому же сейчас Блаж была занята танцами и не собиралась ничего объяснять. Некоторые песни она проигрывала по несколько раз и танцевала то на столе, то в толпе посетителей таверны. Вернеру таверна понравилась, но выпить вместе с посетителями у них не получилось. Балда немного освоился и с этими метаморфозами своего сознания и ходил рассматривал лица посетителей и любовался Хлоей и ее энергией. Он вспомнил песню, которую Хлоя пела в поселении, но решил, что для нее нужна иная, более спокойная обстановка. Еще его останавливала мысль, что скачущее настроение Блаж может ускакать в сентиментальную сторону, а он не был уверен, что сможет вынести женские слезы.

— Девчонка умеет отрываться! — ликовала Блаж, крича ему на ухо. — Не то что эти выпивохи.

— Хлоя говорит, что наш мир силы принадлежит мужчинам, поэтому женщина, если хочет выжить, должна быть пробивной! — кричал он ей в ответ.

— Что за бред! Мир силы может и принадлежит мужчинам, но она живет в мире магии. Скажи ей: кто умеет управлять магией — тому и принадлежит мир. — Блаж выдавала улыбку, похожую на лисий оскал. Она взглянула вверх на горящие глаза Хлои. — Такой музыке нужно движение. Ну-ка садитесь.

Они вновь оказались на острове и сразу же плюхнулись в мягкие кресла, потому что остров вдруг рванул с места. Вода уже хотела все залить, но остров оторвался от воды и полетел вперед чуть над поверхностью, постоянно цепляя воду. Он набирал скорость, и ветер вместе с брызгами воды начал хлестать их по лицам и залетать в раскрытые рты. Небо вернулось в свое светлое состояние, но музыка осталась. Она нарастала, увеличивался такт, и скорость полета росла вместе с ней. Вернер и Блаж смеялись, а Балда не успевал скрывать своего восторга и удивления. Впервые в жизни он почувствовал такую скорость полета и мертвой хваткой вцепился в подлокотники. Но вскоре страх прошел и осталось только чистое прекрасное ощущение безумного неутомимого движения. Они носились по бескрайней воде, круто поворачивали то влево, то вправо, так что чуть не вылетали из кресел. Бедные пальмы так гнулись, что уже почти лежали, и их длинные листья хлопали по оставленному островом следу на розовой воде. Иногда рядом с ними наперегонки выпрыгивали из воды странные стрекодухи рыбы, — Блаж сказала, что это дельфины. Она всегда их представляет, когда не может остановиться. Вернер подтвердил, что тормозов у Блаж никогда не было. В ответ на это остров резко затормозил на крутом развороте, так что все впечатались в спинки кресел.

— Фух, вот это погоняли, — Блаж встала и тут же упала на песок и заржала, у нее кружилась голова. Вернер и Балда продолжали сидеть, пока мир вокруг не перестал лететь и вращаться.

— Расскажи, как мы оказались внутри моего воспоминания! — Балда отбросил все мелкие вопросы и остановился на одном-единственном. Если Блаж могла погрузить его в глубь его памяти и позволить ему пережить все почти так, как это было в реальности, то

значит с ее помощью он мог бы более четко вспомнить все события своего детства, свою маму и своего отца, а значит, смог бы разобраться в том, что случилось с его семьей.

— Очень немногие волшебники, достигшие высоких познаний в магическом искусстве, могли проникать в воспоминания людей с их или без их ведома, но эта магия всегда была под запретом, и все маги, уличенные в ней, могли понести самое суровое наказание, — Блаж зашла издалека. — Таких магов можно было пересчитать по пальцам. И если ты вдруг подумаешь, что я из их числа, то ты ошибешься. Я просто развернула воспоминание, которые ты сам нам показал.

— В высшей школе магии самым суровым наказанием было лишение магии и невозможность использовать ее в дальнейшем. Не имело значения, была ли магия врожденной или приобретенной: если тебя лишали магии, то как маг ты умирал безвозвратно. За всю историю школы было всего несколько случаев, когда магов лишали магии, но все они были задолго до того, как мы с Блаж попали в школу, — вставил замечание Вернер.

— Проникнуть в воспоминание врожденного мага невозможно: магия оберегает своего хозяина и во сне, и даже тогда, когда он предается своим воспоминаниям. Маги с приобретенной магией больше подвержены такому риску, потому что в их воспоминание можно попасть с их на то разрешения. Но мало найдется дураков, которые позволят кому-то проникать в их воспоминания, потому что чужак может изменить что-нибудь незначительное, и это измененное воспоминание повлияет на всю дальнейшую жизнь мага. В воспоминания простых людей также можно попасть с их разрешения, то есть их можно обмануть. Думаю, что про опасность того, к чему приводит проникновение магов в сновидения простых людей, можно не объяснять, но все же. Например, можно проникнуть в воспоминания правителя какой-нибудь крупной страны и изменить его отношение к соседним странам, что может вылиться во враждебное поведение и в итоге привести к войне. Но не все так печально, потому что любого человека, особенно влиятельного, который вдруг резко изменил свое поведение, любой относительно сильный маг мог проверить на наличие в его разуме инородной магии и сообщить об этом в высшую школу. А сильные маги высшей школы могли узнать, кому эта магия принадлежит.

— Да, Балда, твое удивление понятно. Магия уникальна для каждого волшебника, — Вернер аккуратно захлопнул Балде подбородок. Кажется, тот не успевал впитывать полученные знания.

— Поэтому только какой-нибудь маг-отшельник в далеких и безвестных краях мог пытаться творить такие штуки, но остаться неузнанным он все равно не мог. Да, на его опознание ушло бы какое-то время, но в любом случае его бы узнали и нашли. Повторюсь, магов с такими способностями единицы, все они точно прошли через высшую школу, и их имена известны, потому что ни один самоучка не сможет в одиночку достичь таких высот, как бы он этого ни хотел.

— Ну, это очень самоуверенное утверждение, — скептически заключил Вернер. — Высшая школа всех нас так разбаловала, что мы уже и мысли не допускали, что кто-то может чему-то научиться сам. Но, как видишь, Балда живет в мире, где магию умудряются приобрести звери, а некоторые из них даже могут родиться с ней. Так что я бы не зарекался.

Балда понял больше, чем хотел, а главное понял, что Блаж может развернуть его детские воспоминания по его просьбе, и, возможно, он сможет разобраться в своем прошлом. Только вот попросить об этом было страшно, потому что он и хотел узнать, что на самом деле

случилось с его семьей, и боялся этой правды. Он временно отпустил эту мысль, чтобы не утомлять себя лишними переживаниями.

— Если у тебя есть какие вопросы, то сейчас самое время, пока она в ударе! — шепнул ему Вернер. Балда понял его.

— Почему вы рассказываете мне такие вещи? Вы же меня совсем плохо знаете. Вы не боитесь, что я могу их неправильно использовать в своем мире. Например, навредить кому-нибудь, рассказав о них?

— Как тебе это объяснить, чтобы было понятнее, — Блаж погладила себя указательным пальцем под нижней губой и подняла глаза к небу. Затем развела руки в стороны и улыбнулась ему. — Мы мертвы! Понимаешь?

Чем короче объяснение, тем оно понятнее, но легче от этого не становится. Балда принял такое объяснение, не став ничего уточнять, раз Блаж сама не стала.

— Еще один вопрос, — попросил Балда. — Как я понимаю, вы можете создавать внутри «Болиголова» все, что хотите! Тогда почему мы все время встречаемся на песчаных островах в бескрайнем океане? И вы всегда в одном и том же облике.

— Чтобы объяснить тебе это, нам придется продержать тебя здесь пару тысяч лет, — засмеялся Вернер. — Все, что мы могли себе вообразить и представить, мы с Блаж уже давно перепробовали. Не буду рассказывать подробностей, — они не для всех ушей. Но в конце концов мы поняли, что все на свете приедается, кроме шума набегающих волн безбрежного лазурного океана, игривого ветра, бескрайнего светлого пространства, нежного теплого песка и шелеста прекрасных деревьев. А самый лучший образ — это тот, к которому ты больше всего привык, тот, кем ты себя ощущаешь. Мы ощущаем себя молодыми чародеями и большую часть нашего бесконечного времени проводим в этом образе.

— Не знаю, не знаю, говори за себя! Я так часто бегаю кошкой по горам, что с этими ногтями мне уже даже не удобно, — осадил его Блаж, засмотревшись на свои красивые и длинные ногти. — Но, если ты хочешь, попробуй, прояви свою фантазию и измени мир. Только пожалуйста никакого мрачного космоса. Оставь мне это розовое небо.

Балда закрыл глаза внутри и так уже давно закрытых глаз и представил себе самый простой водопад. Он видел его однажды, когда они переходили какую-то горную реку. Водопад был небольшой, но шум бесконечного потока воды завораживал. Остров, на котором они находились, начал разрастаться и подниматься, быстро превращаясь в бескрайнюю горную равнину с заливными лугами. В небе появилось ясное и жаркое солнце, а они все оказались где-то высоко в горах прямо посередине уступа, с которого срывался невысокий водопад. Окружающие их и убегающие к вершинам сосны, кедры, пихты и кипарисы создавали ощущение уюта, так резко контрастирующего с бескрайним простором океана. Небольшая прозрачная речка хлестала через плоский каменистый уступ прямо под ногами и устремлялась в такое же прозрачное и уютное, окруженное песком и хвойными деревьями озеро. Вода все еще имела розоватый оттенок, как Балда не пытался ее изменить. Вид сверху ему понравился.

— Неплохо! — похвалила Блаж. — Горные пейзажи — это мое.

Она подошла к самому краю и одним движением руки стянула прямо через себя всю одежду, которая тут же растворилась в воздухе. Впервые в своей жизни Балда увидел обнаженное женское тело, которое показалось ему совершенным. Это было тело огромной кошки, принявшей женский облик: длинные мускулистые ноги восходили к роскошным бедрам и упругим, в меру широким ягодицам, плавно сужающимся и перетекающим в

красивую и гладкую спину, увенчанную чуть вытянутой головой с черным хвостом волос. Ее плечи могли бы показаться слишком большими, если бы так идеально не сочетались со всем остальным телом. Балда открыл рот от изумления и возбуждения, которое его ментальное тело никак не выдавало, иначе он бы стал чувствовать себя еще более неловко. Блаж уже воздела руки для своего прыжка.

— Блаж! — перекричал Вернер шум водопада. — Может, ты забыла, но мы здесь не одни!

Вернер имел в виду присутствие Балды. И он тут же ударил себя ладонью по губам, так как понял свою ошибку. Если бы он промолчал, то сейчас она бы уже с полной величия грацией летела в объятия озера вместе с водопадом, и он бы только пожал плечами, мол, вот такая она непредсказуемая и своеобразная. Но этот окрик остановил Блаж, и она повернулась к ним, представив на обозрение Балды еще и свою идеальную грудь. Балда понял, что здесь в его отсутствие эти веселые маги ничего не стесняются.

— Ты чего орешь? — она отвела руку с поднятой вверх ладонью. — Не видишь, что человек спит!

Вернер потерял дар речи. Такое заявление ему нечем было крыть, потому что оно было абсолютно правдивым, но все же за гранью здравого смысла.

— Он, может, и спит, но ты сейчас стоишь перед ним голая! — прокричал он нелепый оправдательный ответ, не понимая, как она заставила его оправдываться в этой ситуации. Тысячи лет брака убили в нем злость и агрессию, которую раньше вызывала любая вспышка ревности. Он не мог винить ни шокированного Балду, ни свою взбалмошную жену, которая любыми способами пыталась вернуть к жизни его былую звериную страсть. И пока что этот ревнивый окрик был для него максимумом. Но Блаж довольная улыбнулась, — ее устраивала даже такая реакция. Молчания она ему могла бы и не простить.

— Видеть во сне голых женщин вполне естественно для здорового юношеского организма! — она больше не стала дожидаться, что там придумает Вернер, и, грациозно оттолкнувшись, изогнулась в полете и красиво вошла в чистую прозрачную розовую воду озера. Мужчины подошли к краю — внизу им открылось уже плывущее на спине идеальное женское тело гениальной волшебницы.

— Кажется, твой очередной сон близится к завершению, — сказал Вернер и второй раз столкнул Балду в воду, наивно полагая, что в пробуждающем полете ему будет не до созерцания озерных красот.

Хлоя проснулась раньше всех, оглядела спящую залу и вышла на улицу привести себя в порядок. Она умылась из бочки, посмотрела на свое отражение и обрадовалась, что лицо было не сильно опухшим после вчерашнего — бытовая магия частично нейтрализовала последствия таких вечеров, но злоупотреблять этим не стоило.

Хлоя нашла кувшин с чистой водой на столике в тени беседки и выпила полную кружку. Солнце было уже высоко. Она разрывалась между эгоистичным желанием пойти всех поднять и затеять что-нибудь веселое: искупаться в реке, пошататься по городским лавкам или просто пойти позавтракать (так как вчера она больше выпила, чем съела) — и мыслью заняться утренней медитацией, раз уж она все равно так рано подорвалась. Совесть перевесила, и Хлоя села в тени на траве, пытаясь очистить разум от всех мыслей. Но в одиночку ничего не выходило: в голове звучали кабацкие песни, мельтешили танцующие Джоф и Роджер и мерещилась улыбка уходящей Ильмар. Ее одинокого терпения хватило минут на десять.

Она вошла в дом в раздумьях, с кого бы начать. Вдруг раздалось сонное ворчание с той стороны, где спал Балда. Вот и отлично — можно начать с добровольцев. Хлоя подошла поближе и посмотрела на умиротворенное лицо Балды — лицо было таким сосредоточенным, что она даже не сразу узнала его. Как будто сейчас перед ней спал абсолютно здоровый человек абсолютно здоровым сном. Он лежал на спине, повернув голову на бок. Капюшон съехал, и Хлоя увидела на его голове тот самый дурацкий платок из лавки Хамана. Вот сейчас было идеальное время для медитации, потому что она не знала, что думать по этому поводу, и все ее мысли рассеялись. Постояв минутку в этой пустоте, она решила заставить Роджера объясниться, когда тот проснется.

Хлоя присела на край и откинула с Балды одеяло, чтобы разбудить, но тут ей в глаза бросилось его возбужденное состояние, заметное даже через штаны. Не сказать, что она не поняла, что это такое, — выросшая среди мужчин, она знала о них достаточно и много раз видела их почти что голыми на речке, но в таком состоянии и в такой близости ей видеть мужское достоинство не приходилось. Она подумала, что раньше за Балдой такого не замечала. И если глазомер ее не обманывает, то телосложение у Балды очень даже пропорциональное, учитывая его двухметровый рост. Она надвинула шкуру назад: кажется, разбудить его накрытым сейчас будет более правильным. И ничто бы не предвещало другого исхода побудки, если бы выпитое за вчера вино успело выветриться из девичьей головы. Но оно не успело. «А что, если ему в штаны заползла змея?» — пришла неожиданная мысль. «Хлоя, Хлоя, Хлоя, какие к черту змеи в городе! К тому же змеи намного длиннее и шевелятся» Она встала и отошла на два шага от спящего, наивно думая, что ее мысли удалятся вместе с ней. «Но ты же не можешь быть уверена полностью. Змеи они ведь такие — приползут и не заметишь. Может, ты видела только часть змеи, а не шевелится она, потому что уснула?» Она отошла еще дальше, уже подумывая сначала разбудить Роджера. «То есть, возможно, Балде угрожает опасность, а ты даже не убедишься в этом из-за каких-то идиотских предрассудков?» Здесь Хлоя удивилась сама себе и остановилась. Она вернулась, села на край, засунула руку под одеяло и развеяла все свои сомнения. Нет, это определенно не змея — кажется, они так сильно не нагреваются.

— Хлоя! — Балда открыл сонные глаза. Она резко выдернула руку и прижала ее,

согнутую, к груди. — Что происходит?

— Кажется, у тебя под одеялом змея. — Хлоя давно знала, что во всех неловких ситуациях людям мозги вообще не нужны, потому что язык всегда опережает мысли. Балда спросонья тоже об осторожности не думал и, вместо того, чтобы двигаться аккуратно, резко скинул одеяло. Никаких змей под шкурой он естественно не увидел. Хлоя тоже пошарила глазами вместе с ним и тоже ничего нового не увидела.

— Фух, показалось! Давай будить остальных, уже скоро обед.

Она поднялась и, как ни в чем не бывало, пошла к Роджеру, который обычно просыпался раньше остальных после пьянки. Его она растолкала быстро и без лишних прелюдий. Сразу вспомнила свою претензию по поводу платка, но вдруг подумала: а что, если это именно он так странно действует на Балду? Да ладно, пускай носит, какое ей вообще дело, кто во что одет.

Роджер потянулся и молча встал. Легкая боль в голове и в теле напоминали приятную ломоту после хорошей тренировки — только вот вчера была не тренировка, а настоящая битва. Молчал он потому, что по утрам после пьянки звонкий голос Хлои не казался ему таким прекрасным, как накануне, а если он что-нибудь скажет, то она ведь обязательно что-нибудь ответит. Поэтому он сразу направился к двери.

— И друга своего прихвати. Я Джофа в жизни не разбужу!

Роджер сморщился. Неужели это тот самый прекрасный голос, певший его любимые песни. Первая волна отчуждения прошла, и он повернулся к Джофу. Хлоя уже сотрясала Кристофа, который спросонья что-то лепетал и никак не хотел открывать глаза.

Балда стянул с себя капюшон и повязку, как только Хлоя пошла будить остальных. Он тоже не спешил идти умываться, но не потому, что чувствовал налет вчерашнего вечера, а потому, что совсем его не ощущал. В голове было чисто и светло, как будто он совсем ничего не пил. Возможно, что это все проделки «Болиголова» и его обитателей — весь хмель отобрали волшебники, и Балда, краснея, мог только предположить, что будут делать эти два опьяненных мага в его отсутствие. Когда Хлоя начала будить Кристофа, Балда вдруг вспомнил про отравление багрянницей — вот сейчас он узнает, насколько Блаж и Вернер оказались правы.

Роджер расталкивал Джофа, громко приговаривая, что солнце уже высоко. Он исходил из мысли, что лучше потерпеть свой низковатый мягкий баритон, чем спровоцировать Хлою молчанием. Джоф совсем не желал просыпаться. Вдруг Роджер замер в легком испуге: из-под бока Джофа показалось пятно крови. Роджер влепил Джофу мощную пощечину, так что Хлоя и Балда вздрогнули.

— Что случилось? — Хлоя бросила Кристофа и подскочила к Роджеру. Одну руку тот положил на шею Джофа, проверяя пульс, пальцем другой провел по пятну крови и облизал палец. Выглядело это довольно странно, но ужас от того, что Джоф не просыпается, перекрывал все странности. Только Балда на секунду подумал, что, наверное, Роджер может по вкусу крови понять, что с ней не так. Роджер дважды сплюнул на пол и отер рукавом рот, лицо его стало спокойнее от полученного знания.

Дверь открылась, и в дом вошел их проводник. Он держал удочку и полную сеть рыбы.

— Доброе утро пропойцам! Отличный денек для рыбалки! Смотрите, какой улов! — Но радости на лицах он не увидел, а вскоре заметил в пятне света кровь на руке Роджера, и все еще лежащего Джофа.

— Балда, иди сюда, — Роджер не стал тратить время. — Помоги поднять его и снять

кольчугу.

Балда уже был рядом, и вместе они попытались поднять Джофа. Проводник бросил улов и снасти в угол и стал им помогать. Хлоя отступила, чтобы не мешать.

— Что с ним, Роджер? Откуда кровь? — На Хлою напал такой страх, которого она не испытывала ни в одной битве ни с людьми, ни с магическими животными. Как бы она ни относилась к Джофу и его глупым шуткам, сейчас она осознала, что он один из самых близких ей людей и с ним происходит что-то непонятное. Ей срочно нужно было выйти из этой неизвестности.

— Я не сильно разбираюсь в ядах, но, думаю, это что-то парализующее. Хвала небу, что он спал на боку, иначе бы задохнулся от запавшего в горло языка.

Втроем они смогли приподнять Джофа, усадить его и невероятными усилиями стянуть с него тяжелую кольчугу и рубаху. Роджер сразу же поднял левую руку Джофа и увидел там то, что и предполагал увидеть, — почти незаметную колотую рану от кинжала. Он вышел из дома, быстро умыл лицо и вернулся с кувшином воды. Проводник уже принес несколько полотенец, и Хлоя смочила Джофу лоб и отерла его тело от пота.

— Я вспомнила, — воскликнула Хлоя, — вчера этот проклятый Хард полез драться с Джофом, и перед тем, как Джоф его вырубил, он успел ударить его как раз в левый бок. Возможно, что в его руке было нож.

— Сердце бьется, значит, не задето, — сказал Балда тем самым уверенным голосом, который Хлоя уже не первый раз слышала от него за последнее время. — Неужели Хард хотел его просто отравить? Парализовать, чтобы обеспечить себе легкую победу в трактирной драке?

Балда уже начал ощущать границы надвигающегося тумана, и сейчас это стало его беспокоить. Он не может позволить себе быть идиотом, когда Джоф находится на грани жизни и смерти.

— Не знаю его мотивов, знаю только, что убить его не получилось, — ответил Роджер. — Уверен, что здесь замешаны Соларус со своей свитой. Если бы такой известный человек, как Джоф, умер в таверне или по дороге из нее или даже просто в этом городе, у людей бы возникло очень много вопросов, на которые Соларусу или Соларусу-младшему пришлось бы ответить. А если Джоф умрет где-то за городом или от болезни, то никто даже не обратит на это внимания. Но не получилось! Парализующие яды не смертельны, если их вовремя нейтрализовать, и лучше с этим не затягивать. Где там наш Кристоф? Думаю, его лекарских способностей вполне достаточно, чтобы залечить рану и вывести яд, и поставить Джофа на ноги за несколько дней.

Кристоф уже сидел на своей постели, но все еще продолжал что-то лепетать. Балда вздрогнул: в его голове сошлась картинка. Джоф отравлен парализующим ядом и может умереть. Уникальный маг-лекарь отравлен багрянницей и ничем не сможет помочь Джофу как раз в эти ближайшие несколько дней. Они все остались без защиты, да еще на их плечи легла забота о Джофе и Кристофе. И сейчас им срочно нужно найти мага, способного помочь Джофу.

Хлоя трясла Кристофа, пытаясь привести его в чувства, но все было напрасно. Она в панике окликнула Роджера. Тот в два шага оказался рядом, взглянул на Кристофа, и в его глазах появился испуг. Балда сжимал в кармане Болиголов, но туман пока еще не спешил ослепить его разум. Он следил, сможет ли Роджер понять, что случилось с Кристофом. Роджер померил пульс, подтащил Кристофа к окну и заглянул в его зрачки, но никаких

признаков слабости и помутнения рассудка не выявил. Он понимал, что это не было похмельем и тоже было похоже на отравление, правда, другого рода. Роджер вернул Кристофа на место и озабоченно сел, подперев руками подбородок. И он, и Хлоя, и даже проводник уже поняли, в какую сложную ситуацию они попали.

— Что нам делать Роджер? — спросила Хлоя, похожая сейчас на испуганного котенка. Такое с ними случилось впервые. Она не хотела знать, кто и с какой целью отравил ее друзей, — она хотела понять, как им помочь.

Балда вышел на улицу, чтобы умыться лицо и привести себя в чувство. Но вода не помогала — чувствовал он себя совершенно паршиво в моральном отношении, при том, что был абсолютно здоров и голова его была ясной. Он услышал со двора, как Роджер говорит, что пойдет в город искать мага, а заодно и пообщаться с Хаманом, который единственный знал о порванной кольчуге Джофа и, видимо, многим успел об этом растрепать. Дверь открылась, и Роджер быстро прошел к воротам.

— Роджер! — крикнул Балда и подошел к нему. Их глаза встретились, и Роджер увидел ясный умный взгляд, которого два дня тому назад еще не было и в помине.

— Кристоф отравлен багрянницей! — Балда сказал то, что знал, и был готов ответить на все вопросы, какие ему зададут. Глаза Роджера округлились, и он даже приоткрыл рот.

— Хорошая новость! Это значит, что Кристофу ничего не угрожает. — К удивлению юноши, никаких вопросов не последовало. — Помогите ему умыться и накормите его. Джофа не трогайте и не позволяйте ему заваливаться на спину. Успокой Хлою. Я постараюсь достать ингредиенты для противоядия от багрянницы и поскорее вернуться, тогда и решим, что делать дальше.

Роджер хлопнул Балду по плечу и скрылся за воротами.

Балда вернулся и попытался успокоить Хлою. Он передал ей слова Роджера, в которые вложил и свои мысли про отравление вином, которое влияет только на врожденных магов. Он объяснил ей, что с Кристофом все будет хорошо в любом случае, а когда он поправится, то сможет вылечить и Джофа.

Хлоя немного успокоилась не столько благодаря объяснениям, сколько замороженная новым для нее голосом и взглядом Балды. Но и она ничего не спросила о его переменах: ей не нужно было знать, почему стало так хорошо, ей нужно было, чтобы все так и оставалось! Чтобы просто все было хорошо. Потихоньку свыкшись с мыслью, что переживать и нервничать — это худшее, что они могут сделать, Хлоя и Балда занялись Кристофом. До прихода Роджера они оставались в доме и занимались бытовыми вещами и посильной помощью. Мужчины уложили Джофа на бок в то же положение, в котором он спал. Они укрыли его и периодически вытирали его тело. Вливать воду ему в рот без Роджера побоялись, думая, что Джоф может захлебнуться, — просто смачивали ему губы мокрым полотенцем. Кристофу помогли выйти на улицу, хотя в особой поддержке он не нуждался: ходил он нормально, не падал, кое-как смог умыться, хотя и выглядел немного рассеянным. Кажется, он сразу не понял, что случилось с Джофом, потому как был больше сосредоточен на собственных странных ощущениях.

Придя в себя, Кристоф понял, что совсем не может пользоваться магией, когда захотел очистить пыль со своей мантии. Балда и Хлоя рассказали ему о вероятном магическом отравлении вином. Слегка успокоившись, он спросил про Джофа. Чтобы не нервировать мага лишний раз, ему ответили, что тот еще спит.

Вскоре из дому вышел переодевшийся проводник и приготовил хороший обед из свежей

рыбы, но вино ему пришлось пить в одиночестве, так как все отказались. Хлоя попросила его не говорить пока Кристофу про Джофа.

За обедом проводник рассказал, что если Роджер не сможет найти помощь Кристофу, то в селении есть искусные маги, которые могут приготовить нужное зелье. И вообще, добавил он, маги из селения могут справиться и с другими видами отравлений. Балда и Хлоя поняли, что он имеет в виду Джофа.

После обеда проводник предложил было показать им рыбные места недалеко за стенами, чтобы увести Кристофа подальше от Джофа, но сам понял, что разделиться и стать еще слабее — не самое лучшее решение. Да и все это выглядело рискованно в череде последних событий, поэтому Хлоя посоветовала Кристофу расслабиться и помедитировать, надеясь, что это поможет вернуть ему контроль над своей магией.

Маг, готовый схватиться за соломинку, с радостью согласился. Проводник занялся своими вопросами, шепнув Хлое, что присмотрит за Джофом, но она оставила Кристофа на Балду и пошла ухаживать за Джофом сама.

Внезапный стресс и суэта ночного города выбили их из колеи: совсем недавно они проснулись, когда солнце стояло в зените, пообедали без особой радости, кое-как помедитировали и — наступил вечер... Вскоре вернулся рыскавший по городу Роджер и застал всех во дворе.

— Новости неутешительные. Лавка Хамана закрыта, соседи сказали, что он сегодня ушел заниматься какими-то экспериментами, поэтому связаться с ним возможности нет. Соларус, как и сказал нам вчера, уехал из города вместе с двумя своими волшебниками и этой Ильмар. Один из волшебников владеет магией исцеления и мог бы нам помочь, но есть сильные подозрения, что все эти совпадения далеко не случайны. По моим предположениям, план Соларуса состоит в том, чтобы как можно сильнее навредить Джофу и нам, а, возможно, даже убить Джофа и разогнать нашу команду. При этом сам Соларус окажется абсолютно непричастным ко всему этому. Причины не совсем понятны, но накануне Джоф отверг предложение Соларуса шпионить для него в селении, и, возможно, тот просто устраняет человека, который может перейти на сторону его конкурентов.

Кристоф запаниковал и бросился в дом к Джофу. Хлоя кинулась за ним с объяснениями. Роджер подошел к Балде.

— Ингредиенты я достал. Пришлось поспрашивать знакомых, но, как обычно, все упирается в мелочи: малина совсем древняя, и она почти утратила магию. Нет мага, знающего, как заколдовать зелье, и раз Кристоф утратил голос, то значит даже зелье не вернет ему способности сразу же — лишь через несколько дней. В общем затея с зельем обречена: мы должны ехать в селение, чтобы спасти Джофа. Иначе он может остаться инвалидом, если мы не поторопимся.

— Значит Кристоф — слабый волшебник, раз это зелье так сильно его подкосило? — спросил Балда.

— Волшебники, как и магия, бывают разные, — выступил в защиту друга Роджер. — Наш Кристоф еще не сталкивался с подобной магией, но я уверен, что он обучится ей противостоять.

— Как он сможет, если до сих пор не обучился, закончив многолетнюю школу магии? — Балда не отпускал.

— Обучится так же, как обучаются все остальные. Могу лишь сказать, что современные школы магии не дают достаточных знаний, если ты еще не осведомлен об этом, — пояснил

Роджер.

— Я знаю, что ты не владеешь магией, но знаешь рецепт. Ты можешь научить какого-нибудь мага заколдовать зелье? — продолжал допрос Балда.

— Обучить магии словами очень сложно, даже если знаешь, что и как делать. Слова создают иллюзию, что ими можно объяснить все, но это не так. Ну и как минимум нам нужен способный понять объяснение маг, которому мы могли бы доверять и который захотел бы нам помочь. Кажется, таких в городе нет. Ни Хлоя, ни наш проводник, ни все остальные случайные знакомые, которые лишь балуются бытовой магией, не способны нам помочь.

Если два человека знают что-то тайное друг о друге, и каждый знает, что другой знает, но оба совершенно избегают прямых вопросов — значит, такое положение вещей их вполне устраивает. Так думали и Роджер, и Балда, глядя друг на друга, только в этот раз Роджеру приходилось поднимать глаза вверх, потому что Балда больше не собирался прогибаться под свою болезнь.

— Еще вопросы? — Роджер с интересом смотрел на Балду.

— Если Соларус-младший со своими магами покинул город, а Хаман занят своими экспериментами, то кто контролирует поле, которое окружает город?

У Балды был такой серьезный вид, что Роджер рассмеялся. Вопрос казался не связанным с отравлением Джофа, но Балда видел прямую связь, и она действительно была.

— Ты думал, у Соларуса всего два мага?! В городе хватает магов, которые работают на Соларуса, и достаточно тех, кто приехал покутить и отдохнуть. Мы не можем на них рассчитывать даже потому, что не сможем их найти и уговорить пойти с нами, я уже молчу про доверие к ним — в лучшем случае они просто откажутся нам помогать, в худшем еще больше навредят Кристофу и Джофу. Я видел сегодня одного знакомого мага, с которым обучался Кристоф, но я точно знаю, что он не способен научиться у меня магии, потому что слишком глуп и к тому же был в стельку пьян.

Балда напряженно молчал, пытаясь осмыслить сказанное Роджером. Наконец, он неуверенно произнес:

— Какие у нас варианты? Мы могли бы вызвать мага из селения: уверен, что у проводника есть связь со старостой. Раз проводник спокойно ездит туда-сюда, то и маг сможет приехать.

Эта мысль Балды была очень здравой. Джофа нельзя было отправить в селение через горы, а ехать по дороге было долго и рискованно, учитывая, что безопасность их группы зависела от силы Джофа.

Они поговорили с проводником, и тот без лишних вопросов связался со старостой через особый амулет, как и предполагал Роджер. Амулет был похож на тот, что купила Хлоя, только реагировал на касания намного быстрее. Проводник передал старосте набором нажатий нужное сообщение.

Этот диалог занял много времени, потому что объяснить условными знаками то, что произошло, было довольно сложно, но проводник постарался и вскоре сообщил, что им в любом случае придется ехать в селение. Выслать мага они могут, и маг сможет сделать противоядие для Кристофа. Но их маг, который когда-то работал на Соларуса, говорит, что никаких легко выводимых парализующих ядов не существует, и считает, что лечение может занять недели и месяцы в зависимости от того, как быстро начнут лечить — желательно не позднее трех дней. Староста предлагает выезжать как можно скорее — как раз за два дня

они доберутся.

Еще им передали, что, возможно, таким способом Соларус хотел удержать их в городе, чтобы потом помочь с лечением и с поиском отравителей. Тогда Джоф, в благодарность за помощь, согласился бы работать на него. Такая мысль была довольно интересной, хотя и показалась Роджеру совершенно абсурдной.

Все стали собираться. Необходимо было ехать в селение, где можно будет спокойно вылечить Джофа.

— Вы одолжите нам какую-нибудь повозку? — спросил проводника Роджер.

— Разумеется. Дам вам самую новую. Она не такие высокая, как ваша, но она также покрывается тканью, и там достаточно места для человека.

После этого Роджер повернулся к Балде:

— Займись лошадьми, проверь повозку и обустрой ее для перевозки. Я постараюсь достать тебе какую-нибудь броню или кольчугу по размеру, ты у нас сейчас вместо Джофа. Секиру его ты, скорее всего, не потянешь, но какое-нибудь оружие тебе найдем — мечей и топоров здесь хватает на каждом углу.

— Отправимся на рассвете, — Роджер обратился ко всем, — так безопаснее всего. Ни один смельчак не выезжает из этого города вечером и не приезжает в него к рассвету. Ближе к утру перенесем Джофа в повозку и будем ехать до самой темноты. Один ночной привал, и за следующий день мы уже доберемся до селения.

Все кивнули в знак одобрения плана

— Я поеду с вами, — сказал проводник. — Не думайте, что я сомневаюсь в ваших способностях, но вы сами понимаете, что творится вокруг Разбойничьего стана, да и в любом отдалении от городов. Лишняя боевая единица никогда не помешает. Мне все равно нужно возвращаться: днем раньше, днем позже — не так важно. Будьте уверены: это ни к чему вас не обязывает — ни по отношению ко мне, ни по отношению к селению. Мы просто такие люди. У меня, кстати, есть два комплекта брони, но, к сожалению, они не подойдут вашему здоровяку... А вот оружия действительно много — даже есть магическое, что-нибудь точно подберем.

Роджер искренне поблагодарил проводника и снова ушел в город искать облачение для Балды.

Сам Балда ушел заниматься повозкой и лошадьми. Хлоя осталась с Джофом и Кристофом. Она развлекала и успокаивала Кристофа как могла, потому что, обладая повышенной, в отличие от мужчин, эмоциональностью, лучше остальных понимала его. Она представила, что у нее забрали возможность пользоваться ее бытовой магией и отобрали любимый лук, и ее сразу же охватило чувство опустошенности. Да, люди слишком привязаны ко многим вещам, и это делает их по-настоящему слабыми.

— Вы нам помогаете, а мы даже не спросили вашего имени, — обратился Балда к проводнику на конюшне.

— Вы все уже спрашивали мое имя, — усмехнулся проводник. — И не один раз. Просто вы его забыли, как и все остальные. Еще вы не сможете вспомнить мое лицо, если долго меня не будете видеть. Мои имя и внешность помнят только некоторые поселенцы: защитная магия необходима человека, который занимается такой работой, как я. Так что не переживай на этот счет — называй меня как раньше: проводник. Я уже привык.

Балда кивнул.

— Хочу вас спросить... Я не знаю, или не помню, что происходит между вашим

селением и городом разбойников, но, кажется, здесь может крыться причина отравления Джофа. Вы могли бы рассказать мне... — Балда вдруг осекся, поняв, что похож на глупого шпиона. — Надеюсь, мой вопрос не выглядит подозрительным.

Проводник только рассмеялся над неловкостью юноши. Он был не глуп и тоже заметил странные изменения в поведении и внешности Балды, которые произошли буквально на его глазах.

— Кажется, все хотели бы знать, что же такое происходит между нашими городами, особенно их правители. Но чтобы не повторяться, расскажу вам все, что могу, когда вернется ваш друг Роджер.

Балду этот ответ устроил, и он продолжил заниматься лошадьми. Один раз он надевал Болиголов, чтобы отодвинуть границы надвигающегося тумана. Единственное, о чем он переживал больше, чем о здоровье дяди, — это то, что его настоящая жизнь длится всего два дня и две ночи, и кажется, что она в любой момент может исчезнуть, затонув во мраке забвения. Он вернулся к подготовке, чтобы отстраниться от этих мыслей. Через час лошади стояли бодрые, ухоженные и сытые, готовые в дальнюю дорогу. Он устелил повозку свежей мягкой соломой, обил колеса найденными обрывками кожи, поднял как можно выше тент и подтянул, чтобы в него не сильно задувало.

Время подходило к ужину, которым занялась Хлоя, пока проводник показывал Балде разные виды холодного оружия. Балда, никогда раньше не обращавшийся ни с чем, кроме топора и кухонного ножа, с любопытством разглядывал и вертел в руках разные мечи. Он очень слабо представлял, что с этим оружием делать, если на них нападут разбойники. Он понимал, что нужно будет защищать себя и своих близких людей любой ценой, но мысль, что, возможно, придется кого-то порезать, а, может быть, даже и убить, плохо укладывалась в его голове.

Да, в бою и на войне убивают ради защиты, а не ради удовольствия, но, с другой стороны, какой человек в здравом уме будет затевать войны и бои, если ему не нравятся убийства! Издержки власти и амбиций? Животные порывы в человеке? Странные вопросы, на которые еще предстоит узнать ответы. Сейчас, открытый некоторым воспоминаниям, он не мог вспомнить, чтобы кому-то из его компании приходилось убивать человека, но это не значит, что такого не случилось. Они охотились на животных и даже здесь он плохо представлял себя убийцей. Оставалось надеяться, что все обойдется, они доберутся до селения благополучно и Джоф скоро поправится. А он, Балда, с помощью Блаж сможет научиться помнить и без «Болиголова» и, став нормальным человеком, найдет свое призвание в жизни.

Как он ни примерялся, но все имеющиеся в доме мечи, топоры, кинжалы выглядели детскими игрушками в его руках — это заметили все. Балда все больше поглядывал в сторону секиры Джофа и в итоге взял ее и вышел с нею во двор. Хлоя и Кристоф пошли посмотреть — они оба еще ничего не понимали в том, что здесь происходило, но вопросов не задавали: Кристоф совсем потерял голос, а Хлоя из-за переживаний за своих друзей потеряла представление о связи событий и не знала, с чего начать спрашивать.

Секира удобно лежала в руках, но была довольно тяжелой, и руки заныли сразу после того, как Балда несколько раз поднял ее над головой. Значит ворам будет трудно ее украсть, а в бою ее не отберут и не воспользуются ей, но это было очень сомнительным преимуществом для оружия. Махать секирой из стороны в сторону было ненамного легче, но это явно было следствием недостатка тренировок и делом привычки. Привлекало в секире ее

широкое магическое топорище, за которым можно было укрыть голову от чего угодно — вот это качество уже было достойно внимания.

Проводник отвел его к поленнице и поставил ему полено на колоду, чтобы испробовать секиру. Балда долго целился по полену, но все равно промазал, хотя замах был таким, что все увидели только серебряную радугу над его головой. При замахе он чуть не завалился назад, а при ударе немного присел. Полено, недолго думая, отскочило прямо в поленницу, чтобы скрыться в толпе, а вот колода распалась на две неровные половинки. На этом испытания закончились.

Секира Джофа не шла ни в какое сравнение с тем жалким набором, который предложил проводник, поэтому Балда решил, что в случае опасности воспользуется ей. Он еще взял у проводника самый большой кинжал в чехле — на всякий случай.

Вернулся запыхавшийся и раскрасневшийся Роджер с покупками. Он достал из сумки комплект одежды: плотные кожаные штаны, кожаную куртку, высокие сапоги и кольчужный капюшон.

— Это единственная подходящая тебе по размеру одежда, которая есть в этом городе. Пришлось выпить пару пинт эля, чтобы договориться, — прошу прощения, что пил без вас. — Роджер не выглядел виноватым и скорее был рад, что опохмелился. Но никто не собирался его за это осуждать. — Кольчужный капюшон кто-то держал как трофей, а одежду шили на одного кузнеца, но, к счастью, тот умер, даже толком не поносив ее.

— Наконец-то радость, что кто-то умер, — к Хлое начал возвращаться ее походный юмор. Роджер и Кристоф заулыбались. Балда вдруг подумал, что дружеские шутки — это немного из того, что спасало и держало их всех в этой жизни.

— Да. Хотели содрать втридорога, как за уникальную вещь, а в итоге отдали за полцены — за два года не нашлось желающих такого размера, — похвастался Роджер своими торговыми навыками.

Балда стал примерять штаны, куртку и сапоги до того, как подумал, что нужно было выпроводить Хлою во двор. Но она не подавала никаких признаков, что что-то идет не так, хотя вместе со всеми пристально следила за примеркой. Вряд ли здесь кто-то мог заметить изменение температуры ее тела, поэтому она на этот счет и не волновалась. Одежда подошла, не считая того, что рукава и штанины немного жали, но кожа должна была растянуться. Балда надел кольчужный капюшон, который оказался великоват. Роджер сказал, что неплохо бы под кольчужный надеть капюшон своей рубахи и капюшон куртки. Балда так и сделал — голове стало намного мягче и удобнее. Роджер выдохнул — угадывать с размерами он научился, когда Хлоя попросила его купить ей подходящее платье на день рождения, когда он одной зимой уезжал в другой город. Он угадал и с цветом, и с размером, но до сих пор считал это задание самым сложным за всю свою жизнь.

— Идеальная броня для ближнего боя, — еще раз высказалась Хлоя. — Зато красиво.

— Для легкого меча в самый раз — будет бегать и отбиваться. И цвет темный — в сумерках и ночью не заметишь, — нахваливал свою покупку Роджер.

— Легкий меч отменяется. Этому мальчику подошла только секира Джофа, так что далеко не убежит. А кольчужный капюшон отсвечивает так, что и костер не нужен. — Хлоя принижала покупку по их классической схеме, чтобы развеять иллюзии и взглянуть на вещи более практичным взглядом. Они всегда так осаживали друг друга, чтобы никто не расслаблялся, а заодно и выявляли все минусы и слабые места того, что обсуждали, будь то оружие, одежда или план по нападению. — Хорошо хоть, что темный цвет — это темно-

синий, а не темно-розовый или темно-желтый.

— Мальчик расколол колоду одним ударом! — заметил проводник.

— Думаю не пропадем, — подытожил Роджер.

Кольчужный капюшон, каким бы удобным он ни был, давил на голову хорошо. И видимость в нем резко ограничивалась, но жизнь дороже таких неудобств. Балда скинул капюшон, и все пошли ужинать. Как бы грустно ни было без Джофа, а кушать все равно нужно. Проводник предложил поужинать дома, чтобы их разговоры не смогли подслушать — за забором все отлично слышно.

— Мне немного стыдно, но мы так и не спросили, как вас зовут! — в неизвестно какой раз сказала Хлоя. Проводник спокойно улыбнулся и рассказал им то, что недавно говорил Балде. Роджер был единственным, кто подумал, что это на самом деле отнюдь не магический трюк — просто убеждай всех, что они уже спрашивали твое имя, и ты им его говорил, и это магия, и вы все всё забыли. Удобно. Роджер не стал озвучивать свою мысль и разоблачать фокусника — проводник так проводник. Он уж точно не забудет его лицо.

— Вы все уже знаете о противостоянии селения и Разбойничьего Стана. Несмотря на налаженную торговлю и поверхностные приличия, отношения все равно остаются натянутыми. Разбойничий Стан существует уже столетия и, возможно, превосходит другие города в развитии и по своим защитным свойствам, не считая магических полей. Соларус в любой момент легко может собрать армию в двадцать тысяч человек с несколькими десятками отличных магов и напасть на любой известный вам город и даже захватить его. Только вот удержать его он не сможет, даже если посадит там верного ему человека. Во-первых, вся верность исчезнет, как только подсадные правители почувствуют всю полноту власти. Во-вторых, другие города заключат сильный союз, который в считанные месяцы растопчет Соларуса как вошь.

То, что он удерживает свой город так долго, — это уже великое достижение. Это все уже пройденный этап: доступная каждому магия не делает из каждого великого мага, но дает достаточно, чтобы изменились все подходы к военному делу. В мире стало слишком много самоучек, и очень даже одаренных самоучек. Один сильный маг может стоять целой армии, а узнать, у какого правителя сколько и каких магов, можно только начав против него войну. Ни один шпион не сможет выведать способности того или иного мага, если эти способности умело скрывать. Объединить города в страну и управлять ей в современном нам мире практически невозможно — за две тысячи лет ни у кого этого не получилось, не считая пары исключений, которые в итоге все равно не смогли продержаться до наших дней.

Давным-давно прадеды Соларуса пробовали объединить земли — все напрасно: всегда находился один или несколько магов, которые становились центром восстания недовольных и давали Соларусу такой отпор, что он бросал все свои начинания и был рад просто удержать свой собственный город. Род Соларусов просто переживал сильных магов и пытался все повторить, и, как вы уже поняли, все и повторялось — его опять загоняли в эту каменную разбойничью нору.

Уверен, что в этом и был замысел тех, кто разбросал магию по нашей земле две тысячи лет назад, — не позволить магам концентрироваться в одном месте и становиться центром власти и силы. Потому что — повторяюсь — свободная и доступная магия все изменила. Соларус пытался находить магические источники и ограничивать к ним доступ, но это оказалось невозможным — источников слишком много и разбросаны они очень хаотично: все не найдешь и не ограничишь. К тому же есть сведения, что магия не лежит хаотично, а

медленно дрейфует с места на место, иногда уходя под землю, иногда появляясь там, где ее никогда не было.

Селение же представляет собой совершенно новый тип городов, на самом деле это довольно крупный по современным меркам город. Он пока что не вышел на мировую арену и не имеет названия, чтобы не мозолить глаза разным меркантильным правителям. Вы удивитесь, но мы тоже можем выставить армию, сопоставимую с той, что может собрать Соларус, только вот магов у нас будет больше, и наша территория, и стратегическое положение на самом деле намного лучше, чем положение городов-замков. Основная причина раздражения Соларуса в том, что он пропустил появление сильного противника под самым своим носом. Когда-то давно селение было удобным хозяйством, которое обеспечивало Соларсбург, пока в нем не поселились маги-самоучки, разработавшие идеальный стратегический ход. И вот лет двадцать назад Соларус обнаружил, что он, некогда хозяин всех земель в радиусе многих десятков километров, вплоть до наших дальних холмов, стал всего лишь экономическим партнером. Он мог указать на селение своим знакомым правителям других городов, но боится, что те, скорее, начнут сотрудничать с поселением и Соларсбург может потерять своего главного поставщика продовольствия. Но и маги селения во главе со старостой не торопятся ни высовываться, ни портить отношения с Соларсбургом. Теперь вы знаете причину неприязни Соларуса к поселению.

— А поселение не хотело бы захватить Соларсбург, если бы вышло, как вы сказали, на мировую арену? — спросила Хлоя.

— Соларсбург — это не город, это тюрьма. Соларус, собрав здесь весь цвет разбойничьего царства, хотел создать основу для беспринципной армии и привязать беглых разбойников к своему городу, а в итоге сотворил благое дело, очистив другие города от этого отребья. Я не знаю, идиот он или гений, злодей или добрый человек, — относиться к нему можно по-разному, но то, что случилось с вашим приятелем в его городе, не делает Соларусу чести, даже если он виноват лишь косвенно. Вокруг Соларсбурга мало кто живет, а если и живет, то вдали от дорог — это либо совсем отпетые и потерявшие страх разбойники, не желающие или уже не могущие жить по правилам города, либо различные аскеты и держатели нескольких перевалочных пунктов, но у них с разбойниками своя договоренность. Днем на главной дороге нам бояться нечего, потому что она также охраняется законами Соларуса. А к ночи мы, думаю, уже выберемся за пределы этого злосчастного леса.

— Что значит «не могущие жить по правилам города»? — спросил Балда. — Они нарушили законы Соларсбурга, и теперь им вообще нигде нет пристанища?

— Ты абсолютно прав, — проводник улыбнулся юношеской пронизательности. — Обычно пригородная территория опасна для самих разбойников. Если за городом их узнают и поймают приезжие из других городов, то могут их смело казнить, не боясь последствий. Но есть и разбойники, которые упустили свой второй шанс в Соларсбурге, и теперь они везде вне закона. Бежать им особо некуда, но местные хотя бы могут посочувствовать и подбросить чего из еды и одежды. В других местах им придется скрываться и прятаться, либо выдавать себя за других, рискуя когда-либо быть узванными. Раз эти люди упустили свой шанс даже в таком месте как Соларсбург, то значит они совсем пропащие.

— Но выходит, что в Соларсбурге можно и спровоцировать того, кто тебе не нравится, и тогда его выгонят из города, — заметила Хлоя.

— Да, такое случалось. Но все, кого подставили, пошли с повинной к управителю, и большая часть дел решилась в их пользу. Конечно, это были дела, не касающиеся убийств, —

обычно убивали самих провокаторов. Так что очень немногие рискнут лжесвидетельствовать на кого-то, рискуя своей жизнью, — слишком дорогая цена такой подставы. Случай с вашим другом дает вам право подать жалобу на того, кто ударил его отравленным кинжалом. Но сейчас такие дела решает Соларус-младший, которого нет в городе.

— Это дело не решится в нашу пользу потому что ни одного вменяемого свидетеля нам не найти. И все они видели то же, что и мы: Джоф вырубил Харда и покинул таверну на своих ногах. Так что никакого смысла в этой волоките нет. Нам просто надо спасти Джофа, — заключил Роджер.

— Я правильно поняла, что этих отпетых лесных разбойников не так и много? — спросила Хлоя.

— Именно. Они нам не угроза. На ночь я могу поставить сигнальный магический щит, так что все должно пройти гладко.

Можно было подумать, что, временно потеряв Джофа, вся компания стала более боязливой. На самом деле они были лучшими как раз потому, что всегда продумывали возможные варианты событий и давно отработали тактики поведения при встрече с опасными дикими животными, с магическими тварями и с группами бандитов. Во всех этих моделях был задействован Джоф как опорный элемент, и сейчас им требовалось все пересмотреть, учитывая превращение такой мощной боевой единицы в хрупкий и тяжелый груз, который нужно доставить в селение любой ценой.

Они еще немного поговорили о том, во сколько лучше выехать и кто где поедет, и пошли спать, хотя за забором только начиналось самое веселье.

Перед сном обследовали Джофа, убедились, что он дышит, зафиксировали его тело, чтобы не завалился на спину и не свалился на пол. Роджер сказал, что останется рядом с ним и будет присматривать. Хлоя предложила сменить его ближе к утру. Она заметила, что Балда снова надел свой платок, но промолчала, — случай с Кристофом и Джофом отодвинул все странные вопросы на потом.

Кристоф всю ночь не спал, пытаясь проанализировать то, что с ним случилось: он уже понял, что был отравлен багрянницей, и вспоминал все, что о ней знал. В их академии в Томасе, если город еще не сменил своего названия, шутки с багрянницей не практиковались, потому как магическая ботаника была только на уровне немногочисленных лекций по истории, а на самодеятельность времени не хватало. Он узнал, что яд из магической ягоды действует только на врожденных магов и что давным-давно сильные маги могли снимать с себя его эффект сами, а остальные знали, как изготовить противоядие. На некоторых врожденных магов очень высокого уровня яд практически не оказывал никакого воздействия. Эти всплывшие в голове знания сейчас вызывали у Кристофа легкий комплекс неполноценности: он понимал, что является довольно одаренным целителем, но случившийся инцидент показал, что он не может себя вылечить. Да, он знал, как заколдовать противоядие при наличии всех ингредиентов, но багрянница как раз и лишала мага способности колдовать. Он задумался: могли ли маги древности изготовить противоядие будучи под действием багрянницы или же они готовились к подобным случаям заранее? Этого им не говорили. Ответ на этот вопрос дал бы ему понять, слабый ли он маг по сравнению с магами прошлого или же очень слабый. Сейчас ему казалось, что он не может сделать ни одного магического действия.

Знания о древней высшей школе учителям доставались из немногих древних книг, оставшихся с тех времен. Учителей отправляли на подготовку куда-то далеко за длинный хребет холмов, в которые упиралось известное селение. Там, за холмами в двух неделях пути и находился ближайший известный оплот магических знаний.

В далекой старой башне жил один старый взбалмошный маг, который за большие деньги обучал учителей истории магии и делился некоторыми примитивными знаниями. Управители городов изредка отправляли к нему своих магов, чтобы поднять их уровень, с которым те уже могли уверенно преподавать в городских школах или академиях магии, как их ни назови, и участвовать в боевых действиях. Старый волшебник даже мог проверить врожденные способности к магии и поведать магу о его силе и особенностях. Все, кто встречался со старым волшебником, ожидали, что тот увидит в них избранного небом великого мага, который рождается раз в тысячу лет, а когда возвращались, только рукой махали на расспросы. Сам Кристоф к старику не ездил, потому что не вовремя заболел. Знания ему передали и без поездки, а вот о своей силе и способностях он так и не узнал. Тогда многие ему позавидовали, мол, Кристоф еще может продолжать лелеять мечту, что он особенный, потому как всех его коллег старик спустил с небес на землю.

Преподаватели академии Томаса, не принижая своего достоинства, всецело боготворили магов далекого прошлого, рассказывая, что учителя древней высшей школы магии действительно были магами самого высокого уровня. Учителя же современных школ, как умели, передавали те немногие, неполные, часто недопонятые, а порой и вовсе

искаженные знания, которые получили сами. Да, они виртуозно владели базовой магией и кое-как ей обучали, но часто их ученики могли превзойти их, что в высшей школе магии древности было просто невозможно.

Еще его интересовал вопрос: как его компаньоны узнали, что он отравлен багрянницей? Роджер не маг, Хлоя такими знаниями не владеет, Балда не способен и на меньшие умозаключения. Оставался только проводник — он точно умеет обращаться с магией, но понять его настоящую силу и уровень владения магией затруднительно. Кристоф еще не успел разглядеть и понять произошедшие в Балде изменения, и Роджер все еще был для него тайной за семью печатями.

Хлоя быстро переключилась в режим сна и спала без снов — ей нужно было выспаться за короткий отрезок времени, и она точно знала, как это сделать. Единственная мысль, проскочившая у нее в голове перед сном, была о том, что предсказание Анны начинает сбываться. Проводник пошел к себе на верхний этаж, недолго копошился там и вскоре затих. Роджер сидел возле Джофа, держал руку на его пульсе и находился в промежуточном состоянии полусна, в котором мог немного отдохнуть и из которого мог в любой момент выйти при необходимости.

Балда быстро заснул, но не сразу попал туда, куда хотел. Сначала ему снились все события сегодняшнего дня в разных формах, больше походивших на кошмар. Как бы спокойно ни завершился полный невзгод день, стресс все равно давал о себе знать. Сначала ему снилось, что Джоф здоров, но Хлоя никак не просыпалась и ее еле-еле растолкали. Потом они не могли разбудить Роджера и думали попеременно, что он убит, он отравлен, он парализован. Потом Роджера все-таки разбудили, но, пока с ним возились, как подкошенный свалился Джоф. Кристоф все время бегал вокруг них и мямлил что-то невнятное, но его чем-то отпоили, и он заговорил, а точнее запел песню, состоящую из рифмованных заклинаний. Наконец-то всех разбудили, и все оказались здоровы, но вдруг все взгляды обратились на него, и его стали толкать, будить, стенать вокруг него и плакать. В общем, сон был не сказать чтобы ужасным, но отвратительно неприятным...

В какой-то момент звонкая оплеуха сбросила с него всю эту тяжесть, и он внезапно оказался в песчаной пустыне. Балда схватился рукой за щеку и почувствовал, что она горит. У него появилась абсолютная уверенность в том, что щека горит не только во сне, но и в реальности. Во сне он оказался не шаром света, а сразу в своем теле: он видел свои руки и ноги и даже новую одежду, которую чуть ранее рассматривал в зеркале. Перед ним на расстоянии пары метров в медитативных позах сидели Блаж и Вернер. Оба они были одеты в облегающие черные короткие штаны. На Вернере была просторную легкая белая рубашка, а Блаж сидела в черной майке с открытыми плечами. Плечи Вернера все также окаймляла черная грива волос, и Блаж все никак не расставалась со своим черным хвостом. Глаза их были закрыты, а лица покрывали легкие улыбки блаженства и упоения. Видимо, время они не теряли и с момента их первой встречи успели окончательно помириться. Улыбка Блаж была чуть хитрее, и он догадался, что это она вlepила ему пощечину, устав наблюдать за его кошмарами.

— Рад вас видеть! — Балда поприветствовал магов.

Те не шелохнулись. Он подождал, но результат не изменился. Балда задумался о том, на каком уровне отношений он с ними находится: стоит ли уважительно подождать, пока они выйдут из своего блаженного состояния или же можно их дружески окликнуть или растолкать. Следом появилась мысль, что, возможно, они как раз и ждут его реакции, чтобы

он сам определил свое к ним отношение. И если это предположение верно, то значит, что если он будет почтительно ждать их ответа, то даст им некоторые привилегии и контроль над собой.

— Вижу вы сильно заняты. К завтрашнему дню мне нужно хорошо выспаться, так что, если хотите, встретимся следующей ночью. Сниму Болиголов, чтобы вам не мешать.

Блаж открыла хитрые глаза и одарила его блаженной улыбкой.

— Неужели утром ты чувствовал себя измотанным и невыспавшимся? — она попала в цель, точно зная, что он чувствовал утром. На это ему было нечего ответить, но это уже и не требовалось. Его цель была вытянуть ее на разговор.

— Вы были правы насчет Кристофа: его действительно отравили, — продолжил Балда.

Вдруг Вернер рассмеялся, потому что понял ход Балды и промашку Блаж.

— О, простите. Я смеюсь не с отравления Кристофа, а с Блаж, — объяснился он. — Продолжай.

Блаж сдвинула брови, выискивая причину для смеха, но Балда перебил ее поиски своей историей. Он с подробностями, но довольно сжато рассказал, что случилось утром и как прошел их день, добавив, что следующим утром они покидают город и теперь он будет временно вместо Джофа. Так что ему срочно нужно чему-нибудь научиться, чтобы принести хоть какую-то пользу, если вдруг случится непредвиденная ситуация. И не знают ли они что-нибудь о парализующих ядах, вдруг смогут помочь Джофу лучше, чем его друзья из реальности.

— Можем вернуться в твоё воспоминание и посмотреть, кто и как отравил Джофа, — предложил Вернер.

— Вернуться не получится, потому что я не видел, как это произошло. Можете только увидеть, как тело отравителя изменило вертикальное положение на горизонтальное, — развел руками Балда.

— Парализующие яды довольно опасны, и если ваш друг до сих пор дышит и жив, то ему очень повезло, — начал рассказывать Вернер. — Обычно такие яды парализуют мышцы, в том числе и мышцы легких, и человек умирает от остановки дыхания. То, что Джоф еще дышит после того, как его ударили отравленным ножом прямо в область сердца и легких, можно объяснить лишь магическим эффектом. Как я понимаю, Джоф владеет некоторой примитивной магией для бытовых нужд, а магия, какой бы она ни была, всегда защищает своего хозяина и поддерживает слабые места организма в критических ситуациях. Значит, сейчас вся магия Джофа работает на его легкие, чтобы он мог дышать, иначе к утру он бы уже умер. Самые сильные яды при поддержке дыхания магией могут находиться в организме до нескольких недель, но за это время остальные мышцы могут омертветь. Так что у вас всего два-три дня, чтобы принять противоядие либо оказать организму Джофа более действенную магическую поддержку. Еще предположу, что Джофа хотели убить, а незадачливого убийцу потом бы казнил Соларус, и вы бы еще оказались ему должны.

— Полностью согласна! — неожиданно заявила Блаж. — Но есть вариант, что отравители знали о том, что Джоф владеет магией, думаю, узнать это не сложно, и яд подобрали не самый сильный и не слишком много. То есть, возможно, что все-таки его хотели не убить, а лишь временно парализовать. Но даже этот вариант очень рискованный: гарантировать, что Джоф останется парализован, а не умрет, никто бы не смог.

— Еще возможно, что Джоф находится в сознании, и может слышать вас, — добавил Вернер.

— Что же нам делать? — спросил Балда, переваривая эти новые гипотезы.

— Делайте, что и делали: везите его в ваше селение к магам. Если успеете начать лечение в течение трех суток с момента отравления, то сможете его спасти, — констатировала Блаж.

Вернер и Блаж перестали улыбаться, войдя в положение Балды. Он переживал за своего дядю, но слабая эмоциональная сторона конкретного сна после тяжелого дня не позволяла увидеть все его чувства. Блаж и Вернер эти особенности знали и понимали все по другим сигналам: задумчивость, вопросы, рассеянный взгляд.

— Сон не лучшее время для переживаний, — она заговорила нежным материнским голосом. — Во сне разум, душа и тело должны отдыхать. Поэтому даже и не пытайся нарушать этот закон природы, а то сделаешь только хуже.

— Сегодня уже третья ночь с нашего знакомства, — напомнил Вернер так, будто это была триста тридцать третья ночь, и все уже сбились со счета. — Значит, пора отметить такое событие!

— Отметить началом наших занятий? — уточнил Балда.

— Мальчика не проведешь дурацкими шутками, — Блаж ткнула Вернера пальцем в бок. — Да. Сегодня будет самый важный урок, на котором будет основываться вся твоя тренировка. Поскольку магией ты не владеешь, а знания из наших рассказов и твоих воспоминаний придут со временем, то займемся тренировкой твоего тела. В этом деле мы, разумеется, ничего не сможем, но пока хоть так.

— И вы сможете натренировать меня за одну ночь, чтобы завтра я уже был готов защищать своих друзей в случае опасности? — Балда явно прослушал последние слова Блаж, а серьезность, с которой был задал этот глупый вопрос, не оставляла никаких вариантов для ответа.

— Естественно! — ответил Вернер. — Все великие маги и воины становились великими всего за один вечер! И ты тоже обречен на это.

— Неужели такое возможно? — обратился Балда к Блаж, глядя на нее горящими от азарта глазами.

— Нет! Такое невозможно! — серьезно ответила она. Вернер недовольно хмыкнул, ему хотелось еще побаловаться.

— Интересно! Его разум совершает странные скачки: начал он с того, что ловко подловил тебя, и вот сейчас он невероятно туп! Может что-то случилось с Болиголовом после той пьянки? — мыслил вслух Вернер.

— Да нет же, — успокаивала его Блаж, — такое поведение нормально для того, кто жил с нарушениями памяти. Считай, что перед тобой взрослый ребенок: его не проведешь на логике и разных мелочах, но он все еще наивен и верит в чудеса, и для него в мире еще много всего неизвестного.

Балда наблюдал за тем, как они обсуждали его вслух и не мог понять, было ли это некоторым поучением и упреком для него или же высшей степенью доверия: ведь они могли общаться так, чтобы он их не слышал.

— Я вас все еще слышу! — вмешался он в их бесхитростный диалог.

— Значит, ты все еще не глухой. Хоть какая-то хорошая новость из реального мира.

— А что такое логика?

Его вопрос улетел в пустоту и остался без ответа.

— Хватит болтать, — сказала Блаж. — Побежали!

Она резко вскочила и промчалась мимо Балды. Он обернулся и увидел, как она быстро удаляется от них в бескрайнюю пустыню. Он с непониманием взглянул на Вернера.

— Что ты на меня смотришь? Беги за ней!

Видимо, этой ночью объяснений не дождешься. Балда поднялся и побежал следом за Блаж. Он бежал быстро и легко, словно летел по воздуху. Он отталкивался от песка, и шаги его были просто гигантскими. То, что перемещаться во сне было легко и просто, он понял уже давно. В прошлый раз он летал в форме светящегося шара и плавал в розовом океане, хотя плавать в реальной жизни не умел. Ведь это сон, как только ты его осознаешь, то понимаешь, что здесь можно все: превращайся в кого угодно, лети, плыви, беги или просто меняй свое местоположение.

Он быстро догнал Блаж. Бежала она также легко и плавно, только медленнее, а грацией и изяществом не уступала горной серне. Балда даже засмотрелся на нее и ее движения, но вскоре засмутился своих мыслей и сравнялся с ней.

— Ну что, легко бежать? — спросила улыбающаяся Блаж.

— Совсем легко! Лечу мягко, как пушинка, и быстро, как стрела, — крикнул он весело.

— Ничего удивительного, ты же во сне!

Да, в логике ей не откажешь. Он, кажется, все-таки догадался, что означает это слово. Вдруг Блаж, не снижая скорости, влепила ему пощечину по другой щеке так, что он кубарем покатился по песку, и вскоре уже начал думать, что не сможет остановиться. Но в конце концов он уперся во что-то твердое — это были ноги стоящей над ним Блаж. Щека загорелась и болела так, словно его ударили в реальности. Что-то подсказывало ему, что так все и было, только били не снаружи, а изнутри.

— Очень больно! — Балда схватился за щеку. — Почему я чувствую боль? Мы же во сне.

— Тебе объяснить подробно или понятно? — давно ему не предоставляли такой свободы выбора.

— Ну, если это настолько разные варианты, то для начала неплохо бы понять в общих чертах. Объясняй, как будто ребенку! — выбрал он и распластался на песке.

— Когда человек засыпает, он переходит в мир сна, и, пока он смотрит сны, его организм отдыхает и набирается сил. Организм — это наше тело в данном случае. Не выкатывай так глаза! — она возвышалась над ним, а он продолжал лежать и трогать свою щеку. Такое удобное положение Балду вполне устраивало, а Блаж совсем не напрягало, поэтому она продолжила. — Бодрствование и сон чередуются так же, как день и ночь, и, возможно, это лучшее совпадение в мире, если не думать о нас, как о приспособленцах. Так что у человека есть как минимум два уровня жизни: на одном уровне он живет в реальности, на другом — живет во сне. Но, как бы ни пытались разорвать человека на части разные магические философы, которых всегда было пруд пруди, а человеческий организм, пока он жив и способен собой управлять, все равно остается единым целым. И даже когда ты спишь, твой сон и твой разум остаются связаны с твоим организмом. Пока понятно? Отлично. Все, что тебе нужно для общения с людьми, — это голова. Некоторым достаточно губ и языка, но все же лучше пользоваться всей головой: улыбнуться там, волосы поправить, ну и, разумеется, мозгами пораскинуть, подбирая нужные слова, лишним не будет.

Блаж улыбнулась.

— И когда ты общаешься с кем-нибудь в своем сне, то твое лицо невольно пытается повторить те же движения, что и при обычном разговоре: у некоторых это так ярко выражено, что можно заметить, как спящий человек что-то бормочет во сне или просто

шевелит губами. Связь эта не прочная, поэту и речь спящего обычно невнятная. Зато очень хорошо передается мимика. Если ты когда-нибудь видел того, кому снится кошмар или грустный сон, то замечал, что у этого человека испуганное или печальное выражение лица. Когда же человеку снится приятный сон, то лицо его одухотворенное и счастливое. Еще, когда ты во сне ешь что-нибудь вкусное или с кем-то целуешься, или просто видишь очень радостный сон, то у тебя могут даже потечь слюнки. Как ты понимаешь сейчас по своим ощущениям, твое лицо, то, которое ты представляешь в своем сне, уже установило связь с твоим реальным лицом. Точнее, связь установили лишь мышцы, нервы и сухожилия, и связь эта довольно слаба, поэтому я и залепила тебе со всей дури, иначе бы ты ничего не почувствовал. К счастью для нас, связь подсознания с телом довольно призрачная, иначе бы люди давно уже поубивались в своих кошмарных снах.

Блаж перевела несуществующее дыхание, — привычка, от которой она так и не смогла избавиться. Она пнула Балду ногой под зад, когда он попытался подняться, и он снова пролетел несколько метров.

— А вот все остальная мускулатура: мышцы рук, ног, груди, живота и даже зада, — никакой связи с твоим обликом во сне не имеют. Поэтому ты сейчас и не ощущаешь ни боли, ни неудобств от падения. И наша с тобой главная цель на эту ночь — установить эту непростую связь. Тогда каждый твой шаг, каждая пробежка, каждое отжимание, подтягивание, взмах руки, удар, любое напряжение мускулатуры будет отражаться и на твоём реальном теле, а значит и укреплять его.

Блаж смолкла, решив, что для начала информации достаточно.

— Если это было не подробное объяснение, то, думаю, услышать подробное я бы сейчас не хотел, — Балда решил умерить ее лекторскую серьезность, но втайне был благодарен, что она умеет так прекрасно изъясняться. — Спасибо! Думаю, я все понял.

— Поймешь все, когда утром проснешься с ломотой во всем теле. А пока ты просто прослушал вступление, — сейчас Блаж выглядела прагматиком и реалисткой, что казалось довольно странным для бестелесного существа.

Балда все-таки поднялся на ноги и уже во всю пытался со всей силой щипать одной рукой другую, но никакой боли все равно не чувствовал.

— Значит, вы с Вернером тоже установили такую связь со своими телами? Поэтому ты так медленно бежала? — спросил он, не отрываясь от своего занятия.

— Ну, разумеется! — без лишних раздумий ответила Блаж. — Каждый раз, когда я бегу в твоём сне или внутри «Болиголова», где-то далеко отсюда в магическом склепе в подвале заброшенного здания высшей магической школы мой маленький, сморщенный, разложившийся трупик подергивает остатками ножек.

Балда оторвался от своего занятия и поднял глаза на Блаж. Ему вдруг стало неловко за этот необдуманный и абсолютно глупый вопрос, он не хотел ее обидеть. Но Блаж улыбалась и никогда всерьез не обижалась, потому что она была неподражаемой и блаженной. Чтобы ее обидеть, нужно было ее превосходить, но даже в последние столетия своей жизни она не встречала ни таких волшебников, ни тем более таких смертных. Во всяком случае она так думала.

— Ты напрасно себя щипаешь, только тратишь драгоценное время сна. Только практический навык сможет помочь достигнуть результата. Попытайся отыскать эту связь в движении — подбери скорость, с которой ты обычно бегаешь, мысленно нагрузи свои руки и ноги, и через какое-то время все получится. Ну, я на это рассчитываю! Тебе же завтра нужно

проснуться великим воином, так что побежали! — и она бросилась вперед.

Балда хотел спросить, почему Вернер не с ними, но тот вдруг пробежал мимо него, обсыпав его песком. Балда бросился за ними следом. Он пытался вспомнить, как он обычно бегают, а бежал он последний раз очень давно, чуть ли не в детстве. Бывало, что он носился как угорелый по полю, наивно пытаясь поймать неуловимых воробьев или сломя голову убежал от шайки мальчишек, которые хотели загнать его, как дикого зверя. Иногда он скакал вприпрыжку в кузню с поручением, о котором по дороге успешно забывал, или же резвился на лугу, гоняясь за бабочками. Бег всегда был разный, но того монотонного бега, который подразумевала тренировка Блаж, он не припоминал. Кто вообще бегают просто так: не убегая, не догоняя, в непонятном среднем темпе? Разве что мальчишки посыльные, которых отправляют в пределах города с сообщениями и мелкими поручениями. Он часто видел таких в Товерне, — подростки зарабатывали на жизнь своими ногами. Чем больше поручений ты выполнишь, тем больше монеток заработаешь. В этом деле нужна была выносливость, а значит и скорость должна быть такой, чтобы не выматываться и не уставать. В голове всплыли далекие воспоминания, в которых мимо него легко и непринужденно проносились посыльные. Рядом промчалась и другая мысль: почему именно бег? Может быть, маги подумали, что вместо навыков боя и защиты нужно натренировать способность быстро убежать от опасности? Тогда они его не очень правильно поняли. Хотя этому было научить проще всего, — видишь опасность, вставай и беги. Он подумал, что все это спросит, как только их догонит.

В среднем темпе посыльных догнать Блаж и Вернера было невозможно, а подбежать к ним, пользуясь преимуществом сна, казалось ему глупым, после всех наставлений Блаж. Догнать или подождать, пока они остановятся для новых наставлений? Он погрузился в размышления над этим сиюминутным философским вопросом, но продолжал бежать в выбранном темпе. Впереди раздался смех: Блаж толкнула Вернера в плечо и с криком «сифа» умчалась в сторону. Вернер быстро среагировал и кинулся за ней вдогонку. Бежали они по всем правилам реальности, видимо, такое было у них соглашение. Вернер вскоре догнал Блаж и с тем же криком легко толкнул ее в спину, но этого «легко» ей вполне хватило. Она оступилась и пролетела животом по песку до ближайшего холмика, в который успешно и врезалась.

— Тварь! — раздался переходящий в рык окрик и Блаж огромной кошкой бросилась за Вернером.

— Ааааа! — разнесся по пустыне громкий издевательский крик Вернера. Он помчался со всех ног, но убежать от ловкой хищницы было невозможно. Она в мгновение ока догнала Вернера, но во время решающего прыжка Вернер превратился в антилопу и резко вырвался из настигающих его лап. Кошка приземлилась на песок, сжалась в единый комок мышц и в ту же секунду выпрыгнула с еще большей силой. Но антилопа уже была на три корпуса впереди и только подражала ее своим белым хвостиком. Погоня продолжилась уже на более высоких скоростях. На прямой дистанции шансы Вернера убежать от погони были невелики, но он и не собирался подыгрывать своей хищнице. Начались догонялки с петлянием, и вскоре пара животных промчалась где-то слева в обратную сторону. Балда продолжал бежать, забыв свои вопросы и то и дело мотал головой из стороны в сторону, наблюдая эту неутомимую гонку.

В один момент антилопа свернула прямо на него и с бешеной скоростью бросилась по прямой, быстро сокращая расстояние. За антилопой летела кошка, но не со всей возможной

скоростью, а чуть медленнее, явно ожидая подвоха и резкого поворота, который могла и пролететь. Вернер заметил эту хитрость Блаж и решил быстро оторваться на прямой дистанции. Летел он на Балду с целью обмануть свою хищницу, но страх оказаться сбитым все равно закрался в сердце юноши.

За пять шагов от Балды антилопа совершила высокий прыжок и перемахнула прямо через его голову. Следом за ней взлетела кошка, закрывшая собой половину неба. Задрал голову, но не сбиваясь с темпа, Балда пробежал под этой живой аркой. Погоня продолжилась и кружила вокруг него. Еще раз они перемахнули через него, а на третий антилопа превратилась в стрижа и сиганула ввысь. Следом за ней кошка обернулась соколом, и погоня продолжилась в небе. Маги умели развлекаться и подняли игру в догонялки на новый уровень. Маневренная птичка выписывала пируэты, умудряясь нарезать круги вокруг сокола и проносясь навстречу вдоль тела хищницы, заставляя ее делать сальто в воздухе. Считанные мгновения происходила погоня в небе, сопровождаемая птичьими песнями и криками, но вдруг они вышли на прямую и в одночасье скрылись за горизонтом. В воздухе повисла тишина, нарушаемая лишь звуком шагов Балды. Долгое время он бежал, но никакой усталости и напряжения в мышцах так и не ощутил. Но бег и не утомлял. Вокруг стала появляться различная растительность, и ощущение бега на месте пропало. Вместо него появилось ощущение скорости на фоне монотонного пейзажа. Но и в этой монотонности был свой плюс: она не позволяла сконцентрироваться взгляду на чем-то новом и помогала собраться с мыслями.

Это занятие было совсем не похоже на тренировки воинов, которые он видел в городах. Там на плацу десятков крикливых командиров муштровал сотни бойцов в полном обмундировании. Никогда он не видел, чтобы кто-то бегал на длинные дистанции. Воинам в лучшем случае приходилось бежать всего сотню шагов до противника, с которым им предстояло рубиться, и еще сотню, чтобы отступить. Все остальное время они либо скакали, либо передвигались шагом. Но Балда сейчас и не тренировался как воин, — он просто пытался установить связь с мышцами, нервами и сухожилиями своего тела. Оставалось надеяться, что Блаж и Вернер, маги с тысячелетним опытом, знают, что делают.

Вдруг он заметил, что горизонт слишком ровный и замерший, как будто на картинке. Во время бега тело всегда делает движения вверх и вниз, как бы ты ни старался бежать ровно. Он подумал, что в этом его ошибка, и он неверно представляет и чувствует бег. Он начал имитировать дыхание и представлять, как опускает одну ногу и поднимает другую, как сгибает и распрямляет колени и как чередует движения ног. То же самое он проделал и с руками — они начали ходить вдоль тела, компенсируя движения ног. Решив, что поставил все движения, он устремил взгляд в пустыню, — горизонт начал колебаться, а каждый шаг стал сотрясать его тело.

— Не пытайся подключать дыхание и сердцебиение, — раздался возле уха голос Вернера. Балда помотал головой и даже обернулся, но самого Вернера рядом не было. — Сосредоточься только на мускулатуре рук, ног, груди и живота. Дыхание и сердце подстроятся сами, если в этом будет необходимость.

— Так вы меня видите? А то я уже подумал, что вы меня совсем забросили, — проговорил он.

— Ну так, наблюдаем одним соколиным глазком, — раздался веселый голос Блаж возле другого уха. — Вдруг ты внезапно прозреешь и перестараяешься, и твое реальное непроснувшееся тело встанет и куда-нибудь уйдет.

— А такое возможно? — спросил бегун.

— Конечно! — уверил его Вернер. — У нас в магической школе некоторые так на занятия ходили. Не часто, но бывало.

— А в школе учителя будили спящих учеников и спрашивали их первыми! — додумал Балда.

— Нет. В школе ученики старались не разбудить спящую учительницу, чтобы она их не спрашивала, — опроверг его догадки Вернер.

— У одной группы даже подушка была для меня, — подтвердила Блаж. — Любила их больше остальных. Из них потом получились самые лучшие маги.

Балда уже понял, что самый обычный урок в любой простой школе вызвал бы удивление у тех, кто учился и преподавал в высшей школе магии, особенно у тех, кто непосредственно знал Блаж. На это пришли бы посмотреть все преподаватели, а директор бы точно послал за доктором.

— Даже не знаю, все ли я правильно делаю. Может быть, мне нужно тренировать какие-нибудь удары? Это же важнее для защиты и для работы с оружием! — перескочил он на важные для него вопросы.

— Беги, и не трепись! — ответил Вернер. — Во время бега работает все тело — какие-нибудь мышцы да подключатся. Сосредоточься на движениях рук и ног, как я уже говорил. Попробуй разбить движения на части. Представляй, как совершаешь каждый отдельный шаг, сгиб, взмах. У тебя идеальные условия: ты бежишь босиком по мягкому теплему песочку. Вот и нащупывай свое тело от пальцев ног до пальцев рук, что-нибудь обязательно нащупаешь. У тебя сейчас как раз быстрая фаза сна — обычно в ней и происходит все самое интересное.

Снова воцарилось молчание, и Балда понял, что никакой ударной техники этой ночью ему не видать. Он продолжил поиски связи, но никакого тепла от песочка, как и самого песочка, он все еще не чувствовал. Но ведь эти ощущения и не связаны с мускулатурой ног, а связаны с чувствительностью кожи ступней. Попробуй разбери этих магов — сами себе противоречат.

Через какое-то время все вокруг стало ярче, а воздух на горизонте начал плавиться, словно вышло солнце и все нагрело. Балда подозревал, что от бесполезно прикладываемых усилий его сердце начало биться сильнее и тело разогрелось, и все это начало отражаться на его сне.

Впереди замаячили две расплывчатые точки. Через несколько минут они приняли более внятные очертания и стали похожи на Блаж и Вернера. Они снова сидели в медитативных позах и ждали Балду. Он остановился в паре шагов от них и замер. Никакой одышки, никаких болей в теле он не ощущал, зато очень хорошо чувствовал разочарование.

— Ничего не получилось? — спросил он без особого энтузиазма.

— Ты кого спрашиваешь? — перекрыла вопрос вопросом Блаж.

— Если я правильно понял смысл слова логика, то я спрашиваю вас, — он сел на песок и взял песок в руку. Пока глаза смотрели, как сыпется песок, ему казалось, что он его чувствует, но, как только он закрывал глаза, все ощущения пропадали. Как можно закрыть глаза, находясь во сне, — это до сих пор было для него неразрешимой загадкой.

— Откуда мы знаем, получилось у тебя или нет, — это же твое тело, ты нам скажи! — усугубил его разочарование Вернер. Правда, маги не выглядели удрученными и расстроенными. Значит, все не так просто, как ему казалось, и, видимо, это абсолютно

нормально.

— Подсядь поближе, — Блаж поманила его указательным пальцем.

Он подполз и сел прямо перед ними.

— Вытяни руку и сделай вот так.

Для примера она развернула кисть и покачала пальцем из стороны в сторону. Балда сделал, как она просила. Впервые он четко мог разглядеть свои пальцы. В прошлые разы он об этом даже не задумывался.

— А теперь сделай так, — она остановила палец, и он остановил свой. — Ты слепой? Не останавливай движение — двигай пальцем из стороны в сторону всего на десятую часть ногтя.

Балда пригляделся. Блаж действительно двигала пальцем из стороны в сторону, но движения эти были очень короткие и еле заметные. Он начал двигать пальцем из стороны в сторону так, как и двигал, уменьшить движение не получалось. Он весь сосредоточился на пальце и с трудом пытался сделать еле заметное движение, но это оказалось очень тяжело. Через минуту у него получилось, и он почувствовал свой палец так же ясно, как и полученные от Блаж пощечины.

— А теперь так! — палец Блаж начал двигаться уже не так коротко, но настолько быстро, что вибрация распространилась на окружающий воздух, и казалось, что палец просто раздвоился. Как сделать такое, Балда даже не мог себе представить. Он еле-еле смог заставить себя переместить палец на такое короткое расстояние в одну сторону. Это ведь даже не магия, а какие-то фокусы. Конечно, алкоголики могут их выполнять с легкостью, правда, у них на это уходят годы предварительных тренировок. Но вот чтобы трезвый и абсолютно здоровый человек мог делать такие движения, ему видеть еще не приходилось. Да, они сейчас во сне, но даже во сне у него ничего не получалось.

— Что? Слишком мелкие и слишком быстрые движения? Даже в реальной жизни контролировать их непросто. Тебе легче совершить взмах рукой, чем осознанно сдвинуть палец на десятую часть ногтя. Чтобы сделать сотню таких движений за один вдох, нужно, чтобы сошлось несколько различных факторов, ну и тренироваться, естественно.

Балда задумался. Если у него не получается сделать такое, значит, он не особенный, — не особенный ни в хорошем, ни в плохом смысле.

— Значит, в ваши древние времена люди измеряли небольшие расстояния по ширине ногтя, а скорость — по количеству повторений за вдох? — озвучил Балда зацепившийся за ум навязчивый вопрос.

— В наши древние времена была универсальная для всей планеты система измерения мер и весов, но я очень сомневаюсь, что человеку из далекого высокоразвитого будущего она будет понятна, поэтому и изъясняюсь доступным языком. Или вы не измеряете расстояния в полетах стрелы и днях езды на лошади, а объем, вес и стоимость — в кружках пива? — иногда Блаж бывала безжалостна в своей правоте. Балда понял свою промашку, и за это был хорошо уязвлен.

— Для оценки стоимости различных вещей у нас есть монетки, — ему хотелось хоть как-то реабилитировать свое наступившее будущее. — Ну, иногда и магическими шкурами можно рассчитаться, если что ценное там.

— Ого, они тоже используют магию для расчетов! — удивился саркастически произнес Вернер, но все же разъяснил для Балды. — Только вместо того, чтобы пользоваться магическим кредитованием, подтверждая все уникальной магической подписью, вы

используете магические шкуры, как средство платежа.

— Ха-ха, — развеселилась Блаж. — Судя по твоим рассказам о магических лавках, не удивлюсь, что магия у вас продается на вес!

— Зато у нас наливают пиво на сдачу и накрывают поляну в честь хорошей сделки! — достал небитый козырь Балда.

— Ладно, не будем спорить, — снова заулыбалась Блаж. — У любой системы есть свои плюсы и минусы. Я бы не отказалась пожить в этом разгульном мире без того груза ответственности, который высшая школа всегда взваливала на мои хрупкие девичьи плечи.

— Да-да! Поэтому ты такая особенная! — сказал Вернер с таким серьезным лицом, что ничего серьезного его собеседники уже не ждали. — Ни одна девушка из нашего древнего мира никогда и мечтать бы не смела о том, чтобы скинуть с себя всю ответственность, да еще — не дай небо! — переложить ее на мужчину. Это было бы равносильно тому, чтобы отдать мужчинам весь мир.

Блаж оскалилась на него так, что кошачьи клыки потеснили остальные зубы.

— Будешь меня подлавливать — я тебе опять горло перегрызу. Я и так всегда была сильной женщиной, которая в этом вечно летящем в пропасть мире время от времени хотела побыть немножко слабой. Хорошо, что ты всегда был моей опорой и моей силой в эти моменты моей слабости! — она протянула руку и погладила его по плечу. Клыки исчезли и оскал превратился в улыбку любви. Вернер и ухом не повел и выглядел как человек, который повидал в жизни все, и такой метаморфозой его нисколько не удивишь. Молчание и игнорирование многих, не стоящих внимания вещей не раз спасало его душевное спокойствие. И он точно знал, что когда его женщина в одной короткой речи выдает взаимоисключающие эмоции, то лучше ее не бесить своим громким дыханием.

Балда отложил остальные вопросы на более подходящее время. Он замечал подобные заявления и у Хлои, но очень редко — там тоже были запредельные скачки. В памяти всплыл давний диалог пьяных Кристофа с Роджером, в котором Роджер, упоминая подобное женское поведение, говорил, что это обычная женская проверка работоспособности всех жизненно важных режимов организма, в какой-то степени аналогичная той, что у мужчин происходит по утрам. Балда вдруг обратил внимание, что слова, которые использовал Роджер в той беседе, были очень похожи на замудренные речи Блаж и Вернера.

Балда медленно водил пальцем из стороны в сторону, сосредоточенно следил за ним, но при этом выглядел очень глупо. Как подключиться к своему телу, если оно осталось там, в реальном мире, и тихонько спит? Он даже не может сам проснуться, когда захочет, несмотря на осознание того, что находится во сне. А вот совсем чужие ему люди, которые умерли тысячи лет тому назад, могут легко и просто выбросить его в реальность. Они контролируют его лучше, чем он сам. Но они ведь маги, прожившие тысячу лет, обучавшиеся магии тысячу лет, и, ко всему прочему, они такие невероятно приятные люди. Может быть, это и есть самая настоящая магия: быть таким человеком, с которым просто приятно общаться?

Они с улыбками следили за его потугами и, кажется, верили в него. Он оторвался от своего пальца и посмотрел на них с теплым чувством — это были его самые первые и единственные друзья в мире, где он обрел способность помнить и размышлять. Там, за пределами сна, была Хлоя, был Джоф, были Кристоф и Роджер. И сейчас он понимал, что на самом деле ничего о них не знает и даже не знает, смогут ли они подружиться, когда поймут, что он изменился, что он нашел самый настоящий клад: коробку с кусочками той мозаики, из которой ему предстоит собрать картину своего собственного мира. Возможно,

воображаемое солнце слишком сильно грело нечувствительный к нему образ, а может быть, напряженный безрезультатный бег давал о себе знать, а может, и вовсе то, что он снова мог видеть свою маму и помнил в деталях ее лицо и ее прекрасную улыбку, сказалось на его эмоциях.

— Знаете, я вас обоих люблю, хоть и вижу всего в третий раз, — Балда явно хотел сказать что-то другое, что-то более нейтральное и продолжительное, что-то про хороших людей и приятное общение, но получилось то, что получилось. Ему вдруг подумалось, что, может быть, такими и должны быть настоящие маги, настоящие учителя. И вообще, такими должны быть настоящие люди.

Вдруг из-за спины Блаж показала гадюка, которая не спеша проползла между магами прямо к Балде.

— Мы тебя понимаем. Чего только не приснится после тяжелого дня! — сказал Вернер. И он, и Блаж как будто не замечали ползущую змею.

— Не слушай его! Я верю твоим словам, ведь они сказаны в мире, где тебе нет никакой необходимости лгать, потому что тебе в нем ничего не угрожает. Это, кстати, было главным условием при создании «Болиголова» — абсолютная безопасность разума того, кто его наденет! — Блаж смотрела на него с материнским теплом, а змея подползала все ближе.

— Правда, лично я до сих пор не понимаю, как это вообще можно проконтролировать, — поднял брови Вернер. Змею как будто никто не видел. — Уверен, что в высшей школе этого не понимал никто из тех, кто вообще был способен задаваться подобными вопросами. Остальным, которые обычно кивали головами при любом объяснении, всегда все было понятно.

— Да, все было понятно ровно до экзаменов, — мышцы скул Блаж не уставали подниматься и гореть прекрасным румянцем. — Если вы отправляетесь рано на рассвете, то пора просыпаться, дружок. Следующей ночью расскажешь, как ощущения.

При последних словах змея разинула пасть и, сделав молниеносный выпад, вцепилась Балде в ногу. Он вскрикнул и подпрыгнул на своем спальном месте.

В зале было довольно темно, лишь слабый свет утренней зари еле-еле пробивался в окна, и «светлячок» Хлои висел на стене возле Джофа. Хлоя сидела с ним рядом: было время ее дежурства. Когда Балда громко проснулся, она перевела свой взгляд на него. Их глаза встретились, но они ничего не сказали друг другу. Балда чувствовал себя очень бодрым, и сейчас ему казалось, что это лучшее свойство «Болиголова»: просыпаться выспавшимся, каким бы уставшим ты не ложился. Какой поразительный контраст был в этих местах между ночью и днем: припекающее в полдень солнце никак не мешало людям мерзнуть в полночь. Он откинул одеяло, резко встал со своей постели и невольно вскрикнул еще раз. Крик перешел в тихий радостный смех, напугавший Хлою.

— Ты чего так радуешься с утра? — с присущим ей любопытством она захотела узнать причины странного поведения.

— У меня болят ноги, представляешь!

Она могла это представить.

— Как мало тебе нужно для счастья! — покачала она головой. — Что же ты раньше-то не говорил? Если бы я знала, то отбивала бы тебе ноги каждый свободный час своего времени.

Он чувствовал по ее затемненному лицу, что она с ним шутит и сама чувствует, что сейчас он способен оценить ее шутку. Или все-таки проверяет, способен ли он на это? Не

стоит ее расстраивать.

— Бей, когда пожелаешь, только из лука по ногам не стреляй, — с детства не люблю заноз.

Она встала, подошла к нему и обняла, умудрившись сцепить руки за его спиной и уткнувшись лицом прямо в его солнечное сплетение.

— Не знаю, что с тобой происходит, но пусть это происходит и дальше. Пожалуйста, носи эту свою тряпку и никогда больше не снимай, — раздался приглушенный его грудью голос Хлои.

Балда не знал, что ей ответить. Но его слова ей были вовсе не нужны. Он обнял ее и, наклонив голову, поцеловал прямо в темя.

— Как там Джоф? — спросил он, чтобы не превращать этот обоюдно прекрасный порыв в неловкость, и отпустил Хлою.

— Джоф дышит и, думаю, даже чаще, чем вчера, — Хлоя оценила жест Балды, но подумала, что он немного поспешил. — Роджер сказал, что за его спасение нужно благодарить магию, которая помогает ему дышать. Не знаю, откуда такие познания у Роджера, но, кажется, он знает все на свете. Роджер просидел с Джофом полночи, и я думала, что он пойдет спать, когда сменила его. Но он сказал, что у него еще есть какие-то дела в городе, и ушел. Проводник ушел на ночную рыбалку и сказал, что к отъезду вернется. Спокойствию и выдержке этого человека можно просто позавидовать. Кристоф спит ровным крепким сном, а вот ты во сне учащенно дышал. Тебе снился кошмар?

— Мне снилось, что я бегу по пустыне, в которой не видно ни конца, ни края! — ответил полуправду Балда.

— Ты бежал от кого-то или за кем-то? — сейчас она просто хотела с ним говорить, поэтому большую часть разговора взяла на себя. — Я обычно в своих кошмарах убегаю и прячусь, а когда понимаю, что это сон, то, наоборот, выхожу на открытые места и сама догоняю тех, от кого убегала. Ха-ха. Но кошмары мне снятся редко. Даже этой ночью я спала без снов, — чувствовала, что нужно выспаться за короткое время.

— Я бежал, чтобы натренировать свое тело! Не смотри на меня такими удивленными глазами. Понимаю, как глупо это звучит. Обещаю, что, когда мы доберемся до селения, я тебе всё расскажу. Договорились? — Балда ласково улыбнулся Хлое, как взрослый — ребенку.

— Договорились! — улыбнулась Хлоя. Пусть расскажет, когда захочет, если захочет. Пусть просто остается таким, каким она видела его сейчас.

Балда пошел выводить лошадей и в дверях столкнулся с только что пришедшим Роджером. Тот выглядел довольно бодро для человека, не спавшего всю ночь — ему можно было только позавидовать. Балда задался вопросом: сколько вообще времени Роджер может не спать? И ответ на него помог бы раскрыть другую тайну: кто такой Роджер?

— Хлоя поедет на магическом жеребце Джофа. Если случится что-то непредвиденное, эта лошадка спасет ее жизнь, а она спасет наши! — Роджер имел ввиду прекрасную способность Хлои отстреливаться из лука на полном скаку.

— Ты предполагаешь, что нам может что-то угрожать по дороге? — это уже была не глупость, но все еще наивность.

— Я не предполагаю, — объяснил Роджер. — Я готовлюсь к самому худшему варианту событий. Если ты еще не все вспомнил, то это главная причина, по которой мы являемся одними из самых успешных охотников во всем средиземноморском горье и до сих пор живы. Выводи лошадей и повозку, сейчас перенесем Джофа и сразу отправимся. Пообедаем как доберемся до перевалочной станции — наш проводник собрал еды в дорогу. Завтрак пропустим, лучше выпейте воды и сходите по своим делам сразу, чтобы не тратить время на остановки.

— Проводник ушел на рыбалку... — без него же мы не поедим? — уточнил Балда.

— Хм. Отличное утречко для рыбалки! — хмыкнул Роджер с ледяным спокойствием. — Будем ждать его ровно до оговоренного времени. Потом ему придется нас догонять.

Они разошлись. Балда еще раз осмотрел лошадей и поправил сбрую. Он вывел их и держал во дворе. Норовистый магический конь хотел показать свой характер, но, почувствовав твердую руку и спокойный добрый взгляд, решил, что снова не в этот раз. Повозку с открытым верхом Балда подкатил почти к самой двери, чтобы легче было тащить Джофа. Вдвоем с Роджером они поставили Джофа на ноги и поволокли к повозке. Балда заметил, что Джоф пытается ступить на ногу, хотя и безрезультатно..., то есть какие-то мышцы ног пытались включиться в работу. Роджер тоже это почувствовал.

— Парализующий яд со временем сам выйдет из тела, главное, поддерживать дыхание и сердцебиение, — объяснил Роджер. — Без магии Кристофа мы этого сделать не можем, а сколько сможет поддерживать Джофа его собственная магия, тоже неизвестно. Поэтому нужно срочно добраться до магов селения, которых я еще не видел, но почему-то доверяю им больше, чем тем, кто кинул нас здесь.

То, что нужно спешить, все и так понимали, но тот факт, что яд начинает покидать тело, стало отличной новостью. Балда заметил, что и Роджер, и Блаж, и Вернер хорошо разбираются в ядах, словно учились в одной и той же школе. Подтвердить это или опровергнуть пока что было невозможно. К тому же Роджер не владел магией, что еще больше сбивало, да и знахари разного пошиба тоже хорошо разбирались в ядах и без школ магии.

В дверях их встретил вернувшийся с рыбалки проводник. Он все бросил и помог им аккуратно разместить Джофа в повозке головой вперед. Его уложили на спину, потому что лежать на боку во время поездки Джоф бы все равно не смог. Роджер разжал ему челюсти, достал его язык и проткнул откуда-то взятой иглой с ниткой. На конце нитки была прикручена короткая деревяшка. Роджер подтянул деревяшку до самого языка, оторвал нитку

от иголки и завязал ее на деревяшке узлом. Он спросил, нужно ли кому-то объяснять, что он сделал, но все лишь покачали головами. Хлоя была рада, что вокруг нее такие люди, сама она давно бы уже потерялась в этой ситуации. Балда же поразился тому, как Роджер смог проколоть язык Джофа без единой капли крови.

В повозку сложили кольчугу и секиру Джофа, а также все необходимые им в дороге вещи: несколько теплых шкур, обеденную утварь и всякую бытовую мелочь. Повозку закрыли тентом, а ведро со свежей рыбой проводник повесил сзади под повозкой — вечером их ждал хороший рыбный ужин.

Балда надел кольчужный капюшон, чтобы скорее к нему привыкнуть. Ранним утром как раз было не жарко, но ближе к обеду в этой шпуге придется попотеть. Он сел на место возницы и направил лошадей к воротам. Пока все возились со своими вещами, Хлоя налаживала контакт с магическим жеребцом, который почему-то не считал серьезными наездниками тех, кто был ниже его и весил на порядок меньше. Он пытался вырвать поводья из хрупких девичьих рук, но Хлоя впилась в ремни, как клещ. Балда уже хотел пойти ей помочь, но Роджер остановил его удивленным взглядом. Неужели Балда не понимает, что лошадь и наездник должны сами установить связь друг с другом, и никто им в этом не поможет. Балда понял этот взгляд и остановился. В дружеском порыве помочь девушке он совсем забыл то, чему сам мог обучить любого. Конь недолго возился с Хлоей, но в итоге позволил ей сесть. Что-то подсказывало жеребцу, что сейчас не лучшее время показывать, что он здесь самый лучший, тем более, что на это звание никто, кроме него, не претендовал. Кристоф чувствовал себя хорошо, но по-прежнему не мог говорить и колдовать. Он последним вскочил на коня, следом за проводником и Роджером, и они выехали.

Проводник на всякий случай рассказал Балде дорогу до выезда из города, чтобы тот не плутал по улочкам, но в этом не было особой необходимости, поскольку сам он поехал впереди. Сейчас Балда помнил каждый поворот и каждый закоулок, по которому они ходили в эти три дня, он помнил все те места, где когда-либо побывал, лица и голоса всех людей, которых когда-либо видел. Помнил всех, кроме одного — своего отца. Тот человек рядом с его матерью возникал в памяти словно безликий призрак, которого никогда не существовало.

Лошади шли ровно, гулко цокая по мощеной дороге. Уже сейчас сами собой определились места каждого в их немногочисленном кортеже: Хлоя и проводник выехали вперед повозки, а Роджер с Кристофом ехали позади. Хлоя хотела, чтобы Балда и Джоф были в ее поле зрения — она могла оборачиваться и улыбаться Балде, вселяя в него надежду на успех их поездки и уверяя, что с Джофом все будет хорошо. Проводник поехал впереди, скорее всего, по привычке, ведь сбиться с главной дороги не представлялось возможным.

Случайный прохожий, которого они нагнали, узнал проводника и помахал ему рукой.

— Куда это вы в такую рань? — поинтересовался пропитый голос.

Скрытого тентом Джофа чужак не видел, а значит, не сможет растрепать о нем.

— Самое время, пока жары нет. Не ночью же выезжать из Разбойничьего Стана! — ушел от ответа проводник.

— И то правда. Приезжих в это время обычно и увозят отсюда — пьяных. А то их вообще не выгонишь из города: утром они расплзаются отсыпаться, а в обед им уже жарко и затягивает городское веселье. Так некоторые сами своим слугам велют, чтобы их спать не укладывали, а сразу везли утром подальше от этого города-ловушки.

— Ха-ха! Это да. Наш городок из кого хочешь все соки выжмет и выплюнет одну

шкурку. — Проводник не спешил отделаться от прохожего — боялся лишних подозрений. А Хлоя подумала, что из города удобно вывозить больных и мертвых, — все подумают, что развозят пьянчуг по домам.

— Если бы только соки, так этот город еще и все золото из кармашков повычистит, — не унимался и не отставал знакомец.

Впрочем, пусть болтает, дальше города этому проходимцу дороги нет.

— А про Хамана слышали? Доигрался старикашка со своими экс. пекс. шментами, черт, что за слово. Со своими опытами доигрался. Сегодня ночью так рвануло у него в доме, что удивительно, как сам дом не развалился. В общем шуме никто не понял, что случилось: обычный городской шум, похожий на хлопучки, которыми встречают богатеев. Только по сорванной с петель двери и валившему из проема дыму поняли, что здесь что-то не так. Сразу кого-нибудь из трезвых — чтобы зайти к нему — не нашлось, а пьяные даже и не поняли, что случилась беда. Вот недавно, когда там все выветрилось, нашли его мертвым прямо за прилавком с перекошенным от ужаса лицом. Говорят, отравился! И вся его магия ему не помогла. Даже сильнейшие маги не застрахованы от нелепой смерти — такие дела.

Эта новость удивила Балду и Хлою. Проводника же она просто потрясла. Он смотрел на прохожего выпученными недоверчивыми глазами. Он прожил в этом городе слишком долго и неплохо знал Хамана и все связанные с ним истории. В селении считали, что Хаман, несмотря на всю свою жадность и скупость, был одним из сильнейших магов всего Средиземнолесогорья, а такие маги не умирают от случайностей. Возможно, Хаман дорвался до какого-то могущественного артефакта древности и, пытаясь влезть в него без необходимых знаний, поплатился жизнью. В любом случае это было удивительное совпадение — то, что Хаман умер как раз в утро их отъезда. Но на их планах это никак не отразилось.

Хлоя и Балда, в отличие от проводника, ни в какую случайность не поверили. Хлоя была уверена, что кара настигла того, кто пусть и косвенно, но виноват в том, что Джоф балансирует на грани жизни и смерти. Однако, ее разум совершенно не хотел связывать смерть Хамана с ночным уходом Роджера. Джоф, хоть и в опасности, но все-таки жив. А убивать старика из мести было бы неправильным и никак не вязалось с ее моральными принципами. Она могла понять убийство разбойника, напавшего на путников, убийство во имя спасения близких или самого себя, а такую месть, если бы это была она, понимать ей еще не доводилось. Да и Роджер не владеет магией, — он просто не мог одолеть опытного колдуна.

Балда же, наоборот, подумал, что Роджер был единственным, кто мог это сделать: никаких доказательств у него не было, только предположения, навеянные тайнами, окружавшими этого человека. Хаман не был похож на того, кто станет проводить эксперименты, рискуя своей жизнью и здоровьем, иначе бы он не дожил до таких преклонных лет. Однако Роджер тоже не был похож на человека, способного убить могущественного мага...

В конце концов Балда решил временно принять факт состоявшегося убийства Хамана Роджером, потому что эта версия была самой простой и логичной с точки зрения мотива, а в неудавшийся эксперимент он не верил.

Тогда оставалось понять, как Роджер сумел это сделать, и почему он пошел на убийство. Балда надеялся, что Роджер просто хотел поговорить с Хаманом и узнать, насколько тот причастен к отравлению Джофа, но все пошло не по плану, и маг спровоцировал их стычку,

завершившуюся так плачевно для него. Но разве не знал Роджер, что все так закончится? Разве он не понимал, что самоуверенный маг не станет отчитываться перед воином, а просто попытается убить его, обвинив в воровстве, как тех воров из байки? Кажется, нелепые догадки и предположения зашли слишком далеко.

Что ж... В случившемся есть и свои плюсы. Если Роджер действительно был способен на такое, то их шансы добраться до селения и спасти Джофа резко увеличивались. Конечно, он, Балда, мог всего и не знать: хотя Соларус и покинул город со своими приближенными, в городе оставались и другие маги, и кто знает, какие у них с Хаманом были отношения. ...Все становилось совсем запутанным.

Поэтому Балда решил остановиться на своей первоначальной версии событий и корректировать ее по мере появления новых знаний. О моральной стороне убийства он пока не думал. Как и о мотивах Роджера, столько лет державшего в тайне свои способности, а сейчас раскрывающего их...

Роджер и Кристоф ехали за повозкой и, кажется, не слышали, что там говорил прохожий. Строй никто не нарушил, и, не останавливаясь, они выехали за пределы города. Гулкий цокот сменился глухим топотом, появились редкие деревья, которые вскоре должны были перейти в густой лес. Дорога выглядела довольно тихой, казалось, что даже птицы приспособились к режиму Разбойничьего Стана. Музыка ветра ласкала уши, а его холод и скорость освежали лица.

Темп сразу взяли быстрый и придерживались его почти всю дорогу. Проводник громко и с энтузиазмом рассказывал Хлое и Балде какие-то интересные истории. Роджер и Кристоф ехали рядом, но беседы вести не могли — это удручало Кристофа, и он снова начинал ковыряться в себе. Ему сейчас было очень грустно от того, что он больше похож на балласт, нежели на полноценного члена их команды: он не может никого ни вылечить, ни защитить, и ему же самому нужна защита.

У Роджера была более конкретная и прозаичная цель: все его друзья должны добраться до безопасного места живыми. Поэтому он и выбрал позицию в арьергарде, чтобы видеть всех сразу и первым принять бой в случае погони. Опасность нападения спереди тоже существовала, но здесь Роджер рассчитывал на свои зрение, реакцию и навыки пращника и, само собой, на едущую впереди Хлою. Любому встречному сам Роджер мог показаться безоружным всадником, но мало нашлось бы лучников, которые смогли бы успеть снять лук, вставить стрелу, прицелиться и выстрелить раньше, чем он совершит свой смертоносный бросок, с учетом того, что нужно достать прашу, камень и сделать замах. Если бы его спутники знали, как он перестраховывается, то могли бы испугаться за его психику, но они просто не знали его прошлого.

Через несколько часов им повстречались несколько экипажей с сопровождавшими их воинами на лошадях, и даже был один тарантас, пристроившийся за экипажами, чтобы под их прикрытием проскочить мрачный лес. Всадники и повозка съехали в сторону, чтобы пропустить этот кортеж без тормозов. Из карет доносился веселый смех и слышались женские голоса. Это были очередные богатые и не очень гуляки, ехавшие в Разбойничий стан за удовольствиями. В каретах были богатые купцы со своей свитой, мелкие торговцы, менялы и их подруги. В тарантасе весело жались друг к другу бедные и молодые ремесленники и работники, тоже желавшие оторвать свой кусочек радости от Разбойничьего Стана и, возможно, остаться в нем навсегда. Из окон кареты высовывались люди, придерживая руками шляпы, смеялись и махали им навстречу, из тарантаса тоже кричали

что-то веселое. Этот безумный, едущий за весельем кортеж немного взбодрил всю компанию Роджера. Хлоя весело прокричала им добрые пожелания.

Такая встреча означала, что они проехали примерно половину пути до перевалочной станции. Кристоф после этой встречи все больше начинал чувствовать себя купцом с хорошей охраной, только, в отличие от купца, вид у него был более удрученный. Шум от кортежа стих, пыль за ним осела, и они снова заняли центр неширокой дороги, и лес снова окружил их своим шумом и пением. Здесь, вдали от города, птицы уже вели бурную жизнь и на них ориентировался Роджер. Любая засада разбойников заставила бы певчих птиц улететь подальше от затаившихся людей, либо притихнуть. Роджер даже не стал бы пытаться объяснить своим спутникам, что можно на слух оценить концентрацию пения в птичьем лесу.

Балда с Хлоей продолжали слушать истории проводника, но его невнятные речи с трудом долетали до Роджера с Кристофом. «Осталось только оглохнуть и ослепнуть, и я превращусь в бессмысленный комок плоти» — заныл про себя Кристоф. «Но еще останется обоняние и чувство от ударов седлом по заднице» — слова Роджера зазвучали в его голове. Да, Роджер всегда нашелся бы что сказать. Кристофу вдруг стало некомфортно и параноидальное ощущение чужеродного присутствия охватило его. Он обернулся назад, посмотрел по сторонам и остановил виноватый взгляд на Роджере. Ему не хотелось, чтобы друг знал о его внезапном приступе паники.

«Бессмысленный комок плоти? Так ты о себе думаешь? — Роджер не хотел напугать Кристофа, но не знал, как подойти к этому щекотливому моменту... Глаза Кристофа полезли на лоб. — Не обязательно открывать рот, чтобы поговорить. Я грубо вторгся в твой разум, прошу меня извинить. Хотел, чтобы ты почувствовал, что общение внутри твоей головы не может пройти незамеченным, если ты сам этого не хочешь».

После таких слов Кристоф бы сразу сел, если бы уже не сидел на лошади, поэтому он просто сильнее сжал ноги, чтобы не свалиться с нее.

«Ты можешь читать мои мысли?» — этот вопрос не мог быть никаким другим.

«В некотором смысле — да. Назовем это так!» — все такой же привычный голос Роджера снова прозвучал в голове Кристофа, где они и продолжили общение. Приступ паники быстро прошел, как только целитель осознал, что он был вызван таким странным и неожиданным присутствием Роджера. Хотя от такого открытия паниковать надо было еще сильнее, Кристоф посмотрел на это по-философски и с нескрываемым любопытством.

«Совсем как черный пустынный джинн?» — маг помнил все байки из их академии. Само слово «академия» последнее время резало ему слух, потому что в заведении с таким названием должны были учить чему-то большему, чем смогли обучить его.

Роджер подумал про себя что-то нехорошее, но что именно — Кристоф мог догадаться только по его лицу. Роджера корбило название «черный пустынный джинн». Кто вообще придумывает эти мрачные эпитеты? Люди, конечно же, любят всякую мистику, хотя в мире легкодоступной магии она давно уже должна была стать обыденностью. И все равно всегда находится что-то запредельное даже для магов. Тех, кого в простонародье по глупости называли черными пустынными джиннами, было всего трое, и Роджер понятия не имел, где еще двое, но часто задавался вопросом, как можно было так тупо засветиться, чтобы про тебя две тысячи лет ходили байки.

«Такая способность доступна многим из тех, кто далеко продвинулся в изучении магии», — уклончиво ответил он на вопрос Кристофа.

«Но ты же не обладаешь магией. Я никогда ни разу не чувствовал ни малейшего дуновения магии с твоей стороны!»

«Не обладаю, но знания-то доступны каждому. Для общения с тобой мне не нужна собственная магия — мне достаточно твоей!»

Кристоф слегка опешил от такого заявления и подумал, что сейчас его вопросы похожи на головы той мифической твари, у которой на месте одной срубленной головы вырастает еще две, поэтому умерил свои порывы, выискивая более простые вопросы.

«То есть я, врожденный маг, не могу пользоваться своей магией, а ты, человек не обладающий магией, можешь пользоваться моей?!» — здесь Кристоф больше удивлялся, чем ждал ответа.

«Пока что выходит так, — в голосе Роджера звучала ирония, что сильно контрастировало с его внешне неподвижным и строгим лицом. — Ты не можешь пользоваться своей магией сейчас, потому что действие багрянницы, которой ты отравился, еще не прошло, но больше потому, что ты не умеешь сопротивляться ее воздействию. Я же пользуюсь твоей магией, благодаря своим знаниям и навыкам, которые получил в результате многолетних тренировок».

«Удивительно! Меня никогда не обучали таким вещам, да и о магической багряннице я знаю лишь понаслышке. Удивительный день! И вдруг я узнаю, что мой компаньон может общаться со мной ментально, пользуясь моей магией, узнаю, что он все время это скрывал. Узнаю, что я даже никакой не маг, а уличный шарлатан, которого более умный разоблачитель выставил на посмешище».

Роджер рассмеялся в голос, так что Хлоя и проводник обернулись, и даже Балда повернул к ним свое закованное в металлические звенья капюшона лицо.

«А тебя не удивляет, что многие люди вообще не умеют пользоваться магией, когда она лежит чуть ли не в каждой яме? Не удивляет, что кто-то родился богатым, а кто-то бедным, кто-то красивым, а кто-то уродом? С такими вопросами ты можешь удивляться бесконечно и пропустишь всю прелесть жизни. Воспользуйся моим дружеским советом — отбрось все плохое в сторону и двигайся дальше вперед. Никто не может знать и уметь все на свете. Кто-то обязательно будет лучше других в одном деле, и посредственностью в другом. Кто-то родится дураком в прекрасное время в прекрасном месте и проживет всю жизнь счастливым, а кто-то родится умным в мире разрушенном и не сможет выбраться из него при всем своем уме!»

Слова так отчетливо и пронзительно звучали в голове Кристофа, как будто великий создатель миров лично обратился к нему с неба с наставлением не предаваться унынию.

«Поверь мне — продолжил Роджер, — ты уникальный маг, с врожденными магическими способностями к целительству, ты можешь как лечить, так и калечить. Просто сейчас ты попал в не самую простую ситуацию, которая, уверен, скоро благополучно разрешится».

«Ты для этого раскрыл мне свои способности, чтобы подбодрить меня? Спасибо! Я часто думаю о том, кто мы все друг другу: ты, я, Хлоя, Джоф и Балда! Мы обычные компаньоны, друзья или просто случайные знакомые, которые пересеклись, чтобы сделать общее дело?..»

«Ты согласишься мне, если я скажу, что все мы — одна большая семья? Я жил один много лет и смогу выжить там, куда вы все не сможете даже добраться. Я многое повидал в этой жизни. Но знаешь, что! Сейчас я думаю, что до встречи с вами я и не жил даже! Мы не

просто собутыльники, компаньоны по охоте и люди, которые зимой живут в одном большом доме. И вот что, Кристоф... Никому еще за долгое время я не открывал своих способностей...»

Слова Роджера странно контрастировали с суровым выражением лица этого сильного воина.

«И я раскрылся тебе не для того, чтобы подбодрить, хотя это тоже не помешает. Я хочу помочь тебе, научить тебя некоторым интересным вещам. Почему я не сделал этого раньше? Раньше мы просто весело охотились на глупых животных, и наших знаний нам было вполне достаточно. Раньше мы были чужими людьми, которые вот так незаметно для себя стали ближе друг другу, чем простые охотники. Я, возможно, все это выдумал себе, но так я вижу нас сегодня. К тому же сейчас ситуация резко изменилась, и наши жизни как никогда зависят от наших способностей».

Голос Роджера смолк, и какое-то время они ехали молча. Кристоф понял по своим ощущениям, что Роджер покинул его разум и не может знать, о чем он сейчас думает. Видимо, Роджер был гораздо мудрее, чем казалось на первый взгляд. Кристофу действительно нужно было переварить полученную информацию. Слова про семью затронули больше, чем все остальные. Кристофу казалось, что он один думает о них, как о самых близких людях, и просто получает удовольствие от общения, зная, что в один далеко не прекрасный день жизнь разбросает их всех в разные стороны. Хлоя встретит молодого и красивого купца, который окружит ее роскошью и заботой, станет его женой и заведет с ним детей. Красивого и сильного Джофа подберет дородная хозяйка какой-нибудь лавки, и ему даже работать никогда не придется. Балда будет жить где-нибудь в поле зрения Джофа и тоже сможет найти девушку, которой нужен простой и работающий парень. Роджер исчезнет так же, как и появился, — дорога затянет и поглотит его. А он, Кристоф, будет подрабатывать до конца своих дней, делая мелкие магические задания для городских баронов и врача идиотов, которые не дорожат собственной жизнью.

И вот Роджер говорит, что они одна большая семья! Как это понимать? Они настоящая семья, которой не страшны разлуки и расстояния, или все это временно? Может, Роджер просто обманывает, подбадривает его, потому что сейчас им всем это нужно? Но чем больше Кристоф задавался вопросами, чем больше он размышлял, тем скорее понял, что он просто боится принять тот факт, что они друг другу самые близкие на свете люди. И боится он потому, что чем выше заходишь в своих мыслях и мечтах, тем больше будет падать с небес на землю. Но рано или поздно все люди когда-нибудь упадут и разобьются, и больше не поднимутся, заберутся ли они высоко в своей радости или будут ползать по дну ущелья своих страхов, — все равно в итоге они останутся лежать. Поэтому нет никакого смысла жить в страхе что-то потерять — это будет уже не жизнь, а вечная боязнь потери, сожаления, падения. А еще он верил Роджеру, потому что любил его, любил Джофа, любил Хлою, и даже Балду. Они не случайно вместе, несмотря на их различия и секреты, и никакой эгоистичный самовлюбленный честолюбец не смог бы удержаться в их компании дольше одного сезона охоты.

Кристоф повернул голову в сторону Роджера и сразу почувствовал его присутствие. Роджер посмотрел на него и выражение его лица стало мягче.

«Говори! — сказал Кристоф. — Мне самому сложно общаться, пока я не могу отделять разговор от своих мыслей».

«Значит, с этого и нужно начать, — улыбнулся Роджер своей обезоруживающей

улыбкой. — Представь себя внутри себя же и веди беседу от своего внутреннего «я». Пусть он говорит, когда ты хочешь сказать, и молчит, когда ты хочешь все обдумать. Это самое простое объяснение, какое только можно придумать. Есть и другие варианты: создай дополнительный уровень или зону для общения и отдели ее от своего разума, создай дополнительную границу, за которую не может проникнуть твой собеседник, создай островок или комнату для общения. Не важно, как ты это осуществишь, главное, чтобы ты четко отграничил свое личное пространство разума от места для бесед. Попробуй».

Кристоф открыл рот. Все, что он понял, это то, что нужно построить отдельную беседку рядом с домом, но, как это сделать внутри своего разума, понятия не имел.

«Вся настоящая магия происходит в твоём разуме. Как только ты осознаешь это и научишься ей управлять — творить волшебство станет так же легко, как и дышать»

«Как можно знать столько о магии, если сам не владеешь ею?!» — продолжил удивляться Кристоф. Он уже пытался представить себе все то, что объяснил ему Роджер.

«Ну, старики тоже когда-то бегали, лазали по деревьям и разоряли птичьи гнезда, хоть уже давным-давно и шагу без палочки ступить не могут», — опять ответил Роджер незамысловатой метафорой.

Кристоф долго разбирался со своими попытками воплотить в действие советы Роджера и в итоге сделал так, что Роджер не мог слышать его мыслей. Как выяснилось чуть позже, он полностью вытолкнул Роджера из своего сознания и заблокировал возможность вести диалог.

— Это тоже хороший навык, — произнес Роджер вслух, потому что ничего другого ему не оставалось. — Попробуй найти середину между полным доступом к разуму и полной блокировкой. Как только получится, я попробую объяснить тебе, как залезть в мой разум, как прочесть мои мысли и передать свои.

Глаза Кристофа загорелись от всего этого, как ему казалось, безумия. Телепатия не была чем-то сверхъестественным в их мире, но ее навыками владели немногие. И это всем казалось врожденной способностью, никак не связанной с магией. О магических способностях к прямому общению Кристоф не слышал даже в школе: такие знания не находили в древних книгах либо потому, что они были очень тайными, либо, что всем казалось более вероятным, эти знания были такими обыденными, что упоминать о них в книгах не было никакого смысла. Точнее, так считали люди и маги древности, но никак не современники Кристофа.

Он вспомнил урок в академии, где обсуждали один текст, в котором древние маги общались между собой. Все бы ничего, если не считать огромное расстояние между этими магами: один маг находился в школе магии, а другой в отдаленном городе. Кто-то наивно высказывался про голубиную почту и световые сигналы, кто-то — про тайные коды и магические сигнальные амулеты, но все предположения не выдерживали критики, потому что текст представлял собой сложный диалог, многие слова из которого до сих пор оставались непонятными, а значения понятных слов были не совсем ясны.

Оставалась только телепатия, но тогда каждый из магов должен был быть таким телепатом. И вот Роджер показал ему что-то совсем иное, что сразу же решало ту непосильную для них задачу. Стоп, но ведь даже для магии существуют физические пределы. Как же тогда можно общаться друг с другом, например, через горы или через моря?

«Как маги могли общаться на больших расстояниях?» — Кристоф снял всю блокировку, только чтобы задать этот вопрос.

«Значит, в академии у вас были древние книги, и вам даже что-то рассказывали! — быстро сообразил Роджер. — Так же, как и мы с тобой, только с помощью парных магических амулетов!»

«Вот я тупой — это понял бы даже ребенок, — Кристоф хлопнул себя по лбу. Парные амулеты имели магическую связь, через которую можно было вытворять разные фокусы, которые изобретали до сих пор. — А на каком расстоянии можно общаться без амулетов?»

«До куда магией сможешь дотянуться», — объяснил Роджер простыми словами. Кристоф хлопнул себя по лбу еще раз.

Магия, конечно, не палка, чтобы ей до куда-то дотягиваться, но Кристоф понимал, что речь идет о способности чувствовать магию на расстоянии. Роджер увидел неподдельный интерес на лице своего друга и решил, что можно и усложнить объяснение.

«Например, если один маг чувствует магию в радиусе одного полета стрелы, а другой — в радиусе двух полетов, то на расстоянии двух полетов они смогут общаться усилиями второго мага. Но я знавал уникамов, которые могли складывать эти расстояния и общаться на расстоянии трех полетов стрелы.»

Кристоф чуть рот не открыл от такой простой магической математики, которой его никто до сих пор почему-то не смог обучить.

«А маг может передавать сообщения через амулет тому, кто магией не владеет?» — Кристоф решил позориться до конца. Но Роджер вдруг повернулся к нему с задумчивым лицом.

«Хм. Не знаю! Не помню таких случаев — нужно проверять!»

Роджер всерьез задумался — Кристоф поставил его в тупик. Может ли маг залезть через амулет в голову того, с кем не имеет магической связи? А магическую связь могут установить между собой только маги? Роджеру казалось, что он знает о магии больше, чем кто-либо из ныне живущих, но вот простой вопрос поставил его в тупик. Дает ли магический амулет какие-то преимущества тому, кто магией не владеет? Связывается ли магия амулета с носителем напрямую или же она просто фиксирует изменения носителя? Это было бы интересно узнать.

Кристоф строил свою границу, то блокируя, то открываясь Роджеру, и чувствовал восторг от обучения. Совсем дряхлого еще полчаса назад старика Роджер вдруг превратил в юного школяра, который открывает для себя совершенно новый мир магии, а, точнее, мир принципов общения с помощью магии. Но еще удивительнее для Кристофа было даже не то, что волшебник мог, пользуясь своей магией, передать сообщения кому угодно, а то, что Роджер, кому магия, казалось, была недоступна, мог воспользоваться чужой. Все представления Кристофа о магии древних изменил человек, который ехал с ним рядом, — руку протяни и коснешься его.

«Слышишь меня?» — прозвучал в голове Кристофа голос Роджера.

«Слышу» — раздалось в пустоте одинокое слово.

«Ты быстро справился! Теперь мне не придется лишний раз открывать рот, чтобы тебя подколоть», — Роджер повернулся к Кристофу и усмехнулся.

«Твое объяснение действительно простое и понятное. В академии нас закапывали в тома настолько пространственных объяснений, что мы не были уверены, понимают ли их сами преподаватели!»

Настроение у Кристофа было прекрасным. Он был открыт к знаниям как никогда раньше. Теперь ему еще сильнее хотелось узнать, кто такой Роджер, ну или хотя бы немного

приоткрыть завесу его тайны, но он решил, что для этого еще наступит подходящее время. А сейчас нужно пользоваться предоставленной возможностью и обучаться.

Роджер вспоминал слова Балды о том, может ли он обучить кого-нибудь заколдовывать противоядие от багряницы. После этого вопроса он всерьез задумался. Матерый и старый, как вечность, маг, давным-давно преподававший в высшей школе магии, некогда возомнивший себя великим и непобедимым, некогда поплатившийся за свою гордыню лишением магии, уже и забыл, что такое кого-либо чему-либо обучать. Роджер слишком долго жил, дольше, чем полагалось жить волшебникам. Если бы он решил написать книгу о своей жизни, даже только о знаковых событиях, то не смог бы найти столько чернил и бумаги.

Никакие события в мире не могли бы вызвать в нем волнения так же, как никакой ураган не мог бы вызвать рябь на покрытом льдом озере. Но слова, простые слова всегда могли менять мир сильнее, чем любые ураганы. И вот Роджер решил, что его усилий, его порывов и бесполезной беготни по городу недостаточно. Все это лишь попытка отыскать суррогатную помощь, когда он может дать реальную: передать свои знания и открыться тем, кому доверяет. Если он обучит Кристофа пользоваться магией на более высоком уровне, обучит его противостоять таким примитивным вещам, как эта багряница, то ситуации, подобные той, в которую попал Джоф, больше никогда не будут им угрожать.

Да, везде есть риски, и у всего есть цена, но нельзя же вечно прятаться. Уже давно Роджер скрывал свою сущность не потому, что боялся, а потому, что не хотел, чтобы его боялись. Ему хотелось жизни обычного человека, хотелось общаться с людьми, не лебезящими перед несокрушимой силой, не склоняющими головы в трусливых поклонах, не выдающими свой страх за чувства привязанности и уважения.

Лишение магии — самое ужасное наказание, самое худшее, что может случиться с практикующим магом. Так наивно думали сильнейшие волшебники древности. Если бы они только могли знать, как с этим наказанием справится Роджер, они бы быстро изменили свое мнение.

Эти самовлюбленные, погрязшие в собственном эгоистичном псевдовеличии волшебники даже на мгновение не могли себе представить, что из самой безвыходной ситуации отыщется такой выход, который перевернет все их представления о мире магии, если бы им суждено было встретиться вновь.

«Почему ты улыбаешься? — спросил Кристоф. — Потому что я задаю глупые вопросы и туго соображаю? Не забывай, что твой внезапный ученик уже не такой юный».

Кристоф иронизировал, а значит, был в хорошем расположении духа. И улыбка Роджера тоже была на удивление добродушной. Он вернулся в воспоминаниях не только к ужасным и неприятным событиям своей жизни, но и к тем первым столетиям, когда он обучал юных магов, когда видел их горящие, как сейчас у Кристофа, глаза. Радость можно найти в самых разных вещах: можно пить вино, можно петь песни, можно упиваться своим эгоизмом, а можно радовать других своими знаниями, своей легкостью, своим юмором и улыбкой. Часто знание, что ты причастен к чужому счастью, тебя самого делает счастливым.

«Мудрость рождается из глупых вопросов. И ты не старый, ты просто представляешь себя стариком, и твоя врожденная магия просто потворствует твоим мыслям и твоему представлению о себе. Твоя жизнь была не простой и часто лишенной радости и достижимых целей — так всегда происходит с талантливыми людьми в разлагающемся мире. Но начни мыслить в обратную сторону, представляй, что ты молодеешь и набираешься

сил, и твоя магия станет помогать тебе в этом!» — опять ошарашил его Роджер.

«Ты хочешь сказать, что я старый, потому что сам вижу себя стариком?» — переспросил Кристоф.

«Нет, не хочу — я уже это сказал. Старики не ходят по борделям и не удивляют там девушек, — Роджер привел его в чувство. — А что до «туго соображаю», то я не знаю ни одного мага, который смог бы за час воссоздать отделенную от своего разума площадку для ментальных бесед. Ну, если не считать меня».

«Значит, ты тоже когда-то владел магией?» — наконец-то осенило Кристофа.

«Полностью блокировать свой разум и защищать свои мысли от постороннего вмешательства, создавая блокировку для тех, кто норовит прочесть чужие мысли, можно и без магии. Забыл, что ты своей магией временно пользоваться не можешь? Сейчас ей пользуюсь я. В собственном разуме человек волен делать все, что ему вздумается, если, конечно, у него хватит воли, фантазии и некоторых способностей. Но, вообще, без магии нельзя общаться друг с другом — кто-то из собеседников обязательно должен обладать магией и управлять ей».

И снова Роджер не стал подтверждать его догадки. Но Кристоф уже понял, что ни один обычный человек никогда бы не стал тратить время, чтобы научиться стрелять из лука без лука, скакать на лошади без лошади или бегать, не имея ног.

Кристоф ехал, словно в прострации, потому что больше находился внутри себя, играя с новым навыком. Еще не умея контролировать все сразу, он расслабил правую руку, и лошадь, приняв это за знак поворота, начала сдавать влево и чуть не сошла с дороги. Роджер перехватил ремень и вернул ее в строй.

«Просьпайся, мой друг! А то сейчас незаметно ускачешь в лес, будем потом бегать наперегонки с волками, кто тебя раньше найдет».

Кристоф отпустил внутренние поводья и схватил поводья лошади.

«Твои прошлые ученики тоже обучались, сидя на лошади?» — оправдывался он.

«Нет, и это большой минус для них. Легко научиться плавать в пруду, а ты попробуй в речке, несущей тебя к водопаду или в море в шторм! Если сможешь научиться в таких условиях, то равных тебе не будет, — Роджер в чем-то был прав. Обучение в легких условиях и без проверки полученных знаний часто оказывалось малоэффективным. — Правда, у них вместо водопада впереди были экзамены. Даже не знаю, что лучше».

В голове Кристофа прозвучал отчетливый смех: его собственный и Роджера.

«Видишь, как удачно совпало. Обучаясь владеть своим разумом во время управления лошадью, ты разовьешь в себе способность решать сразу несколько задач или научишься быстро переключаться между ними, как умеет делать наша Хлоя».

Их глаза снова встретились в безмолвном пространстве. Хорошо, что Роджер тоже замечал все, что происходило с его спутниками. Значит, они ему действительно не безразличны.

Впереди показалась перевалочная станция — одинокий гостинный двор, где была и харчевня, и небольшая кузня с конюшней, и какие-то домики для обслуги. Они, как и договаривались, не стали останавливаться на обед, но, чтобы не вызывать лишних подозрений, зашли перекинуться парой слов с хозяевами и купить вина. Роджер с проводником зашли в харчевню, и проводник еще раз блеснул своим красноречием. Хозяйке он пожаловался на то, какой опасный этот город — Разбойничий стан: затянул их в свою азартную трясину так, что сейчас либо успевай добраться назад, либо уволят со службы,

либо лишат жалования, и неизвестно что хуже. Фразы его были такими общими и пространными, и так гладко дополнялись нотками магии, что если кто и будет расспрашивать о них, то суть его истории в пересказе хозяйки будет дополнена только ее личной фантазией. А это уже будет полная брехня. Проводник уже много лет не ездил этой дорогой, и его не могли узнать, а если бы и узнали, то мало ли что с ним стало за эти годы, мало ли на кого он сейчас работает.

Роджер не строил иллюзий насчет того, что магия красноречия может им сильно помочь, но хотя бы хозяйка и ее местные разбойники не будут к ним приставать. Из рассказа проводника и по их виду, а также по их низкой повозке было ясно, что ничего ценного у них с собой нет. Да и кто вообще догадается грабить людей, выезжающих из Разбойничьего стана? Оттуда выезжают либо те, кто уже все просадил до последних портков, либо те, с кем лучше не связываться. То ли дело попытаться с риском для жизни почистить кармашки приезжающих, поэтому сюда и едут длинными кортежами с охраной.

Все понимали, что разбойникам не было никакой выгоды торчать в этих лесах, если только они не потеряли свой второй шанс в Разбойничьем Стане и не знали куда податься. Знакомые разбойники хозяйки были, скорее, ее работниками и не пытались прыгнуть выше головы, если в этом не было выгоды. Но Роджер опасался вовсе не глупых разбойников — даже превосходящая их числом шайка была им не страшна. От шайки можно было и откупиться, не сильно рискуя жизнью — ведь убийство приезжего могло вызвать целенаправленную зачистку со стороны города, а вот грабеж, прикрытый просьбой о подаении, мог пройти незамеченным.

Роджер опасался целенаправленной охоты на его компанию, потому что давно перестал верить во всякого рода случайные совпадения. Смерть Хамана и их скорый отъезд, о котором в городе узнали, как только они пересекли защитные поля, кое-кого могли навести на определенные мысли.

Вместе с проводником они выпили по кружке эля и заставили выпить за их счет хозяйку, которая сразу же отбросила все подозрения — таких гостей она любила больше всего. Продав им самого лучшего вина, она обнялась с обоими, и, пожелав друг другу хорошей дороги и состоятельных постояльцев, они не без сожаления расстались.

Пока они балакали с хозяйкой харчевни, Хлоя, Балда и Кристоф не спеша перекусили, запив все холодным травяным чаем. Полные животы разогрели кровь, и тепло сразу же разошлось по телу, и ехать дальше стало веселее. Кристоф, еще вчера решивший, что больше никогда в жизни не будет пить вина, после беседы с Роджером пересмотрел свои планы и решил, что не будет пить до тех пор, пока не научится быстро справляться с ядами, влияющими на его магию.

Роджер проведаль Джофа, а после резко вскочил на лошадь и сразу же понял, что в городе эль разбавляют, потому что сейчас ему стукнуло в голову очень даже хорошо. Проводник, заметив вопрошающие взгляды Хлои, Балды и Кристофа, только жеманно пожал плечами, мол, мы сделали все, что от нас зависело. Затем он с такой же грацией, как и Роджер, вскочил на своего коня, и они отправились дальше. Расположение всадников осталось тем же, менять его не было никакого смысла. Кристоф хотел ехать с Роджером, боясь, что, разделенные повозкой, они не смогут продолжить ментальное общение. Хлое и Балде пока еще не приелись истории проводника, и странное новое притяжение никак не отпускало их друг от друга, к тому же сейчас должны были начаться пьяные байки. Ставить рядом подвыпивших проводника и Роджера было не очень разумно. Балда предложил Хлое

поменяться с ним местами, но она не любила управлять повозкой, хотя от колесницы, где нужно было, стоя, управлять парой быстроногих лошадок, она бы не отказалась. Меняться с проводником Балда не стал, подумав, что на лошади тот скорее придет в себя.

«Продолжим?» — спросил Кристоф.

«Попробуем! Заодно узнаем, дружит ли алкоголь с подобной магией», — ответил Роджер.

Кристоф подумал, что хозяйка харчевни ему удружила, и сейчас он сам попробует аккуратно расспросить Роджера о его прошлом. Это же не обман, Роджер просто может не отвечать на его вопросы.

«С общением в моем разуме, кажется, разобрались. Расскажи, как мне послать сообщение в твой разум! И как раньше маги определяли, в чьем разуме будет происходить беседа?»

Кристоф спросил о каких-то эфемерных магах, подразумевая магов из прошлого Роджера. Знания Роджера были слишком далеки от знаний магов Средиземнолесогорья, и дело здесь либо в расстоянии, либо во времени. Роджера, даже пьяного, нельзя было обмануть такими вопросами — он не строил иллюзий относительно человеческой натуры. Начиная весь этот разговор, он уже знал, что придется рассказать больше, чем ему хотелось бы.

«Раньше маги просто устанавливали магическую связь друг с другом и отправляли свои послания. Никому не приходилось создавать дополнительные площадки для общения. Так что, считай, что мы с тобой староверы, если можно так назвать все, что происходило на заре магии».

Роджер, как и все его современники, имел лишь смутное представление о так называемой «заре магии», но Кристоф первый начал задавать каверзные вопросы, пусть немного помучается и с каверзными ответами.

«...И да, объяснить тебе, как послать мне сообщение, я толком не могу, потому что это гораздо сложнее понять, да и словами не расскажешь. Суть такова: ты должен с помощью своей магии установить связь с моим разумом. Сейчас мы с тобой связаны посредством магии: принадлежит она тебе, а пользуюсь ей я. И ты все еще находишься под действием багрянницы. Перед тобой стоит двойная задача: во-первых, установить утерянную связь со своей магией, во-вторых, понять, как установить связь с моим разумом. Как только ты сможешь это сделать, ты полностью нейтрализуешь воздействие багрянницы».

Роджер улыбнулся, подтверждая, что все довольно просто. А Кристоф пытался не запутаться в этих рассуждениях. Сейчас он учился плавать даже не перед водопадом, а просто без воды. Вся их беседа происходила только благодаря Роджеру, который оказался настоящим уникамом, а Кристоф просто построил маленькую кривую беседку. Радостный дообеденный подъем сменился резким упадком. Роджер заметил это и пояснил, что происходит совершенно обычный процесс обучения — не стоит предаваться унынию от непонимания, как и не стоит слишком переоценивать полученные знания, и тогда процесс пойдет гораздо спокойнее и быстрее.

«Постой! А ты можешь связаться с Джофом, чтобы узнать, как он себя чувствует?»

Кристоф посетовал на самого себя за то, что сразу не задался этим вопросом, а отдался во власть собственному эгоизму.

«Я сделал это почти сразу же, воспользовавшись магией Джофа. Я сообщил ему об отравлении и о том, что мы сделаем все возможное, чтобы его спасти. Он ничего мне не

ответил. Это было очень рискованное действие с моей стороны: магия Джофа сейчас поддерживает его жизнь, и ей нельзя мешать. Но я надеюсь, что риск был оправдан, и он меня услышал, потому что после моих сообщений его сердцебиение выровнялось, хоть и замедлилось», — объяснения Роджера были такими же сжатыми и краткими, как и все его речи.

«Ты можешь воспользоваться моей магией, чтобы вылечить Джофа?» — в высшей школе магии за этот вопрос преподаватели носили бы Кристофа на руках, если бы имели хоть малейшее понятие о способностях Роджера. Вопрос был довольно логичным и как нельзя лучше подходил к их положению.

«Нет, не могу», — лаконично ответил Роджер. — «Вообще я могу воспользоваться определенной чужой магией и применить ее к третьему лицу, но в данном случае много факторов не в мою пользу. Сейчас твоя магия не слишком высокого уровня, и ты должен принять это, чтобы расти дальше. Твоя магия заблокирована ядом, и я прилагаю гораздо больше усилий для общения с тобой, чем этого требуется. И самое главное: твоя магия — редкая врожденная магия целителя, которой я не смог бы правильно воспользоваться, даже при отсутствии предыдущих двух проблем. По твоим разговорам об академии, в которой ты обучался, я понял, что ваши учителя даже не разбираются в различиях врожденной магии и приписывают успехи тех или иных учеников их человеческим способностям, склонностям и интересу к тем или иным магическим трюкам. Интерес — это, конечно, здорово, но магия бывает разная. Любое обучение мага начинается с понимания того, обладает ли он врожденной магией или у него есть лишь способности к управлению магией. Если магия ученика врожденная, то нужно понять, какая именно это магия. Если ученик имеет предрасположенность к управлению магией, то нужно понять, какой именно магией он способен управлять!»

«Роджер, ты преподавал в высшей школе магии?» — Кристофу уже не было смысла вуалировать вопросы.

«Будешь много знать, скоро состаришься! — Эта глупая отмазка никогда не старела. — Если ты хочешь узнать все за один день, то советую тебе расслабиться! У тебя не хватит и десяти лет жизни, чтобы узнать настоящую базу магии, и столетия уйдут на то, чтобы ее понять!»

«Фух! Хорошо, что столько не живут!» — усмехнулся Кристоф в ответ, думая, что все сообщение Роджера было выдержано в одном стиле и что все его уходы от вопросов могут означать только положительные ответы.

«Отличная шутка для мага-целителя! — рассмеялся Роджер. — Когда-нибудь ты ее даже поймешь, если вспомнишь».

Время за беседой в обоих разделенных повозкой компаниях летело незаметно. Хлоя время от времени посматривала, не скучно ли там сзади, и, может, стоит поменяться местами с Кристофом, чтобы он послушал байки проводника, а она бы хоть как-то развлекла Роджера беседой. Но каждый раз, когда она оглядывалась, ее взору открывались улыбающиеся лица, будто два всадника научились общаться с помощью взглядов и мимики. Солнце потихоньку клонилось к закату: удлинялись тени, и лес все больше утопал в рыжеватом свете. Солнце светило слева и чуть позади, и по нему можно было понять, что почти половину пути до селения они уже проехали. Роджер отвлекся от разговора, напрягши свои органы чувств, — какой-то неугомонный соловей так красиво распелся, что все остальные птицы заткнулись. Роджер даже привстал с лошади, чтобы посмотреть как можно дальше вперед, затем обернулся и минуту разглядывал их тыл, потом сел и понял, что все его действия бесполезны и он просто нервничает. Остальным, к счастью, не хватало знаний Роджера, поэтому они выглядели более расслабленно и непринужденно.

Когда свет неба начал резко убывать, Роджер сказал, что пора останавливаться на ночлег. Они сошли с дороги и углубились в чащу — недалеко была известная путникам поляна на небольшом возвышении. Место было удобное как ни посмотри, единственным недостатком его было то, что о нем почти все знали. Роджер перемолвился с проводником, и они решили, что если их будут искать, то найдут в любом случае или по следам, или по шлейфам от задействованной магии, исходящей от Хлои, от проводника и даже от Джофа с Кристофом, поэтому лучше занять удобную для защиты позицию, чем быть застигнутыми врасплох в непроходимой чаще. Хлоя переживала, глядя на Роджера: она не совсем понимала, настолько ли опасно их положение или же Роджер стал слишком мнительным. Она догадывалась, что отравление Джофа — случай экстраординарный, но действительно ли это было запланированное отравление Соларусом и Хаманом или все же обычная месть неудачника Харда, никто не мог сказать. Разговоры про возможную погоню и засаду залетали в ее уши, но реальность и опасность подобных событий она представляла себе довольно смутно. Возможно, она просто все еще отказывалась в это верить. Разбойников с большой дороги им бояться не стоило, иначе об этом уже давно бы трещали и в городе, и в селении, — это понимали почти все. Тогда чего опасался Роджер? Хлоя, как и остальные, решила подчиниться воле Роджера, пока они не встретятся с магами селения и не убедятся, что Джофу ничего не угрожает, все-таки Роджер если и не старше, то точно опытнее их всех.

Погода была теплая, но начинал накрапывать мелкий навязчивый дождь. На небольшой поляне расположились довольно кучно, поставив повозку с той стороны, откуда было не подойти — если раньше повозкой бы отгородились, то сейчас ее охраняли как самое ценное сокровище. Место окурили от комаров и прочих летающих гадов, — без магических щитов Кристофа отогнать эту нечисть было довольно проблематично. Проводник наткал вокруг лагеря несколько магических палочек, которые создавали мелкие поля и были связаны со специальным колокольчиком — такую систему активизировали на ночь, когда все переставали шастать туда-сюда. С повозки сняли тент и растянули его повыше над местом ночлега. Тент оказался довольно широким, так что если внезапный ночной ливень не будет косым, то никто не промокнет. Джофа укрыли одеялом — сейчас он не чувствовал ни тепла, ни холода, но никто не хотел, чтобы он все это прочувствовал потом, когда поправится.

Балда снял свой капюшон, отер потные волосы соломой и занялся лошадьми, Хлоя занялась костром, а проводник — рыбой. Кристофа никто не трогал, полагая, что он еще не совсем в себе, а он и не пытался их разубедить. Правда, в итоге он помог Хлое собирать хворост и притащил откуда-то неплохой сухостой. Кристоф чувствовал, что Роджер покинул его разум и больше не пытался с ним связаться, — либо его мысли были заняты чем-то другим, либо он хотел, чтобы Кристоф сам отыскал связующую нить с разумом Роджера, а значит и восстановил контроль над собственной магией.

Роджер забрал ведро из-под рыбы, два бурдюка с вином и пошел к ручью, который протекал рядом. Вернулся он с бурдюками, полными воды, сопровождаемый грустными понимающими взглядами. Балда позже еще два раза ходил за водой для лошадей и собрал для них большую охапку травы, чтобы они не разбредались в поисках подножного корма. Проводник разделался с рыбой, быстро соорудил вокруг костра полевою кухоньку и ушел отмывать руки от рыбного запаха, оставив Хлою следить, чтобы ничего не сторело.

Вскоре все утомонились и уже сидели вокруг костра кто на чем. Пока готовилась рыба, стемнело окончательно, и тлеющие угли костра совсем не давали света. Хлоя отправила своего «светлячка» под тент, и стало довольно светло. Роджер спросил ее, может ли она гасить и включать его на расстоянии, — Хлоя попробовала, и у нее получилось. Роджер попросил Хлою оставить светлячка на ночь вверху, чтобы можно было его быстро включить, если будет такая необходимость и попросил дать ему на ночь ее магический кинжал. Хлоя согласилась, хотя и разрывалась между настороженностью и желанием покрутить пальцем у виска, Роджер становился похожим на параноика. Она решила не отставать от него и стала делать вид, будто играет на воображаемой лютне — свою она оставила в селении, даже не думая, что она ей понадобится до возвращения. Она быстро зажимала прозрачные струны на невидимом грифе и перебирала их тонкими пальцами, чем всех развеселила. Балда попросил ее спеть им что-нибудь, чтобы отвлечь от дурманящего аромата пока еще готовящегося ужина. Петь без музыки Хлое еще не доводилось, но она решила попробовать и нашла для них подходящую, хоть и довольно бестолковую балладу.

Однажды уви́дел прекра́сный твой ли́к,
И де́мон любви́ в мою ду́шу прои́к.
Воро́вка, укра́ла ты се́рдце моё,
И жи́знь преврати́лась в спло́шное бы́тье.
Я бро́сился в пу́ть, чтоб теб́я отыска́ть,
И ты́ мое вре́мя укра́ла о́пять.
Теб́я отыска́л я в дале́ких кра́ях,
Где сла́ву сниска́ли твои́ сыновья́.
Твой му́ж пал геро́ем в нера́вном бою́.
И в че́сть его ба́рды все пе́сни пою́т.
Морщи́ны со мно́й и моя́ се́дина,
А ты́, словно́ ро́за, свежа́ и юна́.
К тебе́ подоше́л я, коле́но склони́л
И взгля́дом любви́вым теб́я ода́рил.
Был в жи́зни я сча́стлив о́дин то́лько ми́г,
Как вдру́т ты спроси́ла «Что надó, стари́к?»
И се́рдце наза́д мне верну́ла моё,
И жи́знь преврати́лась в спло́шное бы́тье.

Только потрескивание угольев и звуки наступающей ночи аккомпанировали Хлое, но и этого было достаточно. Ее прекрасный голос звучал так чисто и звонко, что мурашки побежали по телу Балды. Ему казалось, что для каждой песни Хлоя подбирает особый уникальный оттенок своего голоса, который идеально подходит под мотив, слова и музыку. Роджер был абсолютно уверен, что это особое волшебство: либо Хлое помогала приобретенная ею магия, либо у нее была своя врожденная, уникальная, о которой она даже и не подозревала, потому что ни один маг не мог ее обнаружить. Остальные слушатели тоже были заворожены пением, и если бы во время исполнения Хлоя не кивнула смотрящему ей прямо в рот проводнику, то их ужин мог бы и подгореть. Лицо Кристофа и без слов выражало все те прекрасные эмоции, которые он сейчас все равно не смог бы выразить словами. Мысль, что по странному стечению обстоятельств он оказался в самой прекрасной на свете компании и может быть счастлив простым человеческим счастьем, в очередной раз посетила его голову. Хлоя очень сильно верила, что Джоф может слышать ее песню, а даже если и нет, то она обязательно споет ее ему еще раз, как только он выздоровеет и очнется от своего ужасного сна.

Проводник наконец-то сказал, что ужин готов, и все, как по сигналу, расхватили сочную, ароматную и довольно крупную рыбу. Это была самая вкусная речная форель, которую им доводилось есть за последние годы, — даже в Товерне такой было не сыскать. Форель хорошо пошла с еще мягким хлебом и сыром и с чистой студеной водой, — довольно необычный ужин, если сравнивать его с недавней гулянкой в трактире. Роджер неспешно отпил воды из бурдюка и передал его дальше — студеной вода еле-еле пахла вином, которое еще совсем недавно плескалось вместо нее. Остальные тоже вдыхали этот приятный аромат, и даже у Кристофа боязнь вин начала постепенно проходить.

Кроме баллады, короткий и слегка напряженный вечер разбавила легкая бессодержательная беседа, в которой ни Джоф, ни Кристоф, ни Роджер не участвовали. Целостность их компании была нарушена, и не хватало веселых, глуповатых и даже пошловатых шуток. Попытки были, но в этот вечер они не имели особого успеха, разве что сам факт этих попыток пытался заменить веру и надежду, которые, как и солнце, бессовестно, хоть и временно, похитила ночь.

Сразу после ужина пошли спать, чтобы с рассветом двинуться в путь. Хлоя оставила светлячка под тентом, а после того, как все сходили кто куда хотел, проводник активизировал систему магических полей. Роджер отвел магического жеребца от остальных и привязал к повозке. Хлоя и Кристоф легли в повозку по бокам от Джофа, а Балда с проводником настелили себе под повозкой травы и улеглись там. Хлоя вырубилась через мгновение после того, как погасила «светлячка». Кристоф еще какое-то время пытался связаться с Роджером и одновременно ждал, что тот сам свяжется с ним и даст хоть какую-нибудь подсказку, но в итоге так и заснул, отправив безмолвное «спокойной ночи» в пустоту. Балда надел свой кольчужный капюшон, спать в котором было совсем неудобно, но ему передалось волнение Роджера. Проводник лег с мечом в руке, Балда же положил возле себя секиру Джофа. Роджер сел, облокотившись о дерево напротив повозки и закрыл глаза. Он долго размышлял, что было лучше: расположить всех вот так, в повозке и рядом с ней, или же всем надо было лечь более широким кругом. Все зависело от конкретной ситуации, но ни один вариант ему не нравился. Когда начал моросить мелкий дождь, он перебрался к повозке и сел, облокотившись о колесо. Все спали крепко, и только проводник и Роджер спали чутко. Правда, Роджер иногда открывал глаза и прислушивался к шороху, но, поняв,

что это мелкие ночные хищники, засыпал снова, — диких животных он опасался меньше всего.

Кристофу снилось его прошлое: академия магии, в которой слово академия не имело никакого смысла, друзья-одногодки, которые, как и он, чувствовали себя особенными только потому, что они не просто обладают магией, но и умеют ею пользоваться. Тогда им казалось, что их ждет великое будущее, и все они, так или иначе, приближают тот день, когда магический мир вновь возродится в своем древнем величии. Ему снилось, как они своей молодой компанией сидят за столом в таверне, показывают друг другу разные нехитрые трюки и привлекают внимание девушек, для которых обученные искусству магии волшебники были людьми из другого мира. Они все веселились и пили вино, танцевали и колдовали, делали девчонкам разные украшения из монет, обрабатывая их магическим огнем, садили их к себе на колени, обнимали за талии и щипали за разные нежные места. Они резали себе руки в кровь и тут же заживляли раны, показывая свою неуязвимость. Хоть это и были всего лишь незначительные царапины, но на публику это действовало гипнотически. Они играли в карты и в кости на магические секреты, которые каждый узнал на собственном опыте, а в итоге просто делились друг с другом своими маленькими магическими открытиями.

И сейчас Кристоф видел себя в этой компании со смазливой смеющейся девицей на своих коленях, а его друзья в веселом подпитии произносили невнятные заклинания и делали магические пассы руками. Они перебивали друг друга и чокались, и смеялись, только Кристофу было почему-то не весело. Он видел свое прошлое с высоты своего настоящего и уже не мог воспринимать его так, как воспринимал тогда, не мог веселиться так же, как раньше, мог только ностальгировать и улыбаться с тихой грустью. Прошлое нельзя купить, нельзя изменить и в него нельзя вернуться, разве что ненадолго, в своих снах. Но можно создать прошлое своим детям, создать им счастливую семью с любящими их мамой и папой, — оставалось только верить, что у него еще будет и такая семья. Мысли перескакивали от дружбы к любви, от старости к юности, что и раньше часто случалось с Кристофом. Только если обычно он радовался вместе со своими друзьями, понимая, как все они были наивны, то сейчас он был просто сторонним наблюдателем, смотрящим из тела того юного, самоуверенного и амбициозного, но такого глупого себя. Его взгляд скользнул влево, и он увидел за одним из столиков знакомое лицо. Девушка на его коленях наклонялась к подругам, поднимала кружку с элем или вином и все время перекрывала лицо этого человека, смотрящего прямо в душу Кристофа. Это был Роджер. Он сидел, как обычный завсегдатай, и потягивал дешевый эль. На нем была простая рубаха и штаны, его волосы были взлохмачены, руки грязны, а ноги босы, и только глаза его были чистыми и ясными, и такими выразительными и мудрыми, что их невозможно было спутать ни с какими другими.

Кристоф поднялся, пройдя сквозь девушку и сквозь стол и направился прямо к Роджеру. Столы и посетители, обслуга и музыканты, все проносились мимо него, но Роджер не стал ни на шаг ближе. Он просто сидел за своим одиноким столиком со своей одинокой кружкой на том же самом расстоянии. Кристоф рванулся и побежал, побежал сквозь стену таверны, через уличный базар, сквозь дома и городские стены, пока не выбежал на одинокое голое поле, а Роджер все так же сидел напротив него все за тем же столом, все с той же кружкой. Кристоф повернул свой взгляд в сторону, но Роджер никуда не исчез, — его стол и его взгляд все время были перед глазами Кристофа. Он был как бельмо на глазу, которое

никуда не исчезает, как ты ни крути головой, как ни моргай.

Кристоф остановился и сел там, где стоял. Впереди его друг монотонно подносил кружку ко рту и отпивал из нее, не разрывая визуального контакта с Кристофом. Этот сон олицетворял собой все события прошедшего дня. Нужно было связаться с Роджером во что бы то ни стало. Кристоф начал звать его, махать руками, кричать, но картина перед ним не менялась. Роджер не слышал — он просто повторял одно и то же действие. Кристоф вдруг понял, что раз он может говорить, то сможет и колдовать, и он не придумал ничего лучше, чем отправить в Роджера огненный шар, который просто пролетел насквозь. Кристоф поднимал камни и бросал их в Роджера, но и камни его не замечали. Он пытался поднять Роджера вверх, и тот поднимался, но только потому, что Кристоф поднимал свои глаза, а Роджер все также был прямо напротив них. Промучившись какое-то время, Кристоф понял самое главное и самое ужасное: вся его магия — фикция. Он чувствовал себя обезьяной, которая может взять в руки и камень, и палку, и даже бросить их в кого-нибудь, но она не сможет построить из камня дом, не сможет сложить из палок мост или даже просто разжечь огонь. Магия, разбросанная по миру, была ценным даром прошлого, но все, что могли с ней делать люди, называющие себя магами, это бросаться ей, как камнями. Да, Кристоф мог заживлять мелкие раны, но не смог бы пришить оторванную ногу — это было слишком сложная и тонкая работа.

Он забросил свое занятие и просто стал смотреть в глаза Роджеру. Он смотрел и пытался ответить на один приевшийся вопрос: кто этот человек? Откуда он пришел, и как он вообще может быть? Маг без магии — разве такое возможно? Этот человек просто не мог существовать! «Худшее, что может случиться с магом, — это остаться без магии!» — эта присказка ходила в его бытность учеником. Ужасная байка о том, что кого-то можно лишиться магии и возможности ею пользоваться, была похожа на сказку. Можно было как-то отобрать магию у того, кто ее приобрел, но он мог приобрести ее снова. Отобрать магию у врожденного мага было немыслимо, но даже если предположить, что можно, то он все равно мог ее приобрести и продолжить ею пользоваться. Но можно ли сделать так, чтобы человек был несовместим с магией, не мог носить ее, не мог владеть ею, магия бы просто не замечала его или стекала с него как с гуся вода? Возможно! Но ведь управление магией — это не способность тела, это способность разума. Кристоф сел в медитативную позу и отбросил все мысли — остались только два чистых ясных взгляда.

Хлоя спала как сурок — долгий день на лошади без нормальных остановок утомил ее больше остальных. Если в тавернах с ней невозможно было тягаться, и никто не понимал, откуда у нее столько сил, то в скачках на долгой дистанции она давала всем возможность отыграться. Джоф в одиночку боролся со своим самым длинным кошмаром, и эта борьба поддерживала в нем магию больше, чем магия поддерживала его. Роджер уже давно спал без снов — сны всегда вызывают эмоции, а эмоции не дают заснуть, а значит, и не дают выспаться. К тому же сны Роджера всегда были о чем-то очень древнем и могли взбудоражить кого угодно, поэтому он старался их избегать.

«Худшее, что может случиться с магом, — это остаться без магии!» Что бы сказал Роджер на эту фразу? Скорей бы всего согласился с ней и даже посочувствовал бы тому магу, которого лишили магии только что, год, десять или даже сто лет тому назад, потому что последующие сотни лет, если у мага было столько времени, ему придется восстанавливать свой мир с нуля. Правда, у лишеного магии не было столько времени, его приходилось воровать, как и воровать саму магию. Но не так воровать, как можно украсть кошель с

монетами, еду или одежду, а так, как можно украсть лошадь, чтобы проскакать на ней полдня и затем оставить. Даже не так — сесть на лошадь вместе с всадником и проскакать какое-то время незаметно для этого самого всадника, забраться в повозку к бродячим артистам и тайком переехать с ними в другой город. Воровать придется так, как никто еще не воровал, — воровать не саму магию, а возможность ею воспользоваться.

Кто ты, Роджер? Черный джинн пустыни!? Нелепое название из трех довольно обычных слов, которые, произнесенные вместе, внушали ужас не одному поколению магов нового мира. В последние столетия существования высшей школы магии о нем уже никто не помнил, он был лишь строчкой из учебника, безымянным примером мага-неудачника, которого лишили магии. Слухи об убийце магов лишь набирали свой неспешный ход, но никто не обращал на это особое внимание, потому что маги умирали и раньше, и от старости, и в войнах, и даже от нелепой случайности: на кухнях, в борделях, отравленные несвежими продуктами, не успевшие вылечиться, глупые, самовлюбленные и с невероятным самомнением, чуть меньшим, чем когда-то было у него. Магический вампир? На заре своего становления он лишь пытался отобрать магию у тех, кто ею обладал, но все было без толку. Он лишь вытягивал магическую энергию и расплывал ее в пустоту, потому что она избегала его, она не желала иметь с ним ничего общего. Он выискивал слабых магов и истощал их до потери сознания, но даже так не мог отобрать их магию — она все равно оставалась их неотъемлемой частью. Он мог лишить их жизни и кого-то даже лишал, но не этого он хотел в своей безумной и черной мести. Он хотел превзойти эту проклятую школу, вернуться и показать всем, что нет никакого мира магии — есть только он, уникал, маг, не владеющий магией, который один может изменить весь этот мир.

А потом все внезапно оборвалось — случилась эта короткая война, и больше не осталось никакой высшей магической школы, не осталось никаких высших магов, все перевернулось вверх дном. Он пропустил этот день, узнав о том, что мир безвозвратно изменился лишь по странным, неестественно ярким радугам и цветным дождям, шедшим месяцами. Он с опозданием узнал, что сбылась его черная мечта — высшая школа магии больше не существовала! Ни на одно мгновение он не стал счастливым. Весь черный смысл его существования исчез — не было больше тех, перед кем он бы мог упиваться своей новой невероятной силой. Он думал, что все это ложь и обман, что они все попрятались, скрылись, затаились и ждут своего часа, но он все проверил, он все обыскал, он сотни лет носил внутри себя нелепую надежду, что мир может вернуться в свое прежнее русло. Да, оставались маги, разбредшиеся по некогда существовавшим странам. Да, кто-то из них продолжал существовать в артефактах, и, возможно, кто-то из высших стал джинном, но это все было уже не важно. Перестала существовать сама школа! Он жил и думал, что когда-нибудь вернется в нее, населенную теми, кто родился на тысячелетие позже его ужасной магической казни, и войдет в нее неуязвимый для магии и ошарашит всех своими способностями, и наведет поселит ужас в сердцах на учеников, учителей и высшего руководства, а после смилуется и, унизив всех этих выскочек, выгонит их и займет их место, и сам станет преподавать совершенно новый предмет. О, небеса, какая тупая наивность, жившая в нем сотни лет. Он вбил себе в голову черную и жгучую идею мести и носил ее в своей душе долгое время. Сначала он пестовал ее в своих снах и представлял, как все произойдет, но чем дальше летели годы, собирающиеся по капле в столетия, чем больше он вырос и рос в новой ипостаси того, кому даже названия нет, тем реже он возвращался к этой затее мести, тем меньше он пытался ее вообразить, боясь и понимая, какой же она

покажется ему тупой, наивной и нелепой.

Школа перестала существовать, мир возродился новым и уникальным, а он, тогда еще даже не Роджер, почувствовал себя абсолютной пустышкой, будто не только магия не хотела его признавать, но и сама жизнь этого не хотела. Радость, счастье, удовольствие, грусть, тоска и горе, — все обтекало его, как звенящий и быстрый ручей с легкостью обтекает здоровенный и тупой камень, оказавшийся на его пути.

Магов стало меньше, а магии стало больше. Стал ли мир от этого лучше или хуже, кто может ответить? Роджер как-то встретил одного такого же бывшего мага, как и он. Никакими словами он не смог бы объяснить, как он понял, что этот человек такой же, как и он сам, один из тех трех идиотов или счастливцев, лишенных магии. И тот тоже понял, что перед ним такой же неудачник. И он, и Роджер тогда путешествовали с магами, чьей магией поддерживали свое существование. И Роджер быстро почувствовал, что его собственный уровень развития намного выше, потому что видел, что маг, спутник того человека, чувствует грубое вмешательство в свою магическую ауру, но не может понять, что происходит. Роджер был последним их трех магов, кого лишили магии, и он уже был лучше, чем один из трех. Они обмолвились ненужными словами, ни разу не коснувшись того, о чем спрашивали их глаза. Роджеру нечего было спрашивать, и он не стал бы ничего отвечать, а вот у того человека было много вопросов, но он и без слов понял, что перед ним кто-то совсем другого уровня, и лучшее, что он может сделать, это убраться подальше и продолжить свое жалкое существование.

В новом мире оказалось, что Роджер был зависим от магов, потому что сама по себе магия, таящаяся в разбросанных по свету источниках магии, была для него практически бесполезной: он не мог ее ни собрать, ни унести, ни даже воспользоваться ею, потому что она еще не вступила ни с кем в симбиоз и не была адаптирована под использование живым существом. Он находил эти источники, окруженные скелетами неприспособленных животных и идиотов, желающих достичь легкого всемогущества без каких-либо усилий. Он заходил в них, и магия убегала от него как от прокаженного, как вода, которая не может ни намочить, ни прикоснуться, но постоянно находится рядом. Он пытался наладить связь, но она его не видела, не слышала и не слушалась. Он в отчаянии ложился на дно этих источников, но не задыхался, так как воздух легко проходил сквозь магию и не позволял ему умереть. Магия не хотела его принимать, но и жизнь не хотела его отпускать. Нелюдимый одиночка был обречен жить среди людей, ненавидящий магов был вынужден водить знакомства с магами и ценить тех, кто обладал более сильной магией. Он прошел все стадии приспособления к этому новому, но далеко не дивному миру. Роджер самостоятельно пришел к тому, что цель каждого человека — это счастье. Оставалось определить для себя понятие счастья, отыскать или создать его, если это возможно, либо изменить под него себя или весь мир.

Роджер невзначай солгал сам себе, когда на вопрос Кристофа о черном пустынном джинне возмущался, как можно было так засветиться. Он не хотел себе признаваться, что он и есть тот некогда наводящий на всех ужас джинн, хотя по факту он и джинном-то никогда не был. Он просто слишком долго жил и слишком много видел. Иногда ему казалось, что жизнь просто нарезает круги, потому что в большинстве своем люди и сейчас, и две тысячи лет назад внутри себя ничем особо не отличались. Но он не лгал Кристофу, когда говорил, что сейчас для него все обрело смысл, что в последние десятилетия его жизни эта самая жизнь обрела смысл. В этом новом мире вдруг появились новые люди, которых никогда

раньше не было, и рядом с этими людьми было хорошо! После той странной войны Роджер изменил свое восприятие мира, и память начала постепенно затирать и прятать все плохое, оставляя лишь пятна хороших событий. Он давно уже не убивал ни магов, ни простых людей — в этом не было никакой необходимости. Не убивал до вчерашней ночи! А все потому, что сейчас он сидел, облокотившись не на колесо повозки, а на сундук с сокровищами, цена которых превышала цену его собственной безумно долгой жизни.

Некогда он, подобно Соларусу, управлял городами и даже пытался объединить их в небольшую, но стабильную страну — два столетия бесплодных усилий и еще столетие безразличного наблюдения, как его империя, построенная на силе и ловкости, рушится в бездну. В мире истинной магии, где ее владельцы действительно умели ей пользоваться, Роджер со своими способностями мог иметь все шансы на успех, но этого не могло произойти в мире с элементами хаоса, где случайные маги-самоучки вырастали спонтанно тут и там, как грибы после дождя, где никому не нужные, не владеющие магией воины, собравшиеся в огромные банды, представляли для него реальную угрозу. Будучи великим правителем, если сравнивать с правителями того времени, он держал возле себя довольно сильных магов и пользовался их магией в своих целях, он содержал армию, перед которой открывались ворота любых городов, но ему постоянно приходилось удерживать стены собственной империи, и, когда он устал от всего этого и отпустил, — все рухнуло в кратчайшие сроки.

Он жил с разными женщинами, к которым не испытывал ничего, кроме влечения. Они были красивыми и не очень, умными и не очень, добрыми и не очень. Желание близости, как и желание жизни, накатывало волнами, и эти волны давно утопили все его чувства и залили весь его огонь. Но ни одна из тех женщин так и не родила ему ребенка, словно вместе с магией у него отобрали и жизнь, и способность продлить свой род. Когда-то он хотел, чтобы все страдали также, как и он, но почему-то сейчас, пройдя через все это, он никому бы не пожелал такой пытки. Если и существовал ад, то для Роджера он существовал прямо на Солидусе, и для этого ему не нужно было даже умирать. Но однажды он познакомился с Джофом, пришел в его дом и вскоре понял, что, возможно, его вечным мукам пришел конец.

Балда спал на спине, положив руку на секиру Джофа. Перед тем, как заснуть, он думал о запахе травы и дождя, и о том, почему Джоф не дал своей секире имя, как это делают все мало-мальски знаменитые воины, почему он даже своего коня называл просто конем. И единственный ответ, который приходил в голову, был связан с ним самим. Дать нормальное имя секире и лошади, но не дать его своему племяннику — это выходило за все разумные границы, а значит, в Джофе было достаточно много человеческого, если все это не было обычным безразличием.

Балда стоял на холме, с которого открывался прекрасный пейзаж на широкую и спокойную извивающуюся вдали реку, на берегу которой стоял большой и красивый белый дом. Вокруг была одна сплошная зеленая трава, высокая, до колена, изгибающаяся и переливающаяся от порывов свежего ветра, небо было умеренно темным и свинцовым, почти белым ближе к горизонту. Балда спустился вниз и побежал к дому, побежал так, чтобы чувствовать каждый шаг, каждое соприкосновение с землей, каждое касание травы. Чувство было настолько настоящим, ветер так сильно бил в грудь, что все, казалось, происходило в реальности. Дом оказался дальше, чем ему представлялось с вершины холма, и, пока он бежал, начался дождь. Внезапный, резкий и косой дождь безжалостно хлестал своими упругими и длинными каплями, и небесная вода обволакивала все его тело. Реакция

на удары и холод сразу же давала понять, где он чувствует свое тело, а где еще нет, и радость от этих наложенных пятнами ощущений наполняла его сердце.

Он замедлился перед домом и увидел, что дом был большим и просторным, и в нем не было дверей. Широкие и высокие арки-порталы проглядывались насквозь, и ветер без зазрения совести гулял по всему дому, в котором с трудом можно было выделить какую-либо комнату. Где-то в центре дома сидели на полу его знакомые волшебники и во что-то играли. Пол был жесткий, но при этом и упругий, словно устланый странным эластичным ковром без ворса, упасть на него было бы не больно. Пол, потолок и стены дома были белыми и чистыми. Балда никогда в своей жизни не видел ничего настолько белого, разве что обглоданные волками кости оленей. Тем не менее дом не вызывал таких неприятных ассоциаций.

Балда подошел к своим знакомцам и сел рядом с ними, сразу же намочив пол вокруг себя.

— Кажется, моя беготня в прошлый раз не прошла бесследно. Утром я проснулся с легкой болью в ногах, — поделился он своими достижениями.

— Представляю, что будет с твоими ногами на второй день! — ответил Вернер и бросил кости. Выпало две шестерки, и Вернер продвинул свои фишки на нужное количество ходов. Блаж с прищуром посмотрела на него, собрала кубики в кулак и выбросила две семерки. Кажется, таких цифр на кубиках быть не должно, подумал Балда.

— Ты первый начал! — ответила Блаж возмущенному Вернеру и сделала свои ходы. Вернер задумался, будто дальше игра перешла в интеллектуальное русло. Он взял кубики, потряс их и выкинул два идеальных бриллианта, внутри каждого из которых через непрекращающуюся игру света можно было различить переливающийся темный шар. Блаж взяла один из них в руки, поднесла к лицу и стала пристально разглядывать. Балда взял второй и тоже посмотрел ближе, и чем ближе он подносил бриллиант к глазу, тем явственней различал темную звездную ночь с мигающими и падающими звездами. Он вытянул руку, отдаляя камень, и тот вновь заиграл светом на всех своих гранях.

— Ладно, будем считать, что ты выиграл, — Блаж улыбнулась мужу и вставила бриллиант в появившееся у нее на пальце кольцо, а второй отобрала у Балды и выбросила куда-то за спину. Недолгий удаляющийся глухой стук камня сопровождал его, пока тот не выкатился за пределы дома и не исчез в траве. — Уникальные вещи должны быть в единственном экземпляре, иначе они утрачивают свою уникальность.

— А до моего появления вы играли по правилам? — спросил Балда.

— Мы всегда играем по правилам, вот только правила постоянно меняются! — объяснил ему Вернер. — И самое сложное, что можно сделать во сне, — это максимально точно воспроизвести реальность.

— Я было подумал, что ты выкинешь двух божьих коровок с восьмью точками на каждой, но ты решил победить по-другому, — Балда вступил в их маленькую игру.

— Ты разве не слышал, что сказала Блаж? Я выиграл, и для этого мне совсем не пришлось побеждать.

Здесь Балда понял, что не стоит тягаться с мудрецами в том, в чем ты не смыслишь, даже если это твое главное преимущество. Блаж обожгла его своим румянцем, и его одежда, и волосы сразу же высохли.

— Чтобы научиться жонглировать камнями, не обязательно знать, что такое камни, но обязательно знать, что такое жонглировать, — вбросила она свою замысловатую метафору.

— Все, теперь ты выиграла! — сказал Вернер. — Но давайте закончим с бессмысленной философией, у нас же не турнир по слабоумию, и не конкурс бессодержательных метафор. Вернемся к тренировкам.

Слова Вернера расслабили Балду и вернули начавшую улетучиваться уверенность в своих умственных способностях.

— Скажите, вы специально сделали такую погоду, чтобы я понял, насколько сильна связь моего разума с моим телом во сне? Это замечательно! Не представляю, как можно научиться такому самому, а если и задумываться над этим специально, то не представляю, как много должно уйти времени. Когда я спускался с холма, то чувствовал, как трава касается моих ног, как ветер препятствует моему движению и как дождь хлещет по моему телу и моему лицу своими каплями. Я даже чувствовал холод воды и то, как она стекает по моим щекам и моим ногам. Но я почти не чувствую связи со своими руками и со многими другими мышцами тоже.

Вернер и Блаж переглянулись и, скорее всего, перекинулись несколькими словами.

— Там снаружи идет дождь? — наконец спросил Вернер. Они с Блаж вперли свои глаза в ближайший арочный проход и убедились, что этот странный шум, который не прекращался все это время, действительно принадлежал дождю, высокой траве и ветру.

— Хм, интересная погодка! — удивилась Блаж. — Видимо, пасмурно и дождливо не только снаружи тебя, но и внутри тебя. Сейчас с тобой происходят не очень приятные события: твой дядя балансирует на грани жизни и смерти, твои друзья взволнованы и сильно переживают, плюс вы остановились на ночлег в диком лесу, вдали от дома, вдали от хороших людей, и, скорее всего, погода у вас там не самая лучшая.

— Все так и есть, — тихо произнес Балда. — Я только сейчас начал осознавать, что меня окружают люди, которые ничего не знают обо мне, и о которых я совсем ничего не знаю. Роджер на взводе больше, чем остальные; Кристоф еще не понял, что я уже не тот, которого он знал; Джоф даже не представляет, что со мной произошло — мы разминулись во времени; Хлоя же рада, что я вдруг вышел из этого состояния отупения и, кажется, смотрит на меня совсем не дружескими глазами.

— Что?! — возмутилась Блаж.

— Он хочет сказать, что Хлоя, возможно, уже влюблена в него, — пояснил ей Вернер.

Ревнивое возмущение одной и проницательность другого выглядели одинаково удивительными. Но они могли бы поменяться ролями, подумал Балда, если бы на его месте была какая-нибудь смазливая девчонка. Кажется, такое могло случиться с любой парой, запертой навечно в необитаемом мире.

— У вас при жизни были дети? — спросил Балда, не подумав, потому что такие вопросы в таких ситуациях только так и задаются. Но отменять вопрос уже было поздно. Блаж и Вернер не вздрогнули, не изменились в лицах, а значит, уже можно было не переживать.

— Разумеется, были. Все они успешно выросли, обучились и разъехались кто куда жить своей жизнью. Периодически присылали нам то детей, то внуков, то праправнуков в школу, — ответил Вернер. И Блаж вдруг заплакала.

— Рискованный вопрос ты задал. Он в любом случае закончился бы слезами. Я точно знаю, что все было хорошо, только вот не всегда помню лица своих детей, — она засмеялась через слезы. — Маги слишком долго живут. Есть в этом и свое преимущество, есть в этом и какое-то проклятие.

Вернер прикрыл глаза и замолчал, выжидая, пока хнычущая Блаж утомится. Его внутренние часы были откалиброваны миллионами дней повторений. Он не упрекал Балду в его внезапном любопытстве, он просто реагировал на происходящее.

Вдруг одна из ближайших стен осыпалась, и за ней раздался плач громче того, что исходил от Блаж. В образовавшемся окне показалось чистое светлое солнце и прекрасный луг возле красивого дома, стоящего на фоне уходящего вдаль города. На лугу сидела прекрасная ясноглазая женщина с длинными белыми вьющимися волосами. На руках у нее лежал неугомонный крикливый малыш, а рядом вокруг нее бегала вприпрыжку маленькая девочка и спрашивала, почему малыш плачет. Она подбегала к нему и гладила его по еще совсем маленьким волосикам и целовала в лоб, приговаривая своим детским голосочком: «Не плачь, смотри, какое солнышко яркое!» Девочка посмотрела прямо в окно и закричала: «Папа, папа, скажи братику, чтобы он не плакал!» Этой женщиной была Блаж, такой помнил ее Вернер. Балда смотрел восторженными глазами на счастливую семью, которая когда-то, кажется, была и у него, только он свою почти что не помнил, не считая прекрасного лица своей мамы. Он обернулся на магов и застал Блаж в крепких объятиях Вернера, и улыбалась она так же, как и та светловолосая Блаж. Балда отвернулся, чтобы не мешать и не смущать магов, но окно опять стало стеной, и все вернулось в свое первоначальное состояние.

— Ты сказал, что чувствуешь связь со своими ногами, но почти не чувствуешь рук. Я, конечно, не верю, что ты вообще способен что-то чувствовать после одного сна бега, но раз ты заговорил о руках, то давай посмотрим, что можно придумать.

Балда обернулся — маги сидели, как и в самом начале его прихода, будто совсем ничего не произошло. Балда улыбнулся Вернеру, потому что вдруг уловил в его словах особенный смысл. Слова Вернера не были похожи на слова учителя, который точно знает свой предмет, но они и не были похожи на спонтанные действия незнающего что делать человека. Он комбинировал слова так, чтобы создавалась иллюзия спонтанности, способная вызвать живой интерес у обучаемого, но и так, чтобы оставалась небольшая уверенность, что учитель все-таки знает, что делает. Если бы он сказал, что нужно пройти стандартный базовый курс, то убил бы весь интерес, ведь никто не хочет заниматься рутинной, через которую проходили все ученики до тебя и на которую обречены все последующие поколения учеников. Если бы он сказал, что точно не знает, что делать, и предложил бы пробовать все подряд, а потом выбирать удачные упражнения, то мог бы подорвать доверие к себе как к учителю и заставил бы усомниться учеников в собственных знаниях. Возможно, это был всего лишь их стандартный прием, чтобы вызвать интерес к обучению, но в любом случае он работал.

Вдруг снизу-вверх по стенам поползли странные извивающиеся лианы и на уровне выше человеческого роста начали отделяться от стен, сцепляться вместе и образовывать хаотичную сетку. Балда откинул голову назад и поразился хитросплетениям гибких стеблей. Он встал и поднял руку, чтобы коснуться сетки, но она была слишком высоко, он подпрыгнул, но смог коснуться ее лишь кончиками пальцев. И как только он коснулся сетки, она вдруг поднялась еще выше.

— И что я должен делать? — спросил Балда.

— Хватайся за сетку руками и перемещайся, переставляя руки, — ответила вернувшаяся в свое обычное состояние Блаж.

— Как же мне ухватиться за нее, если я не могу до нее допрыгнуть? — спросил он магов, предчувствуя какой-то подвох.

— Откуда мы знаем, как тебе достать до сетки, мы всего лишь обычные учителя

магии, — они веселились и, кажется, не собирались ему помогать.

— Значит, мне нужно достать до этой живой сетки любым способом? Значит, нужна какая-нибудь опора.

Балда отошел далеко в сторону, развернулся, разбежался, запрыгнул ногой на плечо сидящего Вернера и, оттолкнувшись, выпрыгнул высоко вверх. Плечо оказалось не лучшей опорой, но Балда все равно смог зацепиться одной рукой, однако, пока поднимал вторую, первая рука соскользнула, и он, подкинув ноги кверху, упал прямо на бок. Хорошая и плохая новости пришли одновременно — хорошая была в том, что в боку заныло, значит, здесь есть связь с телом, плохая была в том, что в боку продолжало ныть.

— Надо было на голову становиться, — назидательно и не вовремя посоветовала Блаж. — А то мы так никогда и не узнаем, зачем Вернеру голова.

— Он мог бы испортить мне прическу, — парировал Вернер. — Я, конечно, волшебник, но я же не всемогущий. А вот твоя голова была бы идеальной опорой, в ней много ума, значит, не развалится.

— Уверена, что и в голове Балды тоже много нераскрытого ума, поэтому он и не стал делать таких глупостей. Попробуй еще что-нибудь, может, по стене залезь. Они там прочно закреплены?

Это она его спрашивает? Балда подошел к стене и схватился за лиану — она была довольно прочной, шириной от одного до двух пальцев, но легко отделялась от стены. Он попробовал залезть по ней, и она выдержала. Движение было слишком медленным, и стебли постоянно сползали, так что Балда за небольшой промежуток времени продвинулся лишь на голову вверх. Маги с веселым любопытством наблюдали за его попыткой добраться до сетки. Ему хотелось все бросить и воспользоваться преимуществами сна, но это бы сразу убило весь смысл того, что он делает. Мудрость, что нужно слушаться учителей, пришла к нему сама и довольно быстро. Он мог с ними шутить и спорить, но результатом этого могло быть только хорошее времяпрепровождение. Чтобы понять то, чего он не понимает, и научиться тому, чего он еще не умеет, надо было делать так, как советовали те, кто уже понимает и умеет.

Вдруг шум дождя перекрыл странный треск и привлек общее внимание. Со всех входов в доме внезапно начался пожар, пробивающийся через пол. Балда посмотрел в ближайшую аркаду и увидел пламя на фоне непрекращающегося дождя. Пока он смотрел на огонь, лианы провисли под его тяжестью и его ноги стали касаться пола. Он отпустил лианы и посмотрел во все пролеты — огонь вырывался со всех сторон.

— Я всегда думал, что обучение проходит постепенно: от легкого этапа к сложному, чтобы полученные ранее навыки и опыт помогали преодолевать возрастающие с каждым разом трудности, — как бы без обращения к кому-то конкретному сказал Балда эту сложную фразу.

— Мы тоже так думали, — ответила Блаж, не отрывающая глаз от огня. — И если ты полагаешь, что этот огонь наша идея, то ты ошибаешься.

Вдруг пол возле одного из выходов дома обвалился и пламя вырвалось с новой силой. Следом обвалился пол в другом конце дома, и Балда вдруг почувствовал тепло под своими ногами. Далее непонятно из чего сделанный пол начал обваливаться со всех сторон, и образовавшиеся ямы пламени стремительно двинулись к центру дома.

— Вот это приключение! — воскликнул Вернер, но даже не удосужился подняться с места.

— Тебе срочно нужно что-то делать, — с невозмутимым лицом сказала Балде так же

спокойно сидящая рядом с Вернером Блаж. — Иначе мы все умрем.

Их спокойное безразличие пугало больше, чем если бы они вдруг начали кричать и испуганно заметались, как загнанные в угол звери. Балда осмотрелся, но кроме стен и сетки наверху ничего вокруг не было. Он отбежал, набирая дистанцию, разбежался и, изо всех сил оттолкнувшись от стены, выпрыгнул вверх и обеими руками крепко схватился за сеть лиан. Он почувствовал хватку пальцев и натяжение в плечах — первая часть была выполнена. Он переставил руки, и это оказалось совсем не сложно, пальцы крепко удерживали довольно шершавые стебли, которые не прогибались, потому что от них уже успели ответвиться ростки, крепко зацепившиеся за потолок. Он двинулся к выходу, навстречу приближающейся яме огня. Судя по всему, пламя не должно было его достать, но, когда пол обвалился прямо под ним, он почувствовал навалившуюся тяжесть и боль в плечах и в пальцах, а еще он почувствовал, как что-то цепкое и тяжелое схватило его за ноги. Балда, как мог, ниже опустил голову и увидел, что на его ногах висят Блаж и Вернер. Они прижимались к его ногам своими телами и поджимали свои ноги так, чтобы огонь их не доставал.

— А вы не могли бы выйти из дома как-нибудь по-другому? — спросил Балда странным глухим хрипучим голосом, потому что опущенный на грудь подбородок сдавил ему горло.

— И бросить тебя здесь одного?! Ты плохо о нас думаешь, — ответила Блаж и крепче обхватила его выше колена.

— Клянусь небом, я не буду думать о вас плохо, — говорить было чуть ли не тяжелее, чем висеть.

— Хватит болтать. Смотри, вон тот выход ближе всего к нам!

Вернер показал рукой в сторону одного из выходов, хотя, учитывая, что они висели в самом центре, то и все выходы были от них равноудалены. Но, возможно, что на какие-то два локтя этот выход и был ближе. Балда понял, что маги с него не слезут и стал передвигаться вперед. Каждый раз, отпуская одну руку, он был уверен, что вторая сейчас соскользнет, и все они упадут туда, куда он, к счастью для себя, даже не мог толком взглянуть, но каждый раз лианы вцеплялись в его пальцы мощной хваткой и не позволяли ему сорваться. Руки были натянуты до предела, и в реальной жизни он бы уже порвал себе все связующие сухожилия, и ткани плеча, и мышцы рук, но во сне этого не происходило.

— Шевелись ты уже, а то у нас скоро зады будут красными, как у тех обезьян, — поторапливала его Блаж.

— Да, не хотелось бы, чтобы статус твоего зада опустился с прекрасного до просто красного, — поддержал ее Вернер. Раз они могли шутить, то, значит, им ничего не угрожало.

— Ты же не ждешь, что сейчас обвалится крыша и дождь все затушит! — Блаж точно знала, как ему трудно сейчас отвечать, собственно, поэтому и говорила.

Поняв, что ему не дадут сорваться вниз и сорвать себе руки, Балда через боль увеличил темп своего перемещения и, потеряв счет этой мучительной вечности, в итоге добрался до такой нежной, сочной, влажной, переливающейся во всем буйстве своего зеленого цвета травы. Вернер и Блаж спрыгнули на траву на очередном качающем движении, и Балда аж подпружинил вверх. Лианы перестали хвататься за потерявшие напряжение руки и на движении вниз выскользнули из уставших пальцев. Тело Балды полетело в бездну, но в последний момент маги схватили его за ноги. Наивная мысль, что его сейчас вытащат, посетила уставший разум.

— Огонь ворвался в твой сон из реальности. Тебе срочно нужно просыпаться, — сказала Блаж.

— А чуть раньше вы не могли мне этого сказать? — спросил висящий вниз головой Балда.

— Не переживай, время во сне и в реальности летит с разной скоростью, так что ты все успеешь. Да и не бросать же тренировку из-за какого-то пожара! — они отпустили его ноги, и Балда с криком улетел в пасть огня.

Конец первой книги серии

Больше книг на сайте - Knigoed.net